

Анна Орлова

Овсянка, мам!

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Каждое утро в почтенном семействе Хэлкетт-Хьюз начинается с овсянки. Вот только однажды в эту овсянку вместо масла или молока добавили... яд.

Что тут началось! И семья, как выясняется, не такая уж почтенная. И жертва не так добропорядочна, как представляется на первый взгляд. И шкафы гостей ломятся от скелетов.

Убийство? Анонимные письма? Покушения? Магия? Нарушение обещания жениться? Причем это, кажется, еще не все...

За расследование берутся инспектор Баррет и мисс Мэри Райт!

- [Анна Орлова](#)
 - [Действующие лица](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Эпилог](#)
-

Анна Орлова
Овсянка, мэм!

Действующие лица

Мисс Мэри Райт – энергичная старая дева тридцати семи лет.

Мисс Роуз Карпентер – юная племянница мисс Райт, медсестра, прибывшая в Дорсвуд ради ухода за леди Присциллой.

Леди Присцилла Поуп – старая ведьма (во всех смыслах), обладающая значительными собственными средствами, владелица коттеджа «Ивы».

Леди Хелен Хэлкетт-Хьюз – единственная дочь покойного барона Хэлкетта, которому некогда принадлежали окрестности Дорсвуда.

Полковник Бартоломью Хьюз – супруг леди Хэлкетт-Хьюз. Отставной военный, человек немислимых для смертного достоинств (по его собственному мнению) и напыщенный индюк (по мнению всех остальных).

Родерик Хьюз – сын и наследник четы Хьюз. Повеса, бездельник, любитель выпить и перекинуться в картишки.

Сибил Бредфорд – подруга леди Хэлкетт-Хьюз по пансиону. Трижды вдова.

Арнольд Фаулер – ученый-археолог с мировым именем, специалист по холмам фэйри.

Леона Фаулер – сестра Арнольда Фаулера, восходящая звезда кинематографа.

Чарльз Гилмор – владелец соседнего имения, одинокий чудак и любитель редкостей. Самый завидный холостяк в округе.

Джеймс Миллер – местный викарий, страстно увлеченный благотворительностью и садоводством.

Рут Миллер – сестра викария, весьма целеустремленная особа.

Доктор Брайан Пэйн – деятельный молодой врач, напрочь лишенный светского лоска.

Инспектор Этан Баррет – столичный полицейский, который волею судьбы гостил неподалеку.

Констебль Стивен Догсли – пес-оборотень, помощник инспектора Баррета.

Констебль Греггсон – местный полицейский, потрясенный свалившимся на него расследованием убийства.

Альфред Уильямс – идеальный дворецкий, служит в семье Хьюз почти пятнадцать лет.

Миссис Уайлд – экономка в семье Хьюз, принята на должность около полугода назад.

Джоунс, Гроувер – садовники.

Сисси – горничная леди Присциллы.

Миссис Шилдс – служащая почты.

Миссис Брэнт, мисс Смит – ее подруги, жительницы деревни.

Миссис Харрис – наемная работница.

Дорсвуд, милая деревушка в окрестностях Лозборо на юге Альбиона

Глава 1

Овсянку следовало бы поместить в справочник «Яды и декокты» где-то между мышьяком и белладонной. Смерть от нее, конечно, не так скоропостижна, зато очень, очень мучительна.

Подумать только, каждый день начинать со склизкой мерзости в желудке! Тут любой сведет счеты с жизнью, лишь бы не влачить дальше столь жалкое существование.

Я с отвращением подняла ложку, рассмотрела неаппетитную жижу с комками разбухшего изюма и опустила обратно в тарелку. Это было выше моих сил.

– Тут отличный повар, не правда ли, мисс Райт? – с набитым ртом поинтересовался полковник Биббингтон, мой сосед по столу, такой же скучный, как овсянка в его тарелке.

– О да!

Иронии он не заметил. Кивнул важно и принялся разглагольствовать о преимуществах альбионской кухни, о прелести альбионской погоды, о важнейших битвах альбионской истории...

Словом, Альбионом я была сыта по горло еще до того, как сошла с корабля на его унылую землю. Накрапывал дождь, из порта доносились запахи водорослей, мокрой кожи, нечистот и гнилой требухи. Вокруг сновали моряки, носильщики и подозрительного вида дети.

Я поставила на палубу чемодан, в который легко уместились все мои скудные пожитки, и пониже надвинула шляпку, спасаясь от ветра и мороси.

Здравствуй, Альбион! Не думала, что снова тебя увижу...

Вежливый стюард помог мне сойти по трапу.

– Поймать вам такси, мэм?

Я покачала головой и легко солгала:

– Нет, благодарю. Меня встречают.

По правде сказать, денег оставалось совсем немного, а ведь нужно еще купить кое-какие мелочи. Теплую ночную сорочку, халат,

шерстяные носки и прочее в таком роде. Совершенно отвыкла! В жарких странах не было нужды кутаться.

И расходы... Добираться придется на трамвае. Нужно еще подкрепиться – по-видимому, в одном из тех ужасных дешевых кафе, где чай похож на чуть подкрашенную воду, а ломтики тостов немногим толще бумаги и такие же безвкусные.

Стюард поджал губы, не дождавшись чаевых, затем улыбнулся следующей пассажирке с безвкусно огромными бриллиантами в ушах.

Что же, в нашем мире ты получаешь то, за что можешь заплатить.

Я отвернулась, крепко сжимая ручку потертого чемодана. Когда-то роскошный, из крокодиловой кожи, с обитыми медью уголками, теперь верный спутник моих путешествий поизносился и обтрепался. Впрочем, как и я.

От воспоминаний меня отвлек звонкий голос:

– Тетя Мэри!

– Роуз? – поразилась я, высмотрев в толпе белокурую девушку в маленькой старомодной шляпке.

Совсем как на фото, которое она выслала мне полгода назад.

Конечно, я отправляла телеграмму – нехорошо было бы нагрянуть без предупреждения. Но не думала, что племянница ради меня примчится из своей глуши.

Роуз привстала на цыпочки и неистово замахала руками, чуть не уронив сумочку.

– Тетя Мэри, я тут!

Я перехватила чемодан обеими руками, выставила перед собой и ввинтилась в толпу, действуя им на манер тарана и то и дело повторяя:

– Простите... Извините... Я такая неуклюжая...

Несколько минут спустя я наконец смогла обнять Роуз за хрупкие плечи.

– Как ты, дорогая?

Роуз часто моргала. Светлые, как у многих натуральных блондинок, ресницы слиплись от слез, но губы улыбались.

– Со мной все хорошо, тетя... Нет, правда, хорошо! Я так рада, что ты смогла приехать!

– А уж как я рада.

Я прижалась щекой к ее макушке и прикрыла глаза.

Оно того стоило. Стоило бесконечных дней болтанки в каюте, остатка моих сбережений и даже мерзкой овсянки.

Прежде всего мы отправились за покупками. С ними, впрочем, было покончено быстро – я привыкла довольствоваться малым и была не слишком придирчива. Зато Роуз с удовольствием поглазела на витрины и выбрала себе новую брошь: золотисто-оранжевый кленовый лист, который так подходил к ее коричневому пальто.

О чашке чаю в дешевой забегаловке Роуз даже слышать не захотела.

– Тетя, что за глупости? Тебе нужно нормально питаться. Ты ужасно похудела, и под глазами синяки.

– Любопытный способ сказать женщине, что она постарела, – усмехнулась я.

Роуз смутилась и притворно нахмурилась.

– Тетя, не переводи разговор. Ты истощена, я это говорю не как любящая племянница, а как медсестра!

Она была так очаровательна, что я со смехом сдалась.

– Хорошо-хорошо. Покоряюсь и внимаю. Что ты мне пропишешь? Бульон?

– Хорошую отбивную, рагу и крепкий сладкий чай. Счет оплачу я! И не спорь.

От любого другого слышать подобное было бы унижительно, но Роуз сделала это с таким тактом, что я лишь кивнула...

Вкусная еда и немного заботы совершили чудо. Я расслабилась, чего не позволяла себе уже долгие, долгие месяцы.

– Что ты собираешься делать теперь? – спросила Роуз, когда от плотного обеда остались лишь крошки.

– Понятия не имею, – пожала плечами я и сказала с наигранной бодростью: – Буду искать работу.

На какое место я могла претендовать? Для горничной я слишком стара. Секретарша? Продавщица в одном из модных универсальных магазинов? Помощница аптекаря? Везде нужны молодые, хорошо бы с образованием. В мои тридцать семь на новом месте устроиться тяжело.

Выкручусь. И не в таких переделках бывала.

Я ни словом не обмолвилась, насколько печальны мои дела. Но Роуз, при всей ее наивности, дурочкой не была. Она протянула руку и сжала мою ладонь. В огромных голубых глазах племянницы читалось сочувствие.

– Тетя Мэри, мы что-нибудь придумаем. Обязательно!

– Мы? – переспросила я, подняв брови. – Мне показалось или ты имела в виду не нас с тобой?

– Так и есть, – призналась она, покраснев. – Я имела в виду леди Присциллу Поуп, мою хозяйку, и... еще одного человека. Очень хорошего человека!

Мне стало смешно и чуточку грустно. У малышки Роуз появилась сердечная привязанность? Ничего удивительного, ей ведь уже девятнадцать, к тому же Роуз – настоящая красавица. Тоненькая, нежная, хрупкая, словно фарфоровая.

– Роуз, – сказала я мягко, – я очень ценю твою заботу. Но не стоит отягощать моими проблемами посторонних. Я справлюсь.

Она нахмурилась.

– Тетя, я ведь смогла выучиться и получить диплом медсестры только благодаря тебе. Я знаю, что папа с мамой не оставили мне ни пенни. Последние три года именно ты оплачивала мои счета и учебу, еще и присылала деньги на булавки. Теперь мой черед.

– Я делала это не ради...

– Тетя, перестань! – Обычно кроткая Роуз, кажется, начала сердиться всерьез. – Конечно, не ради этого. Я просто очень тебя люблю и... У меня больше никого нет. Побудь со мной хотя бы немного, прошу.

Я покачала головой.

– Боюсь, это невозможно. Тебе нужно возвращаться.

А у меня нет денег на пансион, даже если он найдется в той деревушке.

– А вот и нет! – Роуз, как маленькая, показала мне язык. Сущее дитя! – Леди Присцилла пригласила тебя на уик-энд. На Белтайн, если точнее. Сама пригласила, я об этом даже не заикнулась! Прощу тебя, поедем со мной.

Я посмотрела на желтые нарциссы в вазе. Вздохнула.

– Роуз, послушай...

Очень соблазнительно. Мне так нужна передышка. Но...

Роуз подалась вперед и умоляюще сложила руки.

– Леди Присцилла очень богата, ты нисколько ее не стеснишь. Тетя, прошу!

– Ну хорошо, – сдалась я, помолчав.

В конце концов, что значат эти три дня?

Выйти нам пришлось в Лозборо, поскольку в крохотном Дорсвуде поезд, конечно, не останавливался. Роуз настояла на путешествии первым классом. «Я могу себе это позволить, тетя Мэри!» – гордо сообщила она. Так что в пути я прекрасно отдохнула и теперь с интересом разглядывала окрестности из окошка такси.

Это была деревушка на берегу живописного ручья, словно сошедшая с открытки. Кирпичные стены, побуревшие и выщербленные от времени, придавали домикам какое-то неизъяснимое очарование, а крыши из дранки делали их похожими на трухлявые грибы. Пожалуй, смотрелось бы мрачновато, если бы не буйство красок в палисадниках. Царственные розы, капризные клематисы, милые анютины глазки и веселый душистый горошек притягивали взгляд и смягчали суровый вид деревни.

– Красиво, правда? – с гордостью спросила Роуз, как будто сама вырастила все это разноцветье. – Эй, осторожнее!

Такси резко затормозило, едва не сбив с ног почтенную даму, укутанную в великое множество шалей и платков. На вид ей было за восемьдесят. Старушка пересекала дорогу с непринужденной уверенностью лайнера в океане.

Водитель посигналил и замахал руками, отгоняя старую даму, словно курицу. Лицо ее, похожее на печеное яблоко, гневно сморщилось, и старушка потрясла в нашу сторону кулаком. Затем она расправила на плечах три шали – пуховую, шелковую и кружевную – и поковыляла дальше.

Водитель вполголоса чертыхнулся и вновь тронулся с места, теперь куда осмотрительнее.

– Миссис Меллинг, – объяснила Роуз рассеянно. – Местная достопримечательность. Половина деревни – ее родня, так что у нас ее уважают.

«У нас», неужели?

Я приподняла бровь.

– Дорогая, надеюсь, ты не собираешься осесть в этом... милом уголке?

Роуз залилась краской и вздернула подбородок.

– Почему бы и нет? Мне нравится Дорсвуд.

– Мне тоже, – созналась я, разглядывая чудесные маргаритки вдоль дороги. Похоже, когда-то неподалеку жили фэйри. Даже через сто с лишним лет с тех пор, как фэйри ушли, остатки силы еще питали эту землю. – Сам по себе Дорсвуд неплох. Но, дорогая, ты так молода! Стоит ли хоронить себя в такой глуши?

– Ты не права, тетя Мэри, – сморщила носик Роуз, нервно поправляя перчатки. – Дорсвуд чудесный! Здесь живут прекрасные люди и...

Я с трудом сдержалась, чтобы не закатить глаза.

«Прекрасные люди», ну конечно! Добросердечная Роуз всех судила по себе, не замечая в окружающих ни изъянов, ни пороков. Когда-то я тоже такой была, поэтому знала, что спорить бессмысленно. Во всяком случае, напрямую.

– Роуз, дорогая, – сказала я терпеливо, похлопав ее по руке, – разве хорошие люди живут только здесь?

Вопрос был с подвохом, и племянница не нашлась с ответом. Упрямо поджала губы и отвернулась, делая вид, будто заинтересовалась пейзажем.

– Взгляни! – Она указала на старинную церковь. – Разве она не прелестна? Говорят, ей семьсот лет.

Возможно, только годы не пошли церквушке на пользу. Стены поросли мхом и лишайниками, витражи кое-где раскрошились, а крыша выглядела так, будто вот-вот свалится на голову.

Я промолчала, лишь быстро взглянула на лучащееся счастьем лицо племянницы.

Влюблена. Влюблена отчаянно и безоглядно.

Коттедж «Ивы», как нетрудно догадаться, располагался на берегу пруда, поросшем старыми узловатыми ивами. По меркам Дорсвуда, дом был почти новым – век, не больше, что для этих мест суцкая ерунда. Нарядные белые стены, красная черепичная крыша, а сад...

Мне вдруг захотелось выпрыгнуть из такси, снять туфли и побежать по газону босиком. Провести ладонью по нежным, словно нарисованным акварелью анютиным глазкам в кашпо и ящиках. Устроиться в шезлонге под пышной липой. Срезать букет пионов, только-только начавших распускаться на клумбе у входа. Нарвать базилика, мяты и розмарина, зеленеющих чуть поодаль. Посидеть с книжкой в беседке, что прячется в глубине сада, попить чаю на веранде.

Я вдохнула аромат душистого горошка, обвивающего кирпичную ограду, и прикрыла глаза. Пожалуй, кое в чем Роуз права. Дивное местечко. Почти как коттедж «Дрозды», в котором я родилась и выросла. Я не была там сколько?.. Почти двадцать лет. Но дом все еще мне снится.

– Тетя Мэри? – осторожно окликнула Роуз, тронув меня за плечо. – С тобой все в порядке?

– Разумеется! – Я заставила себя выдохнуть и отвести глаза.

Успею еще налюбоваться.

Такси покатило по гравийной дорожке и остановилось у входа. Резные колонны напоминали ивы, в стороне умиротворяюще журчал фонтан.

Рядом с пышными кустами пионов возился садовник. Он перемешал палочкой какой-то бурый состав, накачал насос и принялся обрызгивать нежно-розовые бутоны. Пахло отвратительно.

Я остановилась как вкопанная и крикнула:

– Перестаньте! Что вы делаете? Да-да, я вам говорю.

Садовник посмотрел на меня исподлобья. Руки его прятались в широких садовых перчатках, а лицо скрывала низко надвинутая шляпа. На вид ему было лет пятьдесят.

– Отойдите, мэм! Не то может случиться несчастье. Это очень едкий состав.

Последнее он, кажется, сказал с гордостью.

– Еще какое несчастье, – кивнула я. – Вы сейчас уничтожите эти чудесные цветы.

Один роскошный куст уже был наполовину покрыт коричневой жижей. Ему же больно!

– Мэм, при всем уважении, – побагровел садовник, – я знаю, что делаю!

– Сомневаюсь, – отрезала я, отогнав желание отобрать насос и... обрызгать этой гадостью самого садовника. – Иначе не стали бы обрабатывать эти несчастные пионы табачным настоем с дегтем.

– Да что бы вы понимали! – разошелся садовник, взмахнув своим нехитрым инструментом. – Это же тля, видите? От нее нужно избавиться.

В доказательство он потряс еще не распустившимся бутоном, по которому деловито сновали муравьи. Прозрачный, липкий даже на вид налет подтверждал его правоту. Но неужели у хозяйки этого дома не хватит денег на нормальное зелье?

Я чуть повысила голос:

– Ваш состав уничтожит не только тлю, но и облюбованные ею бутоны!

Негромкие аплодисменты разорвали напряженную предгрозовую тишину.

– Bravo, милая, bravo! – Пожилая леди неторопливо спускалась по ступенькам, элегантно опираясь на трость. На голове у нее был тюрбан, мочки ушей украшали массивные серьги. – Джоунс, я же велела вам ничего не предпринимать, не спросив прежде разрешения. Мало вам несчастного клематиса, у которого из-за неправильного полива едва не загнили корни? Или роз, слишком рано укрытых на зиму?

Лицо ее походило на вырезанную из коры маску. Потемневшую кожу покрывало бесчисленное множество морщин, узкий бесцветный рот напоминал трещину в стволе, а нос – самый обычный сучок. Зато глаза, яркие, зеленые и живые, сводили облик старой развалины на нет. А еще ощущалась рокошущая, тяжелая сила, способная пригибать деревья.

– Но это же просто тля, – пробурчал Джоунс, по-детски спрятав свой вредоносный состав за спину. – Еще мой дедушка...

– Во времена вашего дедушки, Джоунс, пионы в наши края даже не завезли, – погрозила ему узловатым пальцем старая леди. – Скройтесь с глаз моих. Иначе...

Дослушивать садовник не стал. Неловко поклонился и опрометью кинулся прочь.

Старая леди устремила на меня тяжелый взгляд.

– А вы, милая...

– Позвольте представить вам мою тетку, мисс Мэри Райт. – поспешино вмешалась доселе молчавшая Роуз. – Тетя, это леди Присцилла Поуп, хозяйка «Ив». Я ухаживаю за леди Присциллой уже третий месяц.

Старуха отчего-то хмыкнула и по-мужски протянула мне крепкую и узловатую, будто древесный корень, руку.

– Здравствуйте. – Она склонила голову к плечу, разглядывая меня, словно те несчастные пионы.

Какого цвета? Когда зацветут? Не обманул ли продавец с сортом? Нет ли каких болезней?

– Рада знакомству, леди Присцилла, – вежливо сказала я, пожимая твердую ладонь.

Странное чувство – будто зуд под кожей – заставило меня поморщиться. Все-таки чужую магию я воспринимаю с трудом.

Старая леди вновь хмыкнула и склонила голову к плечу.

– Расслабьтесь, я не причиню вам зла. Слово ведьмы.

Я выдохнула.

Не сказать, чтобы в Альбионе было так уж мало ведьм – с тех пор как их перестали преследовать, одаренных стало намного больше, – но встретить одну из них в таком глухом местечке было неожиданно. Это раньше ведьмы прятались в лесах и отдаленных деревушках, теперь скрываться нет нужды.

– Нам следует выпить чаю, – изрекла леди Присцилла, поудобнее перехватив трость.

И, не дожидаясь ответа, направилась к дому. Оставалось только подчиниться.

День был прекрасный, на редкость солнечный и теплый, так что мы устроились на веранде. Горничная накрыла на стол и бесшумно удалилась.

– Милая, – обратилась ко мне леди Присцилла, раскладывая по тарелкам пирожные, – вы ведь ищете работу?

Никаких светских разговоров о здоровье и погоде. Хотя ведьмы всегда были на редкость прямолинейны. Могли себе это позволить.

– Кхм, – кашлянула я. – Признаться... да.

– Не обижайтесь на старуху, – усмехнулась она. – Я слишком стара, чтобы тратить время на бессмысленную болтовню, поэтому

спрашиваю прямо. Как вы смотрите на то, чтобы остаться в «Ивах»?

В мудрых зеленых глазах светились насмешка и понимание.

Роуз вскрикнула, глаза ее восторженно заблестели.

– В каком качестве? – поинтересовалась я, не торопясь радоваться.

– Видите ли, милая моя, – леди Присцилла принялась разливать чай, – мне уже не под силу присматривать за хозяйством. С домом я кое-как управляюсь, но сад в запустении.

Запустение – громко сказано, хотя старую леди можно понять. Нелегко смотреть, как дорогое тебе место ветшает и приходит в упадок. Поэтому я никогда не вернусь в «Дрозды».

– Горошек и сейчас выглядит прекрасно, – искренне похвалила я, за что удостоилась благосклонного кивка.

Старая леди тщательно размешивала ложечкой сахар.

– Раньше я сама много делала в саду. Кое-что пересаживала, обрезала розы и так далее. Хотя тяжелые работы, разумеется, выполнял садовник. Однако полгода назад Уитс ушел на покой, оставив меня в сложной ситуации.

– Неужели так сложно подыскать знающего садовника?

Она пожала плечами.

– Мало желающих ехать в такую глушь. Джоунс, мой нынешний садовник, раньше служил в нотариальной конторе, а садоводством увлекся на пенсии. Он не так плох, однако нуждается в присмотре. Думаю, вам это по плечу.

Я осторожно пригубила горячий чай. Он оказался выше всяких похвал, с тонким ароматом бергамота и вишневого листа.

– У меня нет образования и рекомендаций, – заметила я наконец.

– Мелочи, – отмахнулась она. – Мне не нужны чьи-то рекомендации, я больше доверяю собственным глазам. Вы ладите с растениями, ведь так?

Я молча наклонила голову.

Не только с растениями, хотя мне всегда нравилось с ними возиться.

У нас, потомков светлых фэйри, всегда есть что-то... эдакое. Исцеление, музыка, цветоводство, живопись – все то, что помогает создать в этом неуютном мире свой кусочек гармонии.

Звучит-то как: потомки! На деле кровь настолько разбавлена, что уже почти не в счет.

– Я положу вам хорошее жалованье, – продолжила леди Присцилла, отпивая чай. – Числиться вы будете... думаю, моей компаньонкой. Садовница – это слишком эпатажно для Дорсвуда. В доме будете проживать на том же положении, что и ваша племянница, столоваться со мной. Заодно составите мне компанию. Ну, что скажете?

Роуз затаила дыхание и умоляюще сложила руки.

В конце концов, почему нет? Все устроилось как нельзя лучше.

– Я согласна. Если только мне не будут подавать на завтрак овсянку.

От такой перспективы меня передернуло.

– Милая моя, – произнесла леди Присцилла снисходительно, – в моем доме не едят овсянку. Признаться, терпеть ее не могу. Надеюсь, против старой доброй ветчины, булочек и яичницы вы ничего не имеете?

Облегчение было столь велико, что я едва не воспарила над верандой, как семя одуванчика.

– Ровным счетом ничего, – заверила я серьезно.

Леди Присцилла хлопнула в ладоши.

– Превосходно! Тогда можете завтра же приступать.

Джоунс, конечно, в восторг не пришел, и его трудно было за это винить. Пока мы с Роуз после чая гуляли по саду, он все время что-то ворчал себе под нос, громко шаркал ногами и гремел тачкой.

От Роуз не ускользнуло его возмущение.

– Тетя Мэри, – тихонько сказала она мне, остановившись на берегу пруда, – не обижайся на мистера Джоунса. Он не злобный, просто...

– Просто не привык подчиняться какой-то приезжей фифе, – закончила я с улыбкой, видя ее неловкость. – Дорогая, не тревожься. Поверь, крокодильи или, скажем, москиты куда неприятнее мистера Джоунса.

– Тетя! – возмутилась Роуз, но не выдержала и рассмеялась.

– Поверь своей старой тетушке. – Я похлопала ее по локтю. – Я вполне способна осадить Джоунса.

– Даже не сомневаюсь. – Племянница порывисто обняла меня и крепко прижалась к моей груди. – Мне так тебя не хватало, тетя! Я ужасно соскучилась. И совсем ты не старая.

– Ну-ну. – Я погладила ее по спине, обтянутой темно-синим строгим платьем. – Роуз, дорогая, ты преувеличиваешь. Как ты могла по мне скучать? В последний раз мы виделись на твоих крестинах, и ты вряд ли это помнишь.

Она помотала головой.

– Зато последние три года мы постоянно переписывались. Тетя Мэри, ты для меня ближе всех на свете!

– Даже ближе твоего молодого человека? – спросила я лукаво. – Ну-ну, не смущайся. Это ведь прекрасно.

– Да, но... – Роуз отстранилась и вытерла глаза.

– Что – но?

Ответить она не успела. Из дома выглянула горничная и позвала:

– Мисс Карпентер, мисс Райт! Обед через полчаса, мне велели напомнить.

– Спасибо, Сисси, – отозвалась Роуз смущенно. – Тетя, позже поговорим, хорошо?

Позже нам поговорить не удалось.

Вечером в Дорсвуде разыгралась гроза, а с нею – и ужасная мигрень у леди Присциллы. Роуз просидела у ее постели всю ночь, то давая микстуры, то протирая виски пациентки ароматной водой с уксусом. К утру она сама валилась с ног, и леди Присцилла, которой наконец стало лучше, отослала Роуз отдыхать.

Я позавтракала в одиночестве, а после вышла в мокрый после ночного дождя сад.

Дорожки блестели, словно покрытые лаком. С деревьев срывались холодные капли. Анютины глазки поникли, пришибленные ливнем, а пионы склонили бутоны до самой земли.

Садовник возился с молодыми бальзаминами, которые бурей повалило набок.

– Доброе утро, мистер Джоунс! – крикнула я.

Мокрый газон хлюпал под ногами. Следовало бы купить калоши, но кто знал, что они понадобятся?

– Мисс Райт! – Садовник поднял голову и просиял так, что я сразу заподозрила неладное. – Смотрите, какая напасть!

И сунул мне под нос лист хосты с десятком слизней.

– Что прикажете с этим делать? – Мистер Джоунс преданно таращил глаза, но злорадные нотки в голосе его выдавали.

Должно быть, приличной леди от такой мерзости полагалось завизжать или повалиться в обморок. После чего, конечно, немедленно уехать.

– Мистер Джоунс, это же...

– Вам плохо, мисс?

Не на ту попал.

– ...великолепно! – закончила я твердо. – Они очень полезны, вы знали? Конечно, если слизней становится слишком много, они могут нанести вред. Но тогда достаточно обработать сад специальным зельем, я знаю хорошее.

Он замотал головой.

– Зелый хозяйка не признает. Мешают, говорит. Да и вообще... У нас тут так не принято!

Я вздохнула про себя. Так было бы проще, но что поделать?

А с «вообще» тем более не поспоришь. В глубинке до сих пор к зельям относятся с большим предубеждением.

– Тогда можно рассыпать порошок корицы, истолченную яичную скорлупу и чуть-чуть медного купороса. Годится также уксус или соль, но их нужно применять с осторожностью. Если, конечно, вы не предпочитаете пивные ловушки.

– Пивные ловушки? – переспросил он тупо.

– Ну да. Следует закопать в саду банки, в которые налить немного пива. Слизни залезут туда, привлеченные запахом, и...

– И? – переспросил он завороченно.

– Не смогут выбраться обратно! – закончила я с торжеством.

Садовник схватился за сердце.

– Доброе пиво? Слизням? Мисс, да как можно-то?!

– Ну-ну, Джоунс, не нужно так волноваться. – Я по-дружески похлопала его по руке. – Не думаю, что слизни так уж хорошо разбираются в пиве. Так что вы можете налить им какого-нибудь похуже.

– Н-н-нет уж, мисс, – мотнул головой Джоунс, все еще красный от негодования. – Это же надо придумать – пиво! Я лучше по старинке, горчицей обойдусь.

– Как угодно, – ответила я, пряча улыбку. – Если вам требуется лишь отпугнуть слизней, это и впрямь один из лучших способов. А вот если вы хотите их поймать, то я советую все-таки пиво.

– Поймать? – не понял садовник. – Зачем, мисс?

– В Чайне, например, – сказала я наставительно, – их очень уважают. Правда, больше морские виды.

– Их что же, едят?! – позеленел бедный мистер Джоунс.

Как там в Писании? Кто роет другому яму, тот сам в нее попадет? Отец любил это повторять.

– Едят тоже, – согласилась я. – Не вижу принципиального отличия от улиток, которых так любят франки.

– Так то ж франки! Простите, мисс. Добрый альбионец такую гадость в рот не возьмет.

– Слизней очень ценят в медицине как укрепляющее и тонизирующее средство. – Я понизила голос и доверительно склонилась к садовнику. – Особенно джентльмены. Для настоек, мазей... по мужской части. Вы ведь понимаете?

Мистер Джоунс выпучил глаза, выдавил придушенно:

– Простите, мисс.

Бросил лист на землю и с наслаждением раздавил слизней сапогом.

Только три дня спустя Джоунс опомнился настолько, чтобы вновь попытаться выкурить меня из «Ив». В этот раз он не делал скидку на женскую чувствительность, а сразу зашел с козырей.

– Как чудесно у тебя пахнет! – заметила Роуз, заглянув в мою комнату по какой-то мелкой надобности.

– Еще бы, – хмыкнула я. – Мистер Джоунс расстарался. Взгляни-ка.

Я отдернула кружевную занавеску. На клумбе под окном бурно цвели и благоухали алиссум, резеда и маттиола. Последняя, правда, пахла только вечерами.

– Ой, – всполошилась Роуз. – Сколько пчел! Закрывай скорей.

Я захлопнула окно и сказала весело:

– Надо поблагодарить мистера Джоунса за дивный запах, как думаешь? И заодно намекнуть ему, что я не боюсь пчел. Они меня не кусают.

Чистая правда. Пчелы, комары и прочий гнус меня избегали. В тропиках это очень пригодилось.

Роуз широко распахнула глаза и прыснула.

– Тетя Мэри!

– Что, дорогая? – Я улыбнулась. – Интересно, что будет следующим?

Следующей была компостная куча в саду неподалеку от моей комнаты. С этим справилась кухарка, которая тотчас принялась распекать садовника за вонючую яму рядом с домом. Чего доброго, крысы заведутся!

– Мистер Джоунс, я вас не узнаю! – выговаривала она. – Вы как будто ума лишились. Чем вам, скажите пожалуйста, так досадила мисс Райт? Такая приятная леди!

Садовник угрюмо молчал, комкая в руках грубые рукавицы. Выглядел он каким-то скособоченным, морщился, словно от боли, и потирал поясницу.

Я постояла с минуту и тихонько прокралась в свою комнату. Вернулась как раз к окончанию воспитательной беседы.

– Возьмите, мистер Джоунс. – Я протянула ему пузырек. – Это настойка с перцем и чабрецом, натирайте больное место перед сном.

Я встретилась взглядом с его мутными от боли глазами.

Ваш ход, мистер Джоунс. Примете руку дружбы?

– Спасибо, мисс Райт, – пробурчал он, пряча взгляд, и добавил с натугой: – Я... очень ценю, вот.

– Пожалуйста, – улыбнулась я, мысленно потирая руки.

Могу поспорить: готов!

И впрямь, вылечив с моей помощью свой прострел, мистер Джоунс стал кротким, как овечка. Разговаривал почтительно и бросался выполнять любой приказ.

Леди Присцилла посмеивалась.

– Не ведьма ли вы, моя милая?

– Разве что по характеру, – отвечала я, улыбаясь.

Вечерами мы с ней повадились играть в криббедж. Роуз к картам не прикасалась, так что тихая игра для двоих оказалась кстати.

Зато леди Присцилла оказалась азартна.

– Милая моя, – сказала она, когда мы впервые сели за игорный стол, – на что будем играть? Согласитесь, без ставок скучно.

– Боюсь, – я потеряла переносицу и отодвинула колоду, – мне не по средствам играть на деньги.

– Глупости! – отрезала леди Присцилла, принимаясь тасовать. Пальцы у нее оказались ловкие, хоть и узловатые. Карты в них так и мелькали. – Об этом не может быть и речи. Как вы смотрите на... шоколад?

Рот у меня наполнился слюной. Шоколад был из прошлых, хороших времен.

Леди Присцилла позвонила и велела горничной принести коробку из спальни. Конфеты оказались дорогими, из лучшей столичной кондитерской, в гладкой деревянной коробочке, перевязанной шелковой лентой.

– Обожаю сладости, – призналась старая леди, понизив голос. – Хотя доктор меня за них ругает.

Поэтому леди Присцилла лакомится шоколадом тайком? Ну и ну.

– Пренебрегаете советами врача? – хмыкнула я.

– В моем возрасте маленькие радости важнее. – Она подмигнула. – Между нами говоря, моя милая, я вполне здорова, не считая обычных для стариков недугов. Три месяца назад у меня было воспаление легких, но теперь я полностью оправилась. Я не стала возражать против медсестры лишь потому, что наша милая Роуз меня развлекает.

– Мне нечего поставить взамен.

– Тут вполне хватит на двоих. – И она недрогнувшей рукой разделила конфеты на две горки в разноцветных фантиках.

Грех было от такого отказываться!

Первую же партию я выиграла.

– Хм, – сказала леди Присцилла, пододвигая мне конфету. – Будем считать, новичкам везет.

Однако я выиграла и вторую. И третью.

Леди Присцилла прикусила губу и увеличила ставку.

– На кону три конфеты! – провозгласила она торжественно. – Надеюсь разом отыграть. Только не вздумайте поддаваться, моя милая.

– Что вы такое говорите, леди Присцилла, – пробормотала я, хотя как раз обдумывала, как бы половчее проиграть.

Не стоит лишать леди маленьких слабостей. Это может плохо кончиться!

Впрочем, поддаваться не пришлось. Леди Присцилла, уstraшенная перспективой столь крупного фиаско, играла с блеском. Поздним вечером мы разошлись, вполне довольные друг другом. А потом я ела в темноте шоколад и жмурилась от удовольствия...

Так и коротали мы вечера день за днем, целых две недели. Дни я проводила в саду, заглядывая в дом лишь на ленч. Подошло время высаживать рассаду из оранжереи, и мы с мистером Джоунсом трудились не покладая рук. Яркие георгины, пророщенные гладиолусы, нежные лобелии, задорные астры – все это богатство должно было занять место на клумбах. Кроме того, следовало подкормить отцветшие тюльпаны, нарциссы и примулы, подвязать к опорам лилии, соорудить шпалеры для душистого горошка... Всего и не перечесать!

В первый же день садовник чуть не довел меня до сердечного приступа.

– Мистер Джоунс, это что же – вредительство? – спросила я, застав его на месте преступления с ведром в руке.

От мутноватого раствора знакомо попахивало.

Скорее недомыслие, конечно. Как он только весь сад не загубил? Хотя леди Присцилла говорила, что Джоунс работает у нее только несколько месяцев.

Садовник заморгал.

– Не понимаю, мисс. Отличный навоз, я сам отбирал! К миссис Пейтсли, значит, ходил. У нее хорошие коровки, и удобрение дают преотличное.

– Мистер Джоунс! – вздохнула я. Боже, дай мне сил! – Прошу вас, никогда... Вы слышите меня? Никогда не подкармливайте луковичные свежим навозом!

– Но другим-то цветам ничего, нравится... Ладно-ладно, мисс. Я понял. Не надо так на меня смотреть!

И понятился, чуть не раздавив сапогом молоденькую розу.

Права была леди Присцилла. За ним нужен глаз да глаз!..

В последнюю пятницу мая леди Присцилла была в отличном настроении, нанося мне одно сокрушительное поражение за другим.

– Вы хорошо играете в бридж, моя милая? – заговорила она, любовно разглядывая свой выигрыш.

– Боюсь, нет.

– Жаль. – Старая леди нахмурилась и постучала пальцем по губам. – В субботу и воскресенье мы приглашены в гости к моей внучатой племяннице, большой любительнице бриджа. На праздник по случаю первого дня лета.

Я кивнула. В последнюю весеннюю ночь полагалось не спать до рассвета.

– Мы, леди Присцилла?

Она подняла брови.

– Разумеется! Вы ведь, как-никак, моя компаньонка. И нашей милой Роуз не помешает развеяться. Что думаете?

Роуз от восторга захлопала в ладоши. Тут же опомнилась и напустила на себя подобающий медсестре строгий вид. Какое же она еще, в сущности, дитя!

Внучатую племянницу леди Присциллы звали леди Хелен Хэлкетт-Хьюз. Это нелепое громоздкое имя она несла с гордостью. Впрочем, леди Хелен Хэлкетт-Хьюз (для краткости я решила называть ее леди ХХХ) была горда собой во всех отношениях. Своим древним и славным родом – ее отцу некогда принадлежали места окрест Дорсвуда. Своим домом – между нами говоря, аляповатой смесью барокко и готики. Своим садом, драгоценностями, мужем, сыном... Продолжать можно до бесконечности.

Леди ХХХ была твердо уверена, что она лучше всех. Разве что верноподданно уступала королеве.

Даже когда леди ХХХ хотела быть любезной, разговаривала она так, словно делала собеседнику величайшее одолжение.

– Дорогая тетя Присцилла! – Леди ХХХ цедила слова сквозь зубы, целуя родственницу в щеку. – Я так рада тебя видеть!

– Не сомневаюсь. – В глазах леди Присциллы светилась ирония. – Позволь представить тебе моих сопровождающих. Мисс Мэри Райт, моя компаньонка.

– Очень приятно, – кивнула я.

– Кхм. – Леди ХХХ вперила в меня взгляд. – Не из тех ли Райтов, которые проживали в коттедже... «Ласточки», кажется?

Зря, зря я сюда приехала!

Я постаралась взять себя в руки, даже улыбнулась.

– Увы, нет.

Роуз все испортила.

– «Дрозды», – подсказала она тихо и побледнела под уничтожительным взглядом леди ХХХ.

– В мое время девушки не позволяли себе первыми заговаривать со старшими.

– Дорогая, – леди Присцилла покачала головой, отчего крупные бриллианты в ее ушах заискрились, – это было так давно...

Намек на возраст заставил леди ХХХ побледнеть от злости. Она была по-прежнему привлекательна, пусть даже было ей ближе к пятидесяти. Вот только спесивое выражение лица и взгляд свысока ее не красили.

– В юности я бывала в гостях у барона Мэлоуэна, владельца тех мест, – сообщила она надменно. – Вы ведь старшая из девочек викария Райта, верно?

– Увы, нет, – повторила я. – Я – средняя сестра.

– И впрямь. – Леди ХХХ поджала губы, подкрашенные темно-вишневой помадой. – Теперь я припоминаю. Старшая, кажется, Маргарет. Средняя Мэри, а младшая Люси?

– Именно так, – подтвердила я сдержанно. – Моя племянница, мисс Роуз Карпенгер, дочь Маргарет. Роуз медсестра, сейчас она ухаживает за леди Присциллой.

– Вам, мисс Райт, следует лучше воспитывать вашу племянницу. Иначе она пойдет по стопам вашей младшей сестры!

Роуз напряглась и залилась краской. Я незаметно сжала ее руку.

– Конечно, леди Хэлкетт-Хьюз.

Она надменно кивнула и отвернулась.

До чего неприятная особа!

Деваться было некуда. Положение служащей обязывало меня всюду сопровождать леди Присциллу, если на то будет ее желание. Приходилось терпеть и улыбаться. Зато я могла наблюдать и комментировать про себя.

Компания у леди ХХХ собралась удивительно разномастная, так что рассматривать гостей было интересно.

Полковник Бартоломью Хьюз, супруг достойной леди, оказался здоровяком с мясистым красным лицом и глазами навывкате.

– Парламенту следовало бы хорошенько припугнуть этих разошедшихся сипаев! – гремел он, потрясая кулаком. – Грязные, вонючие туземцы...

Гостям волей-неволей приходилось умолкать.

– Полковник Хьюз – политик? – шепотом спросила я у леди Присциллы, которая усадила меня рядом с собой.

Как сказала сама леди Присцилла: «Две старые девы всегда найдут, о чем посплетничать. Ведь так, моя милая?»

– О нет, – так же тихо отвечала она. – Просто Барт любит разглагольствовать о вещах, в которых ничего не понимает.

Я кивнула и перевела взгляд на молодого человека, не сводившего глаз с Роуз. Высокий статный шатен лет двадцати – двадцати двух оказался сыном и наследником четы Хьюз. На первый взгляд – мечта любой леди от семнадцати до тридцати. Но чуть заметные мешки под глазами, легкая краснота носа, капризный изгиб губ и дрожание пальцев выдавали беспутный образ жизни.

Зато другой джентльмен, знакомством с которым леди Хэлкетт-Хьюз весьма гордилась, был полной его противоположностью. Капитановые кудри Родерика Хьюза – против коротко остриженных, прямых и светлых, как солома, волос Арнольда Фаулера. Голубые глаза навывкате – против неожиданно темно-зеленых, глубоко посаженных. Изнеженная капризная миловидность – против чеканных мужественных черт. К тому же никто не назвал бы профессора Фаулера бездельником. Это был знаменитый исследователь холмов фэйри, который прославился своей удачливостью. Мистер Фаулер хмурился, глядя в свой блокнот, и время от времени что-то туда записывал.

Рядом с Арнольдом Фаулером откровенно позевывала красавица-блондинка в алом, слишком открытом для такого общества платье. Леона Фаулер, восходящая кинозвезда, которая снялась в нашумевшем фильме «Любовь и фэйри». У нее были такие же зеленые, как у брата, глаза, безупречная персиковая кожа и манеры утомленной славой актрисы.

Недавно я видела мисс Фаулер в столичном универмаге, где она произвела фурор. Кажется, все продавцы сбежались, чтобы ее обслужить. За ней следовали горничная и водитель, доверху загруженные пакетами и свертками. Чего там только не было, от чулок до детских игрушек!

И снова, как на заказ, ее полный антипод. Сибил Бредфорд давно переступила сорокалетний рубеж, но это последнее, о чем бы вы подумали, глядя на нее. Треугольное кошачье лицо, иссиня-черные волосы, разноцветные глаза – один карий, другой голубой, порочный рот и текучие плавные жесты – все в ней приковывало взгляд. Жажда жизни и ее удовольствий была из Сибил Бредфорд ключом.

Леди Бредфорд явно положила глаз на Чарльза Гилмора, которому принадлежало большое поместье по соседству с Хьюзами. Пожалуй, мистер Гилмор был не менее экзотичен на свой лад. Черноглазый смуглый брюнет делал все, чтобы его считали оригиналом. Одет он был в расшитый золотом сюртук, а на голове носил тюрбан, сколотый булавкой с огромным рубином. Белые перчатки, трость с навершием в виде ворона и бриллиантовая серьга в ухе довершали образ.

– Самый завидный холостяк в округе, – громким шепотом сообщила леди Присцилла. – Хотя ему почти сорок.

Мистер Гилмор услышал. Резко обернулся и вперил в меня пронзительные черные глаза. Я бы покраснела, не разучись я краснеть еще двадцать лет назад. Вместо этого я перевела взгляд на его спутника, которого мистер Гилмор представил как инспектора Этана Баррета, своего друга и однокашника по университету.

– Как? – вскричала при знакомстве леди ХХХ. – Разве полицейские учатся в университетах?

– Случается, – отвечал ей инспектор Баррет, и глазом не моргнув.

На редкость флегматичный тип. И снова – контраст. Рядом с вызывающе ярким Гилмором его друг, инспектор Баррет, словно терялся. Сероглазый шатен, не слишком высокий, не слишком низкий, не худой, не полный, не развязный, не бука... И еще много всяких «не». Инспектор казался заурядным до полной потери индивидуальности. А потом вы натыкались на его насмешливый острый взгляд и

кривоватую улыбку. Маску посредственности инспектор Баррет носил с блеском.

Зато следующие гости заурядными были, а не казались. Брат и сестра Миллер. Джеймс Миллер, викарий, на окружающих взирал кроткими голубыми глазами за стеклами очков, а его длинноватое, хотя и приятное лицо выражало бесконечную доброту. Викарию было лет пятьдесят, и он до сих пор не обзавелся женой. Хозяйство вела его незамужняя сестра, мисс Рут Миллер, которая была намного младше брата, лет тридцати пяти от силы. Очень худая, с непреклонно сжатыми губами, квадратным подбородком и размашистым шагом, она носила нелепую прилизанную прическу и старенькое вечернее платье, явно не раз перешитое и перекрашенное.

Последним, четырнадцатым, в нашей компании оказался рыжеволосый мужчина лет тридцати, веснушчатый и слегка нескладный. Доктор Пэйн, так его представила хозяйка. Доктору, кажется, общество не доставляло удовольствия, а вечерний костюм раздражал. Мистер Пэйн то и дело поправлял галстук и одергивал манжеты.

Пока я разглядывала гостей, обстановка накалилась.

На очередной пассаж полковника Хьюза: «Этих грязных дикарей давно следовало бы загнать в резервации!» – негромко ответил Чарльз Гилмор:

– Но ведь это их земля.

Низкий голос мистера Гилмора подействовал на полковника Хьюза, как апперкот. Он встрепенулся, выпучил глаза, нелепо дернул головой – и пророкотал:

– Слава альбионской короны!..

– Вряд ли короне принесет славу проигранная война, – заметил профессор Фаулер, отрываясь от своих записей.

– Проигранная?! – еще сильнее побагровел полковник Хьюз и загремел: – Славные альбионские воины сметут грязных дикарей за две недели! Это я вам говорю!

– Ну, если вы так говорите... – пробормотал мистер Гилмор с сарказмом.

– Вы ведь не бывали в Хиндустане, полковник Хьюз? – вновь вмешался профессор. – Могу вас заверить, тамошние жители обращаются с оружием, как настоящие дьяволы. Простите, леди.

Леди его простили.

Леона Фаулер прикрыла зевок рукой и отвернулась. Зато леди Бредфорд следила за разгорающейся перепалкой с видимым удовольствием. Как, кстати, и леди Присцилла. Леди ХХХ поджимала губы и гневно раздувала ноздри, хотя ее молчаливое негодование самым преступным образом игнорировали. Роуз переглядывалась с молодым Хьюзом. Сестра викария разглядывала свой носовой платок с таким видом, будто на нем были вышиты библейские заповеди (а может, и были?).

Доктор Пэйн и инспектор Баррет в беседу не вмешивались. У доктора было такое лицо, словно у него мучительно болели зубы. Зато инспектор иронически улыбался, как будто этот спор его чем-то забавлял.

– Истинная вера! Отечество! – гремел полковник Хьюз.

– Вы что-то путаете, полковник, – тонко улыбнулся мистер Гилмор, блеснув рубином в тюрбане. – Наше отечество тут, в Альбионе. Какое отношение к нему имеет Хиндустан?

– Империя! – выкрикнул полковник Хьюз и ударил кулаком по подлокотнику.

– К слову, верования коренных народов Хиндустана весьма интересны. – Это вновь профессор. – Выдвигаются даже версии, что на самом деле фэйри не скрылись в своих холмах, откуда перешли в другой мир, а нашли прибежище в заморских землях. Стали, так сказать, их богами.

– Грязные, презренные божки!

– Джентльмены! прошу вас, успокойтесь, – пытался урезонить их кроткий викарий, блестя стеклами очков.

– Джентльмены. – Ледяной голос хозяйки дома подействовал на спорщиков, как холодная вода на дерущихся кошек. – Полагаю, нам следует сменить тему.

Полковник Хьюз сглотнул, пробормотал:

– Да, дорогая.

И украдкой ослабил галстук.

Мистер Гилмор с улыбкой развел руками, а профессор Фаулер, что-то проворчав, вернулся к своим записям.

– Мистер Гилмор, – проворковала леди Бредфорд, прищурив разноцветные глаза. – А в ваших жилах, часом, не течет туземная

кровь?

– Сибил! – прошипела леди ХХХ.

– Да, дорогая? – Голос Сибил Бредфорд был мягок, а лицо – безмятежно. – Это всего лишь любопытство.

– Вы правы, – ответил мистер Гилмор, иронически вздернув бровь. – Моя бабушка была хиндустанской принцессой.

– Принцессой! – повторил полковник Хьюз с отвращением.

– Мистер Гилмор, – вмешалась леди ХХХ, одним взглядом осадив мужа, – вы будете участвовать в конкурсе садоводов? Я слышала, ваш дворецкий вырастил дивные розы.

– О господи! – Леона Фаулер отвернулась и закатила глаза. – Какая скука!

Леди ХХХ поджала губы и метнула в ее сторону гневный взгляд, который та проигнорировала.

– Что вы, леди Хэлкетт-Хьюз, – галантно ответил мистер Гилмор. – Как я могу с вами соперничать? Должен сказать, у вас восхитительный душистый горошек. Такие крупные соцветия, такие разнообразные оттенки. Просто водопад цветов.

Леди ХХХ даже немного порозовела, ненадолго сделавшись похожей на живого человека, а не на мраморную статую.

– Благодарю вас. Между нами говоря, из столицы мне прислали удивительные семена. Даже горошек тети Присциллы с моим не сравнится! Магическая обработка многое дает, сами понимаете...

– Это нечестно! – встрепенулся вдруг викарий. Под устремившимися на него взглядами он густо покраснел и пробормотал, запинаясь: – То есть я хочу сказать, это местный конкурс. Цветы выращены силами жителей Дорсвуда и...

– Вы не считаете меня жительницей Дорсвуда, викарий? – холодно поинтересовалась леди ХХХ.

– Что вы, – совсем смешался бедняга. – Но ведь не у всех есть возможность!..

Она рассмеялась неприятным злым смехом.

– Вы заделались социалистом, дорогой мой? Так или иначе, сажать любые сорта правилами не возбраняется.

– Но! – Викарий осекся, и сестра положила руку ему на плечо.

Сказала вполголоса:

– Джеймс, успокойся. Не стоит затевать спор.

– Конечно, Рут. – Он похлопал ее по ладони. – Извините, леди Хэлкетт-Хьюз.

Леди ХХХ надменно кивнула и отвернулась.

Деревенские жители в эту ночь жгли костры и плясали до рассвета. Но в доме леди Хэлкетт-Хьюз, разумеется, не было места таким плебейским развлечениям. Вечер начался с чинного обеда. За столом говорили исключительно о погоде, немного о театре и книгах. Впрочем, компания подобралась столь разномастная, что даже такие невинные темы вызвали живейшие споры.

– Детективы – ерунда! – горячился доктор Пэйн, экспрессивно размахивая вилок. – Вот, например, в новой книге сэра Кристиана Агата жертву травят цианистым калием в конфетах. Но ведь глюкоза... а проще говоря, сладкое, нейтрализует действие цианида!

– Полностью? – так живо интересовался мистер Гилмор, словно как раз прикидывал, как бы половчее кого-нибудь отравить. – Я имею в виду, нейтрализуется полностью или частично?

– Какая разница? – Актриса даже позабыла о роли скучающей звезды. – Существует ведь художественное преувеличение. Главное, чтобы книга была увлекательной.

– А давайте спросим мнение специалиста? – предложил профессор, улыбаясь. – Инспектор Баррет, что вы думаете о детективах?

Леди ХХХ не дала инспектору и рта раскрыть.

– Не будем поднимать за столом столь неаппетитные темы!

Доктор густо покраснел, отчего его рыжая макушка словно вспыхнула огнем, а остальные гости послушно уткнулись взглядами в тарелки. Только викарий – храбрый малый – кашлянул и завел речь о благотворительном концерте для сбора пожертвований на ремонт церковной крыши.

– Мы непременно будем, – заверила его леди Присцилла то ли из жалости, то ли в пику леди ХХХ, которая эту идею не поддержала.

– Согласитесь, викарий, – снисходительно вещала леди ХХХ, – ваши подопечные из церковного хора поют просто ужасно. А рояль! Он так фальшивит, что у меня начинают болеть зубы.

– Думаю, – насмешливый голос Чарльза Гилмора нарушил напряженную тишину, – я преподнесу новый рояль в дар приходу. Как

вы на это смотрите, викарий?

– Благодарю вас! – Кажется, священник от избытка чувств даже прослезился. – Вы очень добры, мистер Гилмор.

Тот лишь усмехнулся, отмахиваясь от благодарностей.

– Не стоит. Принимать участие в церковных делах – это наш долг. Глядишь, и спишется пара-тройка грехов. Правда, викарий?

На щеках леди ХХХ вспыхнули алые пятна.

– А я считаю, – громко заявил полковник Хьюз, – что подачки только приучают низшие классы к праздности!

В семействе Хьюз дела с тактом обстояли не лучшим образом.

– Не путайте подачки с милосердием, дорогой мой полковник, – парировал мистер Гилмор, усмехнувшись.

Надеюсь, до конца вечера никто не подерется...

Положение спас профессор Фаулер, принявшись вспоминать о своих экспедициях. Все с облегчением ухватились за безопасную тему, тем более что рассказчиком профессор оказался превосходным. Так что дальше беседа потекла легко и спокойно, даже сестра профессора несколько оживилась. Оказывается, в отрочестве мисс Фаулер путешествовала с братом, так что смогла припомнить несколько забавных историй.

После обеда вся компания вышла в сад. В каменных чашах уже разожгли огонь, который предстояло поддерживать до рассвета. На деревьях развесили бумажные фонарики, на лужайке расставили легкие кресла, а поодаль расположили шатер с алкоголем и закусками. Гости немедленно разбились на группки, тут и там слышались оживленные разговоры и смех.

Леди Присцилла дремала под деревом, так что мы с Роуз были предоставлены самим себе. Поначалу Роуз намеревалась героически скучать рядом со своей старой теткой, но вскоре чинные прогулки по дорожкам молодежи наскучили, и Родерик Хьюз затеял танцы. Из дома был принесен патефон, и на лужайке закружились первые пары.

– Позвольте вас пригласить, мисс Карпентер, – чинно произнес младший Хьюз, слегка поклонившись и протягивая руку.

– О... – Роуз растерянно оглянулась на меня. – Но тетя Мэри...

Очевидно было, что ей смертельно хочется танцевать. И, увы, танцевать с этим молодым нахалом. Даже если я на всю ночь прикую Роуз к своей юбке, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Дорогая, я без тебя не пропаду, – заверила я, слегка подтолкнув ее в спину. – Повеселись хорошенько.

– Спасибо, тетя! – просияла Роуз и убежала.

Я проводила парочку хмурым взглядом. Не лучший выбор для Роуз, хотя вряд ли она меня послушает. И вдруг заметила Чарльза Гилмора, который направлялся ко мне с таким видом, будто вознамерился пригласить на танец. Только этого не хватало!

Ускользнула я легко. Несколько шагов в сторону, и я скрылась за палаткой с импровизированным буфетом.

И невольно подслушала разговор.

– Родерик глаз с нее не сводит, – жаловалась леди ХХХ. – Посмотри, как бесстыдно она к нему льнет.

– Ты сама виновата. – Этот воркующий голос нельзя было не узнать. – Зачем ты ее пригласила?

– Тетя Присцилла настояла! – прошипела леди ХХХ.

– Странно, не находишь? Ладно компаньонка, но медсестра... Дорогая, тебе не следовало идти на поводу у тети.

– Не могла же я усадить за стол тринадцать человек! Не говоря уж о том, что леди и джентльменов должно быть поровну.

– Хелен, дорогая, – мелодично рассмеялась леди Бредфорд. – Не думала, что ты придержишься этих нелепых устаревших правил.

– Сибил, дорогая, – в тон ей ответила леди ХХХ, – не всем ведь наплевать на правила, как тебе.

Леди Бредфорд промолчала.

Так-так. Кажется, тут кроется какая-то тайна. Хотя что мне до нее?

– Я постараюсь отвлечь эту мисс Карпентер, – пообещала леди Бредфорд наконец.

– А я тем временем поговорю с моим мальчиком, – решительно заключила леди ХХХ.

И они разошлись в разные стороны...

Мой наблюдательный пункт оказался выше всяких похвал. Именно сюда леди ХХХ притащила отпрыска для вразумления. Или он сам решил промочить пересохшее горло? Хотя вряд ли. Молодой Хьюз шел с таким видом, будто делал матери величайшее одолжение, а она ему мягко выговаривала:

– Скажи, дорогой мой, о чем ты думал, когда порекомендовал эту... эту особу тете Присцилле?

– Мама, ну перестань! – отвечал он утомленно. – Мисс Карпентер опытная и компетентная медсестра.

– Только-только окончившая курсы? – возразила она язвительно. – Я навела о ней справки. Медсестра она без году неделя, ее даже сестрой Карпентер никто не называет! Дорогой, перестань морочить мне голову. Ты пригласил ее сюда, чтобы удобнее было крутить романы?

– Мама, что за выражения!

– Просто признай это.

– Ну хорошо. Эта девушка в моем вкусе, и у нас роман. Довольна? И будь добра, не порти нам вечер!

Он вырвался и ушел, а леди ХХХ еще долго, хмурясь, смотрела ему вслед...

Я привыкла рано вставать, так что проснулась в половине десятого. А легла ведь на рассвете! Повертелась с боку на бок, но больше не задремала. Пришлось вставать.

Спать хотелось невероятно. Я умылась холодной водой – не очень-то мне это помогло – и посмотрела в зеркало на свое помятое лицо. А ведь еще десять лет назад я могла не смыкать глаз ночь напролет и при этом чувствовать себя свеженькой как огурчик! Старею...

Эта мысль моего настроения не улучшила, так что к завтраку («С десяти до двенадцати, мои дорогие!» – как вчера сообщила леди ХХХ) я спустилась безо всякого аппетита.

В столовой, к моей тайной досаде, обнаружились и другие ранние пташки.

– Доброе утро, леди... Хэлкетт-Хьюз.

Чуть не сболтнула «ХХХ». Это все недосып!

Манерно оттопырив мизинчик, она держала в руке крошечную чашку. Несмотря на ранний час, одета и причесана леди ХХХ была очень тщательно.

– Доброе, милочка, – кисло ответила она и отвернулась, возвращаясь к прерванной беседе с профессором Фаулером, на внешности которого бессонная ночь никак не сказалась.

– Доброе утро. – Профессор кивнул мне и принялся мягким баритоном рассказывать очередную байку.

Увы, я была не в том состоянии, чтобы оценить его тонкий юмор. Хотелось лечь и закрыть глаза. Быть может, кофе поправит дело?..

Опустошив вторую чашку, я проснулась достаточно, чтобы захотеть есть. К этому моменту профессор уже ушел, но народу в столовой прибавилось. Подтянулись викарий Миллер с сестрой и, к моему удивлению, леди Сибил. Никогда бы не подумала, что она ранняя пташка!

Поздоровавшись со всеми, я подошла к буфету, уставленному блюдами под серебряными крышками. Гости должны были сами себя обслуживать.

Леди ХХХ как раз вознамерилась перейти от пищи умственной – то есть познавательного разговора с профессором – к пище телесной и щедрой рукой накладывала всем овсянку на воде. Кашу можно было сдобрить на свой вкус сливками, маслом, вареньем, медом или ягодами.

Я попятилась, чтобы не попасть под раздачу, но карающая рука хозяйки дома меня настигла.

– Возьмите, милочка, – снизошла ко мне леди ХХХ, буквально впихивая мне тарелку.

– Спасибо, я лучше возьму яичницу с беконом.

Леди ХХХ отступить не привыкла.

– Ерунда! По утрам нет ничего лучше овсянки. Она зарядит вас бодростью на целый день.

По мне, так скорее агрессией. Спорить, впрочем, я не стала. Отошла в сторонку и спряталась за большой пальмой в кадке.

Леди ХХХ на этом не остановилась и одарила мерзкой кашей всех собравшихся. Повезло профессору, что успел сбежать!

Викарий с постным видом перекрестил тарелки и завел молитву. «Благослови, Господи, пищу сию...» И далее в этом роде. Все покорно внимали. Леди ХХХ и сестра викария прикрыли глаза и шевелили губами, беззвучно повторяя слова. Я отвернулась. Терпеть не могу показную набожность!

Даже приправленная молитвой, овсянка вкуснее не стала. Поковырявшись в ней для вида, я бродила по столовой с тарелкой в

руке – как благоразумные леди весь вечер цедят один-единственный бокал шампанского.

На мое счастье, в комнату заглянул лакей.

– Простите, миледи, требуется ваше присутствие.

– Ну, что еще? – раздраженно спросила леди ХХХ и принужденно улыбнулась гостям. – Прошу прощения...

Она поставила свою тарелку на столик и вышла. Я же поймала за руку лакея и всучила ему свою овсянку, вполголоса потребовав:

– Унесите это!

– Да, мисс.

Лакей задрал нос и, держа тарелку на вытянутой руке, словно ночной горшок, отбыл.

Остальные гости смотрели на меня с плохо скрываемой завистью.

Я улыбнулась им, поскорее наложила себе полную тарелку сосисок и яичницы и на всякий случай спряталась за облюбованную пальму.

Только-только я успела попробовать сосиски – кстати, просто изумительные, – как за моей спиной восхитились:

– Потрясающий аппетит для столь хрупкой леди.

Я едва не подавилась.

– Боюсь, вас ввели в заблуждение, мистер Гилмор, – ответила я, прожевав. Надо же, не заметила, как он вошел. – Я всего лишь компаньонка леди Присциллы.

– Я знаю, – кивнул он и отпил кофе. – Однако от этого вы не перестаете быть леди.

Гладко выбритый, в простом светлом костюме и без тюрбана, он мигом растерял большую часть своей экзотичности. Хотя в его черных глазах было что-то завораживающее.

– Как сказать, – пожала плечами я. Леди ХХХ с ее снисходительным «милочка» ровней нас явно не считала. – В любом случае я не принадлежу к вашему кругу.

Мистер Гилмор понимать намек не пожелал.

– По-моему, – он доверительно склонился ко мне, – вчера вы наблюдали за всеми нами и насмехались.

Я даже не потрудилась сделать возмущенный вид. Сказала рассеянно:

– Неужели?

И вонзила вилку в очередную сосиску. Возможность спокойно поесть была для меня куда ценнее мнения мистера Гилмора. И, уж если на то пошло, ценнее мнения всех гостей, исключая разве что Роуз.

– Уверен, вы нас ни во что не ставите, – хмыкнул он.

– Вам кажется.

Странный разговор прервало появление леди ХХХ. Мистер Гилмор вынужден был засвидетельствовать хозяйке дома свое почтение, а я торопливо дожевала и вознамерилась сбежать.

Не тут-то было. В столовую тихонько проскользнула сияющая Роуз, которой бессонная ночь была нипочем.

– Здравствуй, тетя Мэри!

– Доброе утро, дорогая. – Я поцеловала ее в щеку и вздохнула про себя.

Леди ХХХ демонстративно отвернулась, зато леди Сибил посмотрела в нашу сторону, что-то негромко сказала и рассмеялась.

Роуз чуть побледнела.

Пришлось остаться. Не могла же я бросить племянницу на растерзание! Роуз и без того пришлось несладко. Гарпии, которые по странному капризу судьбы считались леди, вполголоса перебивали ей косточки. Леди ХХХ так увлеклась, что к своей овсянке до сих пор не прикоснулась.

Быть может, подойти к ним? Осмелятся ли они поливать Роуз грязью при мне?

– Тетя, не надо, – попросила она очень тихо, коснувшись моей руки. – Ничего хорошего из этого не выйдет.

Я лишь кивнула. И сказала – не слишком громко, но так, чтобы леди ХХХ расслышала:

– Дорогая, будь добра, принеси мне шаль. Хочу при свете дня взглянуть на хваленый горошек леди Хэлкетт-Хьюз.

– Думаешь, он стоит прогулки, тетя? – Улыбка Роуз была почти естественной.

– Сомневаюсь, но случаются в жизни неожиданности.

И отвернулась, пока возмущенная леди ХХХ хватала воздух ртом.

Роуз, виновато мне улыбнувшись, выскользнула из столовой. Следом откланялись викарий с сестрой.

Почти тут же появились полковник Хьюз с сыном и леди Присцилла. Леди ХХХ отпустила еще несколько колкостей в наш

адрес, но леди Присцилла ее осадила.

– Решительно не понимаю, Хелен, что тебе не нравится в этой девушке, – заметила она, попивая кофе. – Мисс Карпентер – милая девочка, компетентная и исполнительная. А также молодая и очень красивая. Правда, милый Родди?

– Да-да, тетя Присцилла, – натянуто улыбнулся он. – Я нахожу мисс Карпентер очаровательной.

И с вызовом посмотрел на вытянувшееся лицо матери.

– Я желаю мисс Карпентер только добра, – поджала губы леди ХХХ. – В конце концов, она впервые оказалась в избранном обществе и должна ему соответствовать!

– С каких это пор тебя, Хелен, волнует какая-то медсестра? – поинтересовалась леди Присцилла иронично.

Полковник Хьюз сосредоточенно жевал, а леди Сибил смотрела на заклятую подругу с плохо скрываемой насмешкой.

Не найдя поддержки, леди ХХХ поджала губы и взялась за ложку. Проглотила немного овсянки, сказала с досадой:

– Остыла!

– Позволь, я за тобой поухаживаю, – с готовностью предложил полковник Хьюз.

Леди ХХХ кивнула... и вдруг, захрипев, схватилась за грудь.

Тарелка выскользнула из ее рук, овсянка уродливыми кляксами запятнала ковер.

Лицо леди ХХХ побагровело, глаза выпучились, изо рта вырывалось странное сипение.

– Нет! Нет! – закричала она, глядя в одну точку, и повалилась на ковер.

– Мама! – Родерик Хьюз упал рядом с ней на колени.

Полковник Хьюз подавился и натужно закашлялся.

Леди Сибил, разом лишившись своей томности, прижала руку к губам и сильно побледнела. Только мистер Гилмор и леди Присцилла сохранили присутствие духа.

– Позволь я взгляну. – Леди Присцилла с неожиданной силой отстранила племянника и взяла леди ХХХ за руку.

А мистер Гилмор сообщил негромко:

– Я позову доктора Пэйна.

Я же, оцепенев, смотрела, как на губах леди ХХХ пузырится радужная пена. Словно леди проглотила кусок мыла и теперь давится пузырями. Не может быть!..

Она забилась в удерживающих ее руках, но быстро затихла. Только лицо стало совсем темным, страшным.

Доктор примчался почти сразу. Очевидно, мистер Гилмор поймал его на пути к столовой. Громко хлопнула дверь, доктор присел на корточки, заглянул в глаза леди ХХХ, прижал пальцы к ее шее.

Мгновения, как удары сердца.

Он поднял голову. На бледном лице доктора веснушки походили на брызги грязи.

– Все кончено, она мертва. Нужно вызвать полицию.

Глава 2

– Полицию?! – В лице Родерика Хьюза не было ни кровинки. – С какой стати – полицию? Что вы несете?!

– Боюсь, это был яд, – ответил доктор тихо, но твердо.

Леди Сибил вздрогнула, взгляд ее панически заметался. Леди Присцилла, напротив, прищурилась.

– Что за ерунда! – басил полковник Хьюз, потрясая вилкой, словно мечом. – Банальное пищевое отравление...

– Ни одно пищевое отравление не вызывает почти мгновенную смерть, – сухо ответил доктор, поднимаясь и отряхивая брюки.

Хьюзы – старший и младший – растерянно переглянулись.

– Сердце? – кашлянув, предположил Родерик.

Бедная, бедная леди ХХХ! Мне вдруг стало ее жаль. Она еще не успела остыть, а муж и сын уже думают лишь о том, как замять скандал.

– Поверьте моему опыту, – чуть повысил голос доктор, – это не сердечный приступ.

– «Пыльца фэйри», – тяжело проронила леди Присцилла, растирая виски. – Ведь так, доктор?

– Раз вы сами догадались, не стану отрицать. Возможно, конечно, что она сама приняла яд...

– Вы что, намекаете, что моя жена могла бы!.. – схватился за грудь полковник Хьюз.

– Несчастный случай? – предположил Родерик Хьюз с надеждой.

– Глупости! – рассердилась леди Присцилла. – Я смотрела на бедную Хелен, когда она это съела. Она ничего не подсыпала в тарелку, могу в этом поклясться.

– Вы готовы повторить свои слова перед судом, леди Присцилла? – Инспектор Баррет стоял на пороге, склонив голову к плечу.

Старая леди с легкостью выдержала его взгляд.

– Хоть перед самым Господом.

– Могу подтвердить, – подал голос мистер Гилмор. – Разве что она добавила яд заблаговременно.

– В тарелку? – Инспектор покачал головой. – Сомнительно. Возможно, яд был в общем блюде?

– Исключается. Мы все ели овсянку. – Мистер Гилмор кивком указал на стопку грязных тарелок. – Кроме разве что полковника Хьюза, который предпочел тушеные почки и фасоль.

И меня, хотя я не торопилась в этом сознаваться.

– Я собираюсь на охоту! – Полковник Хьюз пригладил волосы. – Кролики расплодились. Поэтому решил позавтракать поплотнее.

– Понятно, – рассеянно откликнулся инспектор, зачем-то понюхал остатки в общем блюде, хмыкнул и заключил: – Есть основания считать, что речь идет об убийстве.

Родерик шепотом выругался, а полковник Хьюз поморщился.

– Проклятая ищейка! – пробормотал он таким тоном, чтобы полицейский расслышал.

Я даже головой покачала. Злить полицию – не лучшая идея.

И куда, хотела бы я знать, запропастилась Роуз? Лучше бы ей, конечно, этого не видеть, но столь долгое ее отсутствие заставляло меня тревожиться.

Инспектор Баррет кивнул и закрыл за собой дверь.

– Что скажете, доктор?

Ступал он мягко, почти бесшумно. Совсем не похоже на всегда грохочущих сапогами констеблей.

– Точный диагноз будет известен после вскрытия. – Доктор Пэйн нахмурился.

– Вскрытия?! – охнул полковник Хьюз, но на него не обратили внимания.

– Однако могу поручиться: речь о большой дозе «пыльцы фэйри», – закончил доктор, понизив голос.

– Я так понимаю, все присутствующие в курсе, о чем речь? – Инспектор обвел взглядом обступивших его людей.

Полковник Хьюз подергал воротничок, словно тот стал его душить, и проямлил:

– Ну, более или менее...

Вся его громогласная уверенность куда-то испарилась.

Леди Присцилла поморщилась.

– Бросьте, дорогой инспектор. Это ничего не доказывает. Все мы вполне можем знать, что это за дрянь... Помолчи, прошу тебя,

Родерик! Но это ведь не делает нас убийцами.

– Не делает, – согласился инспектор, бросив взгляд на темное перекошенное лицо леди ХХХ. – Пожалуй, ее можно накрыть. Чарльз?

Мистер Гилмор кивнул, сдернул скатерть со стола и осторожно прикрыл тело.

Всем стало не по себе. Леди Сибил прижала руку ко рту и отвела взгляд. Полковник Хьюз смотрел исподлобья, леди Присцилла отвернулась, а Родерик Хьюз нервно поигрывал цепочкой часов. У меня, сознаюсь, комок подступил к горлу. Только мистер Гилмор и инспектор Баррет сохраняли каменное спокойствие. Последний, разумеется, в силу профессии.

– Я послал за местной полицией, – нарушил неловкое молчание инспектор.

– За беднягой Греггсоном? – фыркнула леди Присцилла, обмахиваясь ладонью. – Бросьте, инспектор. Нашему констеблю такое дело не по зубам.

– Послали? По какому праву вы распоряжаетесь в моем доме? – побагровел полковник Хьюз.

– С вашего позволения, полковник, – ответил инспектор очень вежливо, – в доме убитой. Сейчас только это имеет значение.

– Тем более что тебе, мой друг, – Чарльз положил руку ему на плечо, – так или иначе придется этим заняться. Местная полиция наверняка позовет на помощь Ярд.

– Скорее всего, – согласился инспектор Баррет, не выказывая радости от такой перспективы. – И расследование поручат мне, раз уж я все равно тут. Так что, леди и джентльмены, прошу вас разойтись по своим комнатам и не покидать их, пока я с вами не побеседую.

– Мы что же, под подозрением? – Лицо полковника Хьюза, и без того багровое, стало похоже на перезрелый помидор.

Инспектор устремил на него безмятежный взгляд.

– Разумеется. Напоминаю, что совершено тяжкое преступление. И вы, как муж убитой, должны быть более других заинтересованы в установлении истины.

Мягкий укор заставил полковника Хьюза возмутиться.

– Но!..

– Покуда я не могу снять подозрения ни с кого из тех, кто имел возможность подсыпать яд. Кто-нибудь может сказать, в какой момент

леди Хэлкетт-Хьюз взяла тарелку и кто к ней приближался?

– Насколько я помню, – начала леди Присцилла с сомнением, – когда мы с Бартоломью и Родди пришли, овсянка уже была в тарелке Хелен.

Мистер Гилмор выступил вперед.

– Тарелка оставалась на столе, когда леди Хэлкетт-Хьюз выходила.

– Точно! – выкрикнул полковник Хьюз. – Хелен еще жаловалась, что каша совершенно остыла.

Инспектор пожевал губами.

– Кто-нибудь находился в столовой все это время? – Он обвел взглядом присутствующих.

– Я, – созналась я, кашлянув.

Какой смысл упираться? Рано или поздно он это выяснит.

– Отлично. – Инспектор чуть заметно улыбнулся. – Постарайтесь сосредоточиться, мисс Райт, и скажите нам, кто из гостей имел – разумеется, я рассуждаю чисто теоретически! – возможность что-то добавить в тарелку леди Хэлкетт-Хьюз?

– Теоретически – любой из гостей и членов семьи, – ответила я не задумываясь. – Кроме тех, кто не спускался к завтраку. То есть вас, доктора Пэйна и Леоны Фаулер.

Было бы глупо заверять его, что ни я, ни Роуз этого не делали.

– Да что вы себе!.. – начал полковник Хьюз гневно и поперхнулся.

– Ах да. – Я кое-что припомнила. – Профессор Фаулер ушел раньше. Следовательно, у него тоже... имеется алиби? Так говорят?

– Именно, – кивнул инспектор. – Благодарю, мисс Райт. Как видите, пока я не могу исключить никого из вас.

– Абсурд! – трубным голосом заявил полковник Хьюз.

Леди Сибил терла виски, а Родерик Хьюз морщился.

– Не думаете же вы, что один из нас...

– Слишком рано делать выводы, мистер Хьюз, – заметил инспектор любезным тоном. – Могу вас заверить, что невиновному нечего опасаться.

Леди Присцилла не утерпела:

– У меня не было никаких причин убивать свою внучатую племянницу, инспектор.

Он не дрогнул. Чуть заметно склонил голову и заверил галантно:

– Нисколько не сомневаюсь, леди Присцилла. Однако долг велит мне в этом убедиться.

Старая леди с минуту сверлила его гневным взглядом, затем расхохоталась:

– Вы мне нравитесь, милый мой.

Инспектор моргнул.

– Благодарю вас, – произнес он сухо. – Мисс Райт, полагаю, в первую очередь я поговорю с вами.

– Как вам угодно, – ответила я ему в тон.

– Однако для начала мне следует обыскать всех присутствующих. Заранее прошу прощения, но... – Он терпеливо переждал шквал возмущения и поднял руку. – Леди и джентльмены, разумеется, я понимаю ваши чувства и не вправе вас к чему-либо принуждать. Но простое согласие подвергнуться обыску здесь и сейчас, пока у виновного еще не было возможности избавиться от улики, поможет вам обелить себя. Кто-нибудь против?

Он обвел взглядом угрюмо молчащих людей.

– Вы будете обыскивать дам, инспектор? – проворковала леди Сибил, глядя на него томно и многозначительно.

По-видимому, она достаточно оправилась, чтобы вновь прибегнуть к женскому обаянию.

– Мы попросим о помощи экономку, миссис Уайльд. Боюсь, в округе не сыщется женщин-полицейских. Или вы предпочтете ждать, пока я пошлю за надзирательницей женской тюрьмы? Нет? Так я и думал.

Дверь распахнулась, и в столовую почти ввалился констебль в форме, которая была ему тесновата.

Инспектор ему кивнул.

– Я – инспектор Баррет. Убита леди Хэлкетт-Хьюз.

– Господи помилуй! – Констебль уставился на выразительный холмик на ковре. – Простите, сэр.

Он стащил каску и пристроил ее на согнутый локоть.

– Ваша задача, констебль, – никого не впускать в эту комнату. Ни слуг, ни гостей, ни хозяев. Вы меня поняли?

– Да, сэр! – гаркнул констебль, тараща глаза. – А как же?..

И скосил глаза на багрового полковника Хьюза, мрачную леди Присциллу, странно улыбающегося мистера Гилмора, бледную как

смерть леди Сибил и успевшего изрядно нагрузиться (где только взял спиртное?) Родерика Хьюза.

– Сейчас вы встанете у двери и будете наблюдать. Полагаю, нам потребуется ширма.

– Да, сэр!

Констебль козырнул и с бравым видом заступил на пост...

Обыск не затянулся надолго и успехом не увенчался. Больше времени заняли попытки леди вновь привести себя в должный вид. Наконец и с этим было покончено.

Гости нехотя потянулись к выходу. Полковник Хьюз на пороге обернулся на тело жены, тяжело сглотнул и побрел прочь. Зато остальные на труп старались не смотреть. Даже накрытый скатертью, он навевал мысли о брэнности всего сущего. Ну и немного о том, что один из нас – убийца. Бодрит, знаете ли.

Констебль теперь караулил снаружи.

– Полковник Хьюз, – остановил хозяина инспектор. – Где я могу устроиться? Боюсь, моя комната не слишком подходит.

Свежеиспеченный вдовец издал не то смешок, не то всхлип. Махнул рукой.

– Где вам будет угодно.

– В вашем кабинете, Бартоломью? – предложила леди Присцилла. Тот лишь кивнул, и старая леди повернулась к инспектору. – Я прикажу лакею подать вам чего-нибудь перекусить, вы ведь остались без завтрака.

– Не стоит беспокойства, леди Присцилла, – вежливо склонил голову полицейский. – Я рано встаю и успел поесть, благодарю вас.

– Как пожелаете. – Леди Присцилла ободряюще сжала мой локоть и величаво направилась к лестнице, негромко стуча тростью.

Остальные разбегались, как крысы с тонущего корабля.

Где же все-таки Роуз?..

Кабинет полковника Хьюза был типичной мужской берлогой. Массивная мебель загромождала комнату, зато не рисковала рассыпаться от неосторожного движения. Темно-оливковые стены увешаны головами животных – похоже, полковник Хьюз и впрямь был заядлым охотником, а у входа в нелепой позе застыло чучело медведя с подносом в лапах.

Инспектор поднял крышку бюро и хмыкнул. Письменный набор и стопка бумаги в идеальном порядке, карандаши выглядят так, словно их только что очинили. Похоже, полковник Хьюз не большой любитель эпистолярного жанра. Зато в ящике отыскалась целая стопка телеграмм.

Просмотрев их, инспектор удивленно присвистнул.

– Извините, мисс. Присаживайтесь.

– Прошу вас, не стесняйтесь, инспектор, – отмахнулась я. – Уверю вас, я привыкла ко всякому.

Зрение у меня острое, а текст на телеграфных бланках оказался слишком типичным, чтобы ошибиться. Похоже, полковник Хьюз был не чужд азарта. И ставил – через посредника, разумеется, – на бегах немалые суммы.

– Вот как? – В серых глазах инспектора блеснул огонек. – Могу я узнать, где именно? Вы ведь недавно приехали в Альбион, верно?

Телеграммы он спрятал обратно в ящик, убрав одну из них (первую попавшуюся, насколько я могла судить) в карман.

– Недавно вернулась, – поправила я, опускаясь на краешек слишком большого для меня кресла. – Последние три года я путешествовала. Поначалу с миссией, а после – сама.

– Так вы из святош! – воскликнул он. – Кхм, простите, мисс Райт. Это было бестактно с моей стороны.

– Вовсе нет, – чуть улыбнулась я. – Я и впрямь была несколько... узколобой, скажем так. Но поездка расширила мой кругозор.

– Рад это слышать. – Инспектор внимательно смотрел на меня, крутя в пальцах карандаш. – Мисс Райт, собственно говоря, мы с вами сейчас просто беседуем. Никто не записывает ваши слова, поэтому я прошу вас быть предельно откровенной.

– Разумеется, инспектор. Хотя вряд ли я многим смогу быть вам полезна.

– Уверен, вы себя недооцениваете. Скажите, – он поймал мой взгляд, – что вы сами об этом думаете?

Я ответила после паузы:

– Леди Хэлкетт-Хьюз трудно было назвать очаровательной. Но за это не убивают, не так ли?

– Убивают по самым разным причинам, – ответил инспектор уклончиво. – Значит, вы не заметили ничего подозрительного?

Я пожала плечами.

– Ненавидящих взглядов или писем с угрозами? Ничего такого, уверяю вас. И, разумеется, я не видела, чтобы кто-то сыпал яд в тарелку леди Хэлкетт-Хьюз. Хотя я не присматривалась слишком внимательно.

– С которого часа вы были в столовой?

– Я пришла около десяти. Быть может, чуть раньше.

– Вы видели, кто дал овсянку леди Хэлкетт-Хьюз?.. Боже мой, что за имя! Пожалуй, я обойдусь «леди Хэлкетт», да простит мне покойная такую фамильярность.

– Я называла ее «леди ХХХ», – созналась я со смешком.

Инспектор хмыкнул и посмотрел на меня с симпатией.

– В точку. Что же, теперь я тоже стану так ее называть. Без свидетелей, разумеется. Вернемся к нашему вопросу. Кто обслуживал леди ХХХ за завтраком?

– Как хозяйка, она сама накладывала овсянку и себе, и гостям.

Инспектор прищурился.

– Когда это было?

– Я не засекала время. Прошло где-то четверть часа, так что в начале одиннадцатого.

Он подался вперед.

– И с тех пор леди не прикоснулась к завтраку? Вам не кажется это подозрительным?

– Не слишком. Люди приходили, уходили... Здоровались, делились впечатлениями, обсуждали планы, и все в этом духе. Кстати, позже леди ХХХ отозвал лакей, и она ненадолго покидала столовую.

Инспектор нахмурился, побарабанил карандашом по столу.

– Кто-нибудь прикасался к тарелке леди ХХХ?

– Послушайте, я ведь за ней не следила! Скорее напротив, старалась держаться поодаль.

– Леди ХХХ была не слишком с вами любезна, ведь так?

– Я вовсе не ожидала от нее любезности, – заметила я сухо. – Вряд ли ей было до меня хоть какое-то дело.

– Но не до вашей племянницы... – проговорил инспектор задумчиво.

Я промолчала, и он вздохнул.

– Хорошо. Прошу вас, опишите, кто приходил в столовую и что делал.

Я добросовестно перечислила по порядку: профессор Фаулер, викарий Миллер с сестрой, леди Сибил, мистер Гилмор, Роуз, старший и младший Хьюзы и, наконец, леди Присцилла. Коротко обрисовала их действия.

– Благодарю вас, мисс Райт, – официальным тоном сказал инспектор, закончив делать заметки. – Вас еще пригласят.

Раздался быстрый, нервный стук в дверь.

После разрешения войти в кабинет заглянула немного растрепанная Роуз и зачастила:

– Простите, я не буду мешать. Я хочу только успокоить свою тетю Мэри. Боюсь, она волнуется обо мне и...

– Дорогая, с тобой все в порядке? – перебила я ее лепет.

– Да, вполне. – Она нервным жестом поправила волосы. – Внучка садовника упала и сильно расшиблась. Денег на доктора у них нет, я согласилась помочь.

– Очень благородно с вашей стороны, – вмешался инспектор. – Прошу вас, присаживайтесь, мисс Карпентер. Или правильнее – сестра Карпентер?

– Я – медсестра, – тихим голосом отвечала Роуз. – Но все называют меня «мисс».

– Понятно. Мисс Карпентер, я хочу задать вам несколько вопросов.

Я стиснула пальцы, а Роуз лишь шире распахнула глаза.

– Да, конечно. Я слышала, с леди Хэлкетт-Хьюз произошло несчастье?

– Можно и так сказать... Мисс Райт, вас я больше не задерживаю.

Что я могла возразить? Роуз была взрослой девушкой, которая больше не находилась под моей опекой.

Я только пожелала ей удачи. Видит бог, Роуз в ней нуждалась.

За дверью я остановилась в нерешительности. Подпирать стену в ожидании Роуз было бы глупо, а чем заняться в доме, где только что убили хозяйку? Едва ли гостям предложат хоть какие-то развлечения. Кроме, разумеется, расследования убийства. Я слышала, игра в

убийство теперь в моде. Только сомневаюсь, что по-настоящему это столь же увлекательно!

Следовало чем-нибудь себя занять, вместо того чтобы изнывать от тревоги и глупых мыслей. Пожалуй, взгляну-ка я на знаменитый горошек. Я ведь теперь садовница.

Я на ходу покачала головой. Не устаю поражаться поворотам судьбы. Конечно, я занималась нашим палисадником в «Дроздах» – ах, как это раздражало отца! И вообще к цветам всегда была равнодушна, происхождение сказывалось. Но получить, можно сказать, в полное свое владение такое роскошное место, как «Ивы»... До сих пор не верится.

Пожалуй, мне стоило бы... Не получить образование, об этом и речи не идет. Однако немного подучиться не помешает. Выпишу я, пожалуй, несколько журналов. Скажем, «Королевский сад» и «Вестник садовода»...

Горошек и впрямь оказался недурен. Мощные побеги, листья сочного ярко-зеленого цвета, душистые соцветия – голубые, розовые, белые и коралловые. Отступив на несколько шагов, я полюбовалась увитой им аркой издали. Смотрелось прелестно. А запах! Пожалуй, леди ХХХ и впрямь могла рассчитывать на первый приз.

Быть может, удастся раздобыть немного семян? Думаю, если леди Присцилла попросит, полковник Хьюз не откажет. Вряд ли он так дорожит цветами покойной жены.

Я осматривала кусты в поисках созревших семенных коробочек, когда за спиной неодобрительно кашлянули.

– Вы что-то хотели, мисс?

На меня исподлобья смотрел старик в старой байковой рубашке и штанах с заплатами на коленях. Толстый фартук, садовые рукавицы и секатор в руках не оставляли сомнений, кто передо мной.

– Вы, должно быть, мой коллега, – дружелюбно сказала я, протягивая руку. – Мэри Райт. Я занимаюсь садом у леди Присциллы.

– Да уж, слышан. – Приязни ко мне у садовника не прибавилось, однако руку он нехотя пожал. – Я Гроувер, Уильям Гроувер. Говорят, беднягу Джоунса вы согнули в бараний рог.

Лишнее подтверждение, что слухи в деревне распространяются молниеносно.

– Всего лишь не дала ему полить лилии свежим навозом, – со вздохом созналась я, взывая к чувству товарищества и любви к цветам. – А еще – обрызгать пионы табачным настоем с дегтем и...

– Не продолжайте! – Садовник поморщился так, будто обнаружил на розах мучнистую росу и черную пятнистость разом. – Джоунс болван, хоть и старательный. А вы, значит, в нашем деле разбираетесь?

– Стараюсь, – сказала я скромно. – Как раз интересовалась семенами этого чудесного душистого горошка. Как думаете, полковник Хьюз не будет против?

Садовник безнадежно махнул рукой.

– Да ему-то что за дело? Это леди покойная тут всем занималась. А хозяин и появлялся-то изредка, и все больше охотился, в сад-то и не заглядывал. Разве вот последнее время почаще бывать стал.

Похоже, супруги Хьюз не очень-то ладили. Неудивительно, что полковник с таким равнодушием отнесся к смерти жены.

– И давно он в деревню зачастил? – поинтересовалась я как бы невзначай.

Садовник, сдвинув шляпу, почесал в затылке.

– Почитай, с весны. Месяца три, выходит. Только не поймите меня превратно, мисс. Я-то в дом не заглядываю, не знаю, что там у них и как. Я любому так и скажу!

Он сдвинул седые брови, и я поспешила сдать назад:

– Конечно, конечно, мистер Гроувер... Значит, полковник Хьюз не станет возражать? Насчет семян.

Как будто это все, что меня волнует.

– Да он-то не станет, а толку? – Выцветшие от старости глаза садовника уставились на меня. – Леди, значит, специально меня предупредила. Мол, семена собирать не надо, толку от них не будет. Вырастет из них самый простецкий горошек, не похожий на эту красоту. – Он махнул рукой на увитую цветами арку. – «Нестойкий гибрид», о как!

Мы в унисон вздохнули. Не видать теперь садовнику редкостных семян, а саду – былого великолепия.

Я с сожалением осмотрелась. Очень живописно, хотя и чересчур претенциозно. Множество редких цветов, кусты подстрижены как под линейку, фонтаны, статуи – как раз в духе леди Хэлкетт-Хьюз.

Гроувер кашлянул.

– Мисс, а как вы справляетесь с паутиным клещом? Никак он мне не поддается!

– О, – восторженно воскликнула я. – С помощью аммиака. Только не забудьте...

Роуз появилась, когда мы успели обсудить множество садовых тонкостей и даже немного поспорить. Мистер Гроувер настаивал, что азотного удобрения лучше куриного помета нет и быть не может, мне же пришлось по душе мочевины. Эффект тот же, зато никакой вони.

Племянница остановилась поодаль, нервно теребя оборку на груди. Она была бледна, под прекрасными голубыми глазами залегли тени.

Я тронула ее за плечо.

– Милая, все в порядке?

– Что? – вздрогнула она. – Да, наверное...

И вновь умолкла.

– Ну, я пойду. – Садовник хлопнул себя по колену и нахлобучил на голову кепку. – Дел невпроворот. Бывайте, мисс! Приятно было поговорить. И это, если что, заглядывайте. На чашечку чаю, кхе-кхе.

Роуз проводила его удивленным взглядом.

– Тетя Мэри, как тебе это удалось? Говорят, он даже с леди Хэлкетт-Хьюз не всякий раз заговаривал!

При имени леди ХХХ на ее посветлевшее было лицо вновь набежала тень.

Я взяла Роуз за руку и усадила на скамейку под липой.

– Роуз, дорогая, инспектор тебя обидел? Угрожал?

– Что ты, тетя! – Она слабо улыбнулась. – Напротив, он был очень вежлив. Только задал несколько вопросов...

Она прикусила губу, став похожей на обиженного ребенка. Я села рядом, обняла Роуз за плечи и спросила мягко:

– О чем же?

– Спросил, была ли леди Хэлкетт-Хьюз против моего брака с ее сыном.

Мне стоило большого труда сдержать вздох.

– И что ты ответила?

– Правду. – Роуз пожалала худенькими плечами. – Что леди Хэлкетт-Хьюз, конечно, возражала, но Родерик обещал, что со временем она смягчится.

Скорее бы ад замерз.

Вслух я сказала лишь:

– Вот как...

– Кажется, он мне не поверил, – упавшим голосом заключила она.

Несмотря на недостаток жизненного опыта, дурочкой Роуз не была.

Я постаралась ее подбодрить:

– Так или иначе, теперь не осталось никаких препон и вы с Родериком можете пожениться.

– Да, но... – Она отвела взгляд. – Тетя Мэри, это ведь значит, что у меня был мотив!

На ленч нас собрали в гостиной. Где же еще? Возле столовой по-прежнему изнывал констебль, хотя прислуга шепталась, что инспектор успел перерыть там все сверху донизу.

Лакей принес холодные закуски и чай, после чего с видимой неохотой удалился. Подозреваю, чтобы подслушивать под дверью.

Гости рассаживались, переглядываясь и вздыхая. Только у Леоны Фаулер горели глаза. Очевидно, она уже прикидывала, как будет играть роль безвинно обвиненной в какой-нибудь из своих кинокартин.

Полковник Хьюз с тяжелым вздохом плюхнулся в кресло, прикрыл глаза рукой и проворчал:

– Что вам еще от нас надо?

Глаза у него покраснели и припухли, и вряд ли от слез. Исходящий от него запах хорошего бренди сбивал с ног.

Инспектор устроился спиной к окну, так что его худое лицо оказалось в тени. Зато все мы были перед ним как на ладони.

– На случай, если вы позабыли, полковник Хьюз: идет расследование убийства.

– Не подозреваете же вы!.. – Одутловатое лицо хозяина дома налилось кровью.

– Перестань, отец, – поморщился Родерик Хьюз, ногой выстукивая какую-то песенку. – Убийца – один из нас, это очевидно.

Тщетно Роуз пыталась поймать его взгляд, в нашу сторону он не смотрел.

– Чушь! – прогремел полковник Хьюз. – Слуги...

– Свидетели говорят, никто из слуг сюда во время завтрака не входил, – негромко заметил инспектор.

– Вот видишь, отец. – Родерик взял с подноса чашку, с сомнением всмотрелся в чай и пробормотал: – Надеюсь, яда тут нет.

После чего выпил залпом, словно горькую микстуру.

– Родерик! – вскипел полковник Хьюз и грохнул по подлокотнику кулаком.

– Что? – поднял брови непочтительный сын. – Говорят, отравители редко останавливаются на одной жертве. Ведь так, инспектор?

– А по мне, привкус опасности лишь добавляет остроты, – заметила леди Сибил со странной улыбкой и взяла сандвич с огурцом.

Леди Присцилла покосилась на нее неодобрительно, однако промолчала. У викария Миллера с сестрой сделались одинаково постные мины.

– Бывает по-разному, – ответил полицейский уклончиво. – Хотя пока я не вижу, зачем убийце вашей матери избавляться также от вас. Или вам известно что-то важное?

Родерик, хмыкнув, поднял руки.

– Сдаюсь. Ничего такого, инспектор, клянусь вам. Если бы я видел, как кто-то подсыпает в тарелку порошок, то непременно бы вам рассказал.

– Надеюсь на это, – кивнул инспектор. – Предварительно никого не удалось исключить, так что прошу вас пока не покидать окрестности Дорсвуда.

– Нас с сестрой это не касается, я полагаю? – Арнольд Фаулер поднял глаза от своего неизменного блокнота. – Мисс Райт наверняка показала, что я этого сделать не мог, а Леона вовсе не спускалась к завтраку.

– Вы правы. – Инспектор наклонил голову. – Однако я прошу вас остаться на дознание, поскольку могут потребоваться ваши показания.

– Как угодно... – И профессор вновь принялся что-то чертить в блокноте.

– Мы арестованы? – вновь задрал брови Родерик, кривя капризные губы.

Не понимаю, что Роуз в нем нашла?

– Вовсе нет, – ответил инспектор спокойно. Кажется, ничто не могло вывести его из себя. – Это лишь официальная просьба, мистер Хьюз.

– Которая приравнивается к приказу?

Инспектор ответил с легкой улыбкой:

– Вы все прекрасно понимаете.

– И как долго нам сидеть тут взаперти? – поинтересовалась леди Сибил. Выглядела она по-прежнему прекрасно, лишь внимательный взгляд распознал бы, что теперь ее румянец искусственный. – У меня планы, знаете ли.

– У всех планы, – поправила Леона Фаулер, косясь на нее неприязненно.

Инспектор побарабанил пальцами по подлокотнику.

– Дознание состоится в среду. Возможно, после этого вам разрешат уехать.

– Возможно? – вспыхнул полковник Хьюз. – Мне сегодня же нужно в Лозборо. По важным делам!

– Разумеется, полковник Хьюз. – Инспектор склонил голову. – Вы можете ехать. При условии, что вернетесь не позднее завтрашнего утра.

– Да вы!..

Полицейский продолжал спокойно улыбаться. Полковник Хьюз стиснул руку в кулак и отвернулся.

Викарий громко откашлялся.

– Простите, инспектор, – заговорил он неожиданно звучным, привыкшим к церковной акустике баритоном. – Но вы уверены, что речь идет об убийстве?

– Надеюсь, вы не намекаете на суицид, пастор? – вставил Родерик Хьюз. – Не вижу, с чего бы маме это понадобилось.

Он повертел в руках сэндвич и вернул на блюдо. К еде почти никто не притронулся, кроме леди Сибил. Очевидно, остальные привкус опасности лакомой приправой не считали.

– Нет-нет, – пробормотал викарий, совсем смешавшись, и отвел взгляд. – Я имел в виду несчастный случай.

– Слуги нечаянно перепутали «пыльцу фэйри» с сахаром? – ответил Родерик со смешком. – Вряд ли мы сможем убедить в этом присяжных.

– Сложно перепутать, – покачал головой инспектор. – Яд похож на розовую пыль.

Викарий сконфуженно кашлянул, снял очки и принялся их протирать.

– Ой, да бросьте! – Леона Фаулер вытащила из сумочки портсигар и позволила мистеру Гилмору прикурить ей сигарету. – Все знают, что это афродизиак. А наша леди была в том возрасте, когда без таких штучек никак. Вот и переборщила с дозой.

– Леди Хэлкетт-Хьюз и полковник Хьюз жили душа в душу! – вдруг громко сказала Рут Миллер, заставив брата вздрогнуть и подслеповато прищуриться. – Зачем бы им?..

– За столько лет немудрено... э-э-э... немного устать друг от друга, дорогая Рут. – Викарий похлопал сестру по плечу и водрузил очки на нос.

Интересно, откуда сельскому викарию и его невинной сестре вообще известно о таких вещах? Начинаю думать, что Дорсвуд не настолько идиллическое местечко, как мне раньше представлялось.

Багровый от негодования полковник Хьюз только молча разевал рот, как вытщенная на берег рыба.

– Боюсь, – инспектор чуть повысил голос, перекрывая поднявшийся гвалт, – несчастный случай крайне сомнителен. В вещах покойной «пыльца фэйри» или упаковка из-под нее не обнаружены. Я также не нашел никаких свидетельств, что леди Хэлкетт-Хьюз ее покупала. Зато в чашке с остатками кофе я нашел кое-что другое.

Он выложил на стол носовой платок, в который было что-то завернуто. Осторожно отогнул ткань и показал всем бумажный конвертик с полдюйма размером, коричневый и сморщенный.

Инспектор обвел взглядом вытянувших шеи гостей и заметил негромко:

– Полагаю, экспертиза обнаружит следы яда.

Вряд ли из этой бумажки сумеют выжать что-то еще. Трудно ожидать, что после купания в кофе на ней остались отпечатки пальцев или хотя бы запах. Интересно, убийце повезло или он оказался настолько предусмотрителен?

– Прямо как в фильме «Убийца – дворецкий». – Кинозвезда, рисуясь, выпустила клуб дыма в потолок.

Инспектор перевел взгляд на нее и сказал вежливо:

– Благодарю, мисс Фаулер. Возможно, убийца почерпнул идею как раз оттуда.

– Осталось только выяснить, кто из нас смотрел этот фильм, – фыркнула она. – Напомню, я не в счет.

– Разумеется.

– Послушайте! – Полковник Хьюз громко подал голос. – Что за ерунда? Не можете же вы в самом деле думать, что... что один из нас!..

Он задохнулся и махнул рукой.

– Почему же? – Инспектор склонил голову к плечу.

– Мы все любили Хелен, – заметила леди Присцилла, сжав руки на набалдашнике трости. – Разумеется, характер у нее был скверный...

– Как вы можете? – вознегодовал полковник Хьюз, очевидно следуя старому правилу говорить о мертвых только хорошее.

Она слегка пожала плечами и бросила на него насмешливый взгляд.

– Что толку закрывать глаза на очевидное? Однако зачем кому-то из нас желать ее смерти?

Викарий откашлялся.

– Не могу поверить. Невозможно представить, что кто-то в моем приходе мог лишиться другого жизни! – Он сокрушенно покачал головой и с робкой надеждой посмотрел на инспектора. – Возможно, это кто-то чужой?

– Вы о ком? – возмутилась леди Сибил, явно приняв это на свой счет.

Викарий побледнел, отшатнулся и пробормотал сконфуженно:

– Я не имел в виду ничего такого...

Инспектор, наблюдавший за перепалкой с неиссякающим интересом, счел своим долгом напомнить:

– Повторюсь, под подозрением все, кроме профессора Фаулера, его сестры и доктора Пэйна.

– Чушь! – прогремел полковник Хьюз, восставая из кресла, как языческое божество из пены морской. – Инспектор, вы не можете подозревать жителей Дорсвуда. Мы все – приличные люди и сто лет друг друга знаем!

– А остальные? – усмехнулся мистер Гилмор, хотя его-то как раз отнесли к этой почтенной категории. – Что же вы, старина, приглашаете в гости неприличных?

Его черные глаза поблескивали, как агат в булавке нового тюрбана.

– Хелен жаловалась, – мурлыкнула леди Сибил, – что некоторых гостей она не звала, они увязались сами.

И протянула руку с безупречным маникюром за очередным сэндвичем. В диетах она, очевидно, не нуждалась.

– Ха! – крикнул полковник Хьюз, украдкой приложившись к фляжке. – Да уж, притащили вы нам, тетя Присцилла, подарочек.

– На что это вы намекаете? – Голос старой леди был холоден, как январский день.

– Я думаю, это все она! Больше некому.

Он невоспитанно ткнул пальцем в Роуз, чуть не упав при этом.

В перекрестье взглядов бедняжка густо покраснела и сказала звонко:

– Я никого не убивала!

Я взяла ее за руку и осторожно сжала.

– Это вы так говорите! – Полковник Хьюз потряс кулаком. – Такая испорченная девчонка...

Язык у него уже изрядно заплетался.

– Полагаю, вы пожалеете о своих опрометчивых словах, – отчеканила я, – как только... придете в себя.

«Протрезвеете» хотела сказать я.

– Да вы!..

Леди Присцилла поднялась на ноги.

– Мы уезжаем! – Голос ее лязгнул, как оружейный затвор. – Немедленно.

Полковник Хьюз набычился.

– Тетя Присцилла...

– Моей родственницей – дальней, прошу заметить, – была Хелен. Вы же, полковник, мне не родня ни по крови, ни по браку. И меня это радует. Не хотела бы я иметь племянника, который позволяет себе клеветать на девушку.

Лицо полковника Хьюза залилось краской.

– Прошу меня извинить, – выдавил он с натугой, – леди Присцилла.

Она надменно кивнула, добела стиснув пальцы на навершии трости.

– Извинения приняты. Однако я не могу остаться в доме, где оскорбляют одну из моих служащих.

Это было так трогательно. Так невозможно, неожиданно трогательно, что я почти прослезилась.

– Боюсь, леди Присцилла, вам придется остаться. – Негромкий голос инспектора заставил всех воззриться на него. – Видите ли, я прошу вас вызвать дух убитой. И лучше этим заняться прямо сейчас, пока все в сборе.

Родерик вытаращил глаза, леди Сибил подавилась, а викарий издал что-то вроде «Пфф!»

– Тревожить дух моей жены! – трубным голосом начал полковник Хьюз, привстав с кресла.

– Ради торжества справедливости, – напомнил инспектор спокойно.

– Бросьте, – лениво протянула Леона Фаулер, стряхивая пепел наигранным, явно киношным жестом. – Что могла знать бедная старушка? Вряд ли она стала бы есть, заметив, что кто-то сыплет яд ей в тарелку.

И рассмеялась мелодично, но чуточку слишком громко. Запах ее ванильных сигарет щекотал нос.

Леди Сибил в ответ на «старушку» сверкнула глазами, а леди Присцилла усмехнулась.

– Разумеется. – Инспектор склонил голову набок. Такой ерундой его с толку было не сбить. – Однако леди могла бы рассказать о своих врагах. Письма с угрозами, подозрительные разговоры и прочее в том же духе. Показания призрака, конечно, нельзя использовать в суде, но кое-какую информацию они дают.

– Инспектор, – заговорила леди Присцилла, – вам известны ограничения?

Он пожал плечами, откинулся в кресле и перечислил:

– Не ранее чем через сутки после смерти и не позднее, чем через девять дней. Не дольше пятнадцати минут. Спрашивать только о том, что при жизни волновало жертву больше всего. Вопросы должны быть прямыми и конкретными. Желательно присутствие всех подозреваемых. Я ничего не забыл?

– Наличие священника, – напомнила леди Присцилла хмуро. Кажется, перспектива ее не прельщала. – Отдаю вам должное,

инспектор Баррет, вы весьма компетентны.

Колдовать без разрешения властей – светских и церковных – могли только ведьмы на службе короне.

– Благодарю, – ответил он сдержанно. – За священником, полагаю, дело не станет.

И кивнул на побледневшего vicария.

– Н-но! – проговорил тот, запинаясь. – Я не могу.

– Почему же? – поинтересовался инспектор, потирая подбородок. – Это вполне обычная практика, хоть и нечасто применяемая.

– Ритуал разрешен указом Генриха Третьего, – подсказала леди Присцилла.

Инспектор кивком ее поблагодарил и посмотрел на смущенного vicария.

– Я не позволю! – вновь завел свою волюнку полковник Хьюз. – Не дам тревожить дух моей бедной жены!

– Осмелюсь напомнить, – чем сильнее ярился полковник Хьюз, тем вежливее становился инспектор, – что такого рода ритуал, напротив, часто проводят ради отпущения грехов невинно убиенным.

– А вы как будто чего-то боитесь, – вставила леди Присцилла, и ее усмешка стала открыто глумливой.

Родерик Хьюз даже зааплодировал.

– Bravo, bravo, тетя Присцилла! То есть леди Присцилла, я хотел сказать.

– Родерик! – одернул его отец таким тоном, что сын посчитал за лучшее поднять руки.

– Сдаюсь, сдаюсь. Выпью я лучше чаю. – И налил себе полную чашку, к которой, впрочем, не притронулся.

Викарий откашлялся и вновь принялся тереть стекла очков носовым платком.

– Это в высшей степени благородно, инспектор. Очень благородно – заботиться об усопшей душе. Но я мало что в этом смысле и действительно боюсь... навредить по незнанию.

Леди Присцилла поморщилась.

– Хватит вилять, vicарий Миллер. От вас ничего особого не требуется, лишь присутствие и обычная исповедь, если Хелен этого

пожелает. Правда, духи редко хорошо помнят мелкие прегрешения, зато о серьезных проступках не забывают.

– Благодарю вас, леди Присцилла, – церемонно сказал инспектор, убедившись, что викарий не подыскал иных возражений. – На этом, полагаю, мы можем закончить. Леди и джентльмены, я вас больше не задерживаю. Только попрошу остаться мисс Райт.

– Бедняжка, – притворно посочувствовала Леона, блестя глазами. – Ее будут пытаться.

– Леона, перестань дурачиться! – осадил ее профессор.

– Как скажешь, братец. – Она затушила сигарету и поднялась.

Расходились гости с куда большим энтузиазмом, чем собирались. Можно сказать, разлетались, словно пташки из клетки.

Леди Присцилла на пороге обернулась, но ничего не сказала. Зато Роуз схватила меня за руку.

– Тетя Мэри, я останусь с тобой!

– Не глупи, дорогая, – попросила я, похлопав ее по плечу. – Инспектор не сделает мне ничего дурного.

– Все равно, – сказала она упрямо.

И губы сжала так, что ясно было: не уступит.

– Мисс Карпентер, – инспектор Баррет усмехнулся, – вы можете обождать в смежной комнате. Если я стану, хм, пытаться мисс Райт, она закричит и вы сможете вмешаться. Годится?

Роуз засопела и поднялась.

– Хорошо.

Я проводила ее взглядом – дверь Роуз прикрыла неплотно, – и обернулась к инспектору.

– Слушаю вас.

Инспектор вынул карандаш и блокнот, отыскал в своих записях нужное место и поднял на меня усталые глаза.

М-да, не повезло ему. Приехал в гости в другу, а напоролся на убийство.

– Мисс Райт, некий Гарри Вуд, лакей, утверждает, что вы не стали есть овсянку и избавились от своей порции. Почему?

Я замаялась. Правдивое объяснение выглядело как-то глупо, но другого у меня не нашлось.

– Внимательность делает вам честь, инспектор, – усмехнулась я. – Видите ли, я не ем овсянку.

Глаза инспектора расширились.

– Совсем?

И тон такой, будто я сознаясь, что разгуливаю по ночам нагишом.

– Каюсь, – хмыкнула я. – Терпеть ее не могу. Надеюсь, это не запрещено законом?

– Тогда почему вы взяли себе порцию? – нахмурился он, постукивая карандашом по коленкоровой обложке блокнота.

– Леди ХХХ, – вздохнула я, – не желала слушать возражений. Викарий Миллер, мисс Миллер и леди Сибил могут это подтвердить.

– Благодарю вас, мисс Райт...

Его прервал стук и негромкий голос Родерика Хьюза:

– Инспектор, можно войти?

– Я подожду, – быстро сориентировалась я и, не дав полицейскому возразить, скрылась в соседней комнате.

Инспектор откашлялся и громко разрешил:

– Входите.

Роуз просияла.

– Родди!

Я схватила ее за руку, приложила палец к губам и слегка приоткрыла дверь. Повезло, видно было неплохо.

– Я не задержу вас надолго, – пообещал Родерик с порога. – Всего лишь хочу сообщить, что еду в Лозборо вместе с отцом. Если, конечно, вы не собираетесь упечь меня в застенок.

И шутливо подвигал бровями.

– Ничего подобного я делать не намерен, мистер Хьюз. – Инспектор не подхватил его игривый тон.

Напротив, помрачнел. Очевидно, его коробило легкомысленное отношение Родерика к смерти матери. Траур он, кстати, тоже надеть не потрудился.

– Вот и отлично.

Родерик уже собирался уйти, когда инспектор его окликнул:

– Мистер Хьюз!

Тот неохотно повернулся на каблуках.

– Ну что еще, инспектор?

– Ваша невеста едет с вами?

– Невеста? – Родерик задрал брови. – О ком это вы?

– О мисс Карпентер, разумеется. Разве вы не обручены?

Родерик захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

– С чего такие мысли? – Его голос звучал по обыкновению скучающе. – Я вовсе не собирался на ней жениться.

– Разве? Мне показалось, что и ваша мать, и сама мисс Карпентер были другого мнения.

Смех у Родерика был резким, неприятным.

– Ну-ну, инспектор, – протянул он, отсмеявшись. – Признаюсь, я постарался создать у мамы такое впечатление. Я был зол, потому что она отказалась ссудить меня деньгами, понимаете? Мне нужно было совсем немного, в счет содержания за следующий месяц, а она заупрямилась. Вот я и решил ее проучить. Но это же не означает, что я всерьез собирался жениться на какой-то там медсестре!

Из груди Роуз вырвался прерывистый вздох. Я нашла ее руку и крепко сжала.

Инспектор откинулся в кресле.

– А что до самой мисс Карпентер? Вы не опасаетесь суда из-за нарушения обещания жениться?

Родерик развязно ухмыльнулся.

– Ничего такого я ей не обещал. Согласитесь, я ведь не обязан отвечать за то, что девушка себе напридумывала?

– Что же, – похолодевшим тоном произнес инспектор. – Это приводит нас к другому мотиву.

– Какому же? Вы не возражаете, если я закурю?

Он чиркнул спичкой, не дожидаясь разрешения.

– У вас были долги, мистер Хьюз. И, как вы сами признали, на этой почве у вас возникла ссора.

– Хотите сказать, что я уколошил старушку-мать ради наследства? – развязным тоном спросил Родерик после паузы. – Ерунда. Я ведь ее единственный сын. Она бы подулась немного и заплатила. Так всегда бывало.

– Вы можете быть свободны, мистер Хьюз. – Инспектор помолчал и уточнил с нажимом: – Пока свободны.

Родерик хмыкнул, затушил окурок и, насвистывая, вышел из комнаты.

Я обняла Роуз за дрожащие плечи и повела к инспектору.

– Вот же... – Он выдохнул и потер лоб. – Простите, мисс Карпентер, что вам пришлось это услышать.

– Спасибо, инспектор, – дрожащим голосом выговорила Роуз. – Я... рада, что это услышала. Прошу меня извинить.

Вырвала руку и выбежала прочь.

– Дорогая! – Я дернулась ей вслед, но инспектор взял меня за локоть.

Пальцы у него были жесткими, зато голос звучал мягко:

– Оставьте, ей нужно это пережить. Я сожалею.

– Спасибо.

Я прикрыла глаза. Бедная, бедная Роуз.

Роуз заперлась у себя.

Вечером ко мне постучалась встревоженная горничная.

– Прошу прощения, мисс. Я принесла обед для мисс Карпентер, но она не открывает.

Я молча отстранила горничную и побарабанила в соседнюю дверь.

– Роуз, с тобой все в порядке? Отвечай, иначе я принесу запасной ключ!

Это подействовало.

– Со мной все хорошо, тетя Мэри. – Голос Роуз был слабым, но вполне отчетливым. – Я просто хочу побыть одна.

– Тебе нужно поесть.

– Я не хочу, – так же слабо и безразлично ответила она.

– Роуз, нужно поесть, – сказала я, выделяя каждое слово.

Тихий вздох.

– Хорошо.

Дверь распахнулась, и я жадно всмотрелась в ее лицо. Немного осунулась, глаза заплаканные, но и только.

– Со мной все в порядке, – отрывисто сказала она. – Прости, я хочу побыть одна.

Забрала поднос и захлопнула дверь.

Я оглянулась на горничную. Надеюсь, она не станет болтать? Роуз и так придется нелегко.

– Я никому не скажу, мисс. – Она шмыгнула носом и заявила с непонятым ожесточением: – Я вообще с ними не разговариваю. Они все, все рады, что хозяйки больше нет!

Закрыла лицо руками и горько разрыдалась.

Мгновение я помедлила, потом обняла ее за плечи.

– Хватит плакать... как тебя зовут?

Она была старше меня на добрый десяток лет. Но я – почти леди, а она – служанка. Как ни крути, сословные различия все еще кое-что значат.

– Лиззи. – Она шмыгнула носом. – Лиззи Боггарт, мисс. Я личная горничная... была горничной хозяйки. – Ее простоватое лицо некрасиво скривилось. Вот-вот опять разрыдается. – А что до того, что леди хотела сменить меня на другую горничную, – ну, чтоб волосы умела по-модному укладывать и все такое, так это неправда! Леди бы никогда так не поступила.

Она прижала мокрый насквозь платок к носу.

– Вот что, Лиззи. – Я говорила ласково, как с больным ребенком. – Принеси мне обед, будь добра. И чтобы побольше чаю со сладостями. Ты меня поняла?

– Да, мисс. – Не улыбка – тень ее мелькнула на заплаканном лице. – Я все поняла.

Лиззи оказалась расторопной. Четверть часа спустя мы пили чай и уплетали пирожные. Поначалу она оглядывалась на запертую дверь, после осмелела. И взахлеб рассказывала о хозяйке, а мне этого и надо было.

– Не ладили? Да что вы такое говорите, мисс! – Лиззи была так возмущена, что даже отложила пирожное. – Да у нее с хозяином прямо второй медовый месяц был! Бедная леди сама мне говорила...

И душераздирающе всхлипнула.

Глаза у Лиззи были на мокром месте. Она оплакивала свою не очень-то добрую госпожу так искренне! Поневоле закрадывалась мысль, что даже в спесивой леди ХХХ можно было отыскать что-то хорошее. Преданность слуг дорогого стоит. Впрочем, Лиззи могла быть сентиментальна по натуре, да и положение личной горничной ей наверняка терять не хотелось.

– А я слышала другое, – произнесла я с тщательно выверенным недоверием.

– Вранье! – припечатала она. – Плюньте тому в глаза, кто такие рассказы плетет. Я в семье тридцать лет служу. Кому знать, как не мне? Бедная леди часто со мной вроде как болтала. Ей и поговорить-то по душам было не с кем. Все вокруг ей завидовали.

– Неужели? – вставила я для поддержания разговора.

– Да-да! – закивала Лиззи. Было ей под пятьдесят, но маленькое личико, светлые волосы, вздернутый нос и распахнутые словно в удивлении глаза очень ее молодили. – Отец леди, покойный барон, души в ней не чаял. Оставил ей, бедняжке, все свое состояние. А другим родственникам – фигу с маслом!

– Неужели? – повторила я.

– Точно вам говорю! Они-то надеялись, что после смерти старого барона титул и поместье достанутся им. – Она вдруг хихикнула и покачала головой. – Но к тому времени у нашей леди уже мистер Родерик родился, и его светлость выхлопотал, чтобы титул перешел ему. Хоть и по женской линии, зато прямой потомок. И то дело, там родственники – седьмая вода на киселе.

Глаза у нее блестели, на губе прилипла крошка шоколада.

– Быть может, они с леди Хэлкетт-Хьюз переписывались? – заинтересовалась я.

В детстве я любила собирать грибы. И с тех пор твердо усвоила: хочешь что-то найти – смотри в оба и вороши любую кучу листьев.

– Ни словечка! – Лиззи торжественно потрясла пальцем. – Ни единого словечка за все годы, что я тут работаю. Вроде как старый барон с ними знаясь, еще когда его бедная жена в родах померла. Он-то жениться второй раз так и не собрался, да и в годах уже был. Вот и присматривался. Из детишек у него одна наша леди была, упокой, Господи, ее душу.

Горничная всхлипнула.

Я с нежностью посмотрела на свой бесценный источник информации и погладила по круглому плечу.

– Хватит убиваться.

– Да как хватит? – Лицо Лиззи некрасиво сморщилось. – Когда бедная моя леди... Она так радовалась, что муж взялся за ум!

– И все-таки не верится мне, что полковник Хьюз вдруг переменился. Может, леди... ну, выдавала желаемое за действительное?

– Да что вы! Лорд стал таким внимательным, все старался жене угодить, подарками ее завалил и даже брился два раза в день.

Что-то мне подсказывало, что дело нечисто. Не похож полковник Хьюз на безутешного вдовца. И вообще, мужчины начинают

задабривать жен, когда чувствуют себя виноватыми. Вопрос, в чем провинился полковник Хьюз?

Ночью я долго лежала без сна.

Кто же все-таки убил леди ХХХ? Не Роуз, она на такое попросту не способна. Родерик Хьюз? Что, если его размолвка с матерью была не такой пустяковой, как он легкомысленно заявил? Что, если она угрожала лишить его наследства? Деньги всегда были и будут первым мотивом преступления.

Второй – страсть. Полковником Хьюзом, похоже, движет именно она. Не зря он вдруг сильно переменялся. Любовь к жене? Не смешите! В таком возрасте мужчины склонны поглядывать на сторону. Зачем ему старая и скучная жена? Значит, интрижка, которая могла бы привести к позорному разводу. Или, напротив, полковник Хьюз желал разрыва, а леди ХХХ отказала наотрез? Нет, в таком случае он вел бы себя совсем, совсем иначе. Значит, страсть и страх разоблачения. Возможно, вкупе с теми же меркантильными интересами.

Леди Присцилла? Смешно. Яд – это вполне в духе старой ведьмы, но ведь не такой яд! И никаких причин для убийства. Отбрасываем.

Профессора Фаулера и Леону Фаулер исключаем. У них не было ни возможности, ни – во всяком случае, на первый взгляд, – мотива. А жаль, потому что как раз у них вполне могла иметься «пыльца фэйри». В Альбион ее привозят из колоний.

Викарий и его тихая сестра? Ума не приложу, чем им могла помешать леди ХХХ.

Чарльз Гилмор? Этот бы скорее поквитался с полковником Хьюзом, который поносил Хиндустан и его народ.

Сибил Бредфорд? Я вспомнила ее злорадный взгляд и насмешливые советы. Пожалуй, эта могла бы. И слушок пустить, и яду сыпануть заклоятой подруге, подвернись такая возможность. Мотив? Пока неясен, хотя...

Уже в полусне я, кажется, что-то поняла. Встрепенулась, подумала: «Надо не забыть!» – и тут же забыла...

Разбудил меня грохот. Очень близкий, как бы не через стенку. «Роуз!» – мелькнуло в голове, и я подскочила с места.

Халат? Тапочки? Черт с ними! Как была, в одной лишь ночной сорочке, я выбежала из комнаты. Из соседних спален выглядывали

люди, такие же сонные и полуодетые.

Арнольд Фаулер в пурпурном халате, подпоясанном золотым кушаком с кистями, и сетке на золотистых волосах. Леона Фаулер в алом шелковом неглиже и с шелковым же платочком поверх бигуди. Чарльз Гилмор в черной атласной пижаме и расшитых бисером тапочках. На шее у него болталась бархатная маска для сна. Викарий Миллер с сестрой, оба – в серых фланелевых одеяниях до пят. Леди Присцилла в кимоно с драконами и с неизменной тростью, седые волосы заплетены в косу. Один лишь инспектор Баррет был в сером костюме с галстуком, чисто выбрит и благоухал одеколоном.

Кого недостает?.. Роуз!

Я забарабанила в соседнюю дверь.

– Роуз, с тобой все в порядке? Отзовись!

Дверь распахнулась так резко, что я чуть не села на месте. Роуз в своем милом голубом халатике выглядела усталой и заплаканной, однако вполне здоровой. Слава тебе господи.

– Тогда кто?.. – начал мистер Гилмор и обвел всех взглядом. – Где леди Сибил?

Ответом ему был тихий стон.

Инспектор сориентировался первым.

– Лестница.

Переглянувшись с Чарльзом Гилмором и сорвался с места. Остальные толпой двинулись следом.

Она лежала на лестничной площадке. Черные волосы разметались по белому мрамору, а лицо соперничало цветом с его белизной. Сорочка цвета шампанского и такого же оттенка халат, словно оправа из белого золота, обрамляющая жемчужное тело.

– Она мертва? – неожиданно деловито уточнила Рут Миллер.

Викарий истово перекрестился и забормотал молитву.

Инспектор присел рядом с леди Сибил на корточки, взял ее за руку. Мгновение, другое, затем его хмурое лицо просветлело. Он бросил коротко:

– Жива. Чарльз?

Гилмор кивнул.

– Я вызову доктора.

Кажется, эти двое понимали друг друга с полуслова.

– Роуз, нюхательную соль! – скомандовала я отрывисто.

Кое в чем я была опытнее племянницы, пусть она и дипломированная медсестра. Практические навыки ничем не заменишь.

Она кивнула и испарилась, я же отодвинула в сторону мисс Фаулер, которая жадно разглядывала эту сцену, и опустилась рядом с неподвижным телом.

Инспектор покосился на меня удивленно, и я объяснила коротко:

– Красный Крест.

Он кивнул, посторонился и пробормотал:

– Хотел бы я знать, как она тут оказалась.

Хороший вопрос.

Леди Сибил лежала между вторым и третьим этажами. На первом – столовая, гостиная, библиотека, кабинет полковника Хьюза, а также кухня и кладовые. Второй отведен для гостей. На третьем живут хозяева. Четвертый, под самой крышей, занимают слуги, но они не пользуются парадной лестницей. Кажется, она вообще заканчивается на третьем этаже. Только там ведь сегодня никого. Леди ХХХ мертва, полковник Хьюз с сыном заночевали в Лозборо. Так что могло понадобиться леди Сибил в их покоях?

Потом, все потом.

Пальцы легли на ее виски. Мрамор был ледяным, так что я озябла, и у меня вдобавок свело ногу, но телесные неудобства почти перестали меня занимать.

Сквозь вату в ушах я услышала гневное восклицание викария:

– Проклятая кровь!

Однако на него тут же зашикали. Леди Присцилла оттащила священника в сторону и принялась негромко отчитывать.

В наши просвещенные времена примесь крови фэйри уже не считается чем-то предосудительным. Даже потомки темных фэйри, оборотни, больше не прячутся. Кое-кто из них теперь в полиции служит. Но в глубинке встречаются еще... ретрограды.

Я поморщилась и зажмурилась. Под моей ладонью чуть слышно бился пульс и дрожала тонкая нить чужой жизни. Что тут у нас?..

Наконец я с облегчением вынырнула из транса.

– Как она? – Инспектор набросил мне на плечи свой пиджак и подал руку.

Я с благодарностью на нее оперлась.

– Ничего страшного, – поморщилась я, растирая ноющую икру. – Небольшой ушиб головы, пара синяков и вывих ступни. Для доктора пара пустяков. Роуз?

Роуз молча сунула склянку под нос беспамятной леди. Та сморщилась, заметалась, замычала протестующе и, наконец, открыла мутные от боли глаза.

– Кто вас столкнул, леди Сибил? – деловито поинтересовался инспектор.

Сверху донесся какой-то сдавленный звук, и все дружно задрали головы.

С третьего, хозяйского этажа на нас тарачился Родерик Хьюз в распахнутом халате. Погодите, он ведь должен был ночевать в городе?

– Леди Сибил? – спросил он, откашлявшись. – Что случилось? Что вы тут делаете?

Сама невинность. Однако припухшие губы и помада на шее выдали его с головой.

Ему никто не ответил.

– Кто вас столкнул, леди Сибил? – терпеливо повторил инспектор.

– Н-никто. Я не знаю. Не помню... – Леди Сибил поднесла к виску тонкую руку и закрыла глаза.

– А вам, мистер Хьюз, что-нибудь об этом известно?

В кривой улыбке Родерика скользила нервозность.

– Абсолютно ничего. Надеюсь, вы не думаете, что это я?

– Как знать... – проговорил инспектор задумчиво. – Кстати, мистер Хьюз, что леди Сибил делала в вашей комнате?

Родерик вскинул бровь.

– О чем вы? Я мирно спал в своей постели – в одиночестве, прошу заметить. Ай-ай-ай, инспектор! Ваши подозрения пятнают репутацию леди.

– Идите к себе, мистер Хьюз, – разрешил инспектор рассеянно, зачем-то внимательно изучая ступени. – Я загляну к вам через несколько минут.

Родерик мгновенно скрылся.

Красный от смущения викарий вскричал потрясенно:

– Да ведь она ему в матери годится!

– Когда и кого это останавливало? – заметила Леона Фаулер, изогнув бровь, и вытащила из кармана халата портсигар.

– Я-то думала, леди Сибил охотится на мистера Гилмора... – прокомментировала я вполголоса.

– Она вовремя поняла, что я ей не по зубам, – насмешливо объяснил подошедший сзади мистер Гилмор. – Кстати, мисс Райт, чудное неглиже. Вам очень идет.

Он скользнул взглядом по моему телу, едва прикрытому коротенькой сорочкой и – спасибо инспектору – мужским пиджаком.

Леди Сибил застонала, поднесла руку к бледному челу, пробормотала:

– Я... Кажется, я опять ходила во сне?

Леона фыркнула, крутя в длинных наманикюренных пальцах зажигалку.

– Так себе объяснение. Никто в такое не поверит.

Профессор выступил вперед и рыцарственно предложил:

– Леди Сибил, я донесу вас до кровати.

Должно быть, поправить ей одеяло перед сном он тоже не прочь.

– Спасибо, – ответила она слабым голосом и опустила длинные ресницы.

– Леди лучше не двигать с места до приезда доктора, – тихо возразила Роуз, вспомнив наконец, что ее тоже кое-чему учили. – Я побуду с ней.

Доктор – единственный из гостей, кто ночевать в доме Хьюзов не стал. Сослался на срочные дела и обещал вернуться утром. Поскольку отравить леди ХХХ он никак не мог, инспектор возражать не стал. Выходит, зря.

Полицейский наклонился и поднял с пола дешевенькую заколку. Покрутил в пальцах, позвал негромко:

– Леди Присцилла, не могли бы вы подойти? Взгляните-ка на это.

Застучала трость, и старая дама склонилась над недорогой деревянной заколкой с жемчужиной в центре. Откуда она могла взяться на парадной лестнице?

И, кажется, где-то я эту вещицу видела. Но где?..

– Легкое магическое воздействие, направленное на нарушение координации движений, – резюмировала старая леди пространно и уточнила с усмешкой: – В обиходе – «спотыкач». Уже неопасен, истратил весь заряд.

Кто-то – кажется, мистер Гилмор, – длинно присвистнул.

– Значит, леди Сибил и впрямь пытались убить? – переспросила Леона Фаулер и нервно затянулась сигаретой.

– Боюсь, это не совсем так, – покачал головой инспектор. – Никто ведь не знал о...

– Ночных визитах леди Сибил к мужчине, – хмыкнула леди Присцилла.

– Именно, – кивнул инспектор, осторожно заворачивая улику в чистый носовой платок. – Скорее всего, покушались на мистера Хьюза. Или же на полковника Хьюза, хоть это менее вероятно.

– По-моему, это все больше похоже на детскую шалость! – заявил профессор Фаулер решительно.

Инспектор спрятал улику в карман и ничего не ответил.

На завтрак нас собрали в столовой.

– Как жаль! – воскликнула Леона, обведя комнату взглядом. Глаза у нее сверкали, алые губы капризно кривились. – Я-то думала, повсюду будет порошок для снятия отпечатков, фотоснимки и гипсовые слепки. А тут все так... обычно.

Расследование будто вдохнуло в кинозвезду новую жизнь. Она выглядела оживленной и красивой как никогда.

– В жизни все совсем не так, как в кино, мисс Фаулер, – заметил инспектор наставительно, и лишь морщинки у глаз выдавали иронию.

Старый дворецкий – Уильямс, кажется, – неодобрительно поджал губы и продолжил раскладывать по тарелкам яйца, копченую рыбу, сэндвичи и бекон. Никакой овсянки, слава богу!

Старания дворецкого пропали втуне. Полковник Хьюз, который вернулся домой всего четверть часа назад, жадно глотал воду и морщился от одного взгляда на еду. Родерик Хьюз, который ночью налегал на клубнику с шампанским и устрицами (как шепнула мне бесценная Лиззи), простой пищей пренебрег. Викарий решил поститься и обошелся кусочком поджаренного хлеба, сестра последовала его примеру. Леди Присцилла жевала изюм и курагу, которые, в нарушение всяческих приличий, принесла с собой. Леди Сибил цедила бульон, специально для нее доставленный с кухни. Роуз, ни на кого не глядя, выпила стакан молока с булочкой.

– Вы серьезно думаете, что я рискну что-нибудь съесть в этом доме? – с веселым ужасом спросила Леона Фаулер, когда дворецкий

поставил перед ней тарелку.

– Съешь вареное яйцо, – посоветовал профессор хладнокровно. – Или фрукты, в них затруднительно добавить яд.

И намазал тост мармеладом.

Лицо дворецкого стало вовсе уж скорбным, будто он собирался выйти из столовой и не мешкая утопиться.

– Уильямс, будьте добры, – позвала я с улыбкой, – наложите мне побольше.

Он благодарно просиял, сказал с достоинством:

– Конечно, мисс.

– А вы смелая женщина, мисс Райт, – заметил мистер Гилмор, который даже не притворялся, будто что-то ест.

– Едва ли, – пожала плечами я. – Просто вряд ли кому-то в этом доме вздумается меня отравить. И, между нами говоря, после жареной саранчи меня трудно чем-то удивить.

– Фу-у-у! – скривилась Леона, прикрыв ярко покрашенный рот рукой. – Какая мерзость!

– Не ты ли тянула в рот муравьев? – хмыкнул профессор Фаулер. – И говорила, что они приятные, кисленькие.

– Мне тогда было семь лет! – вознегодовала Леона. – Между прочим, я сто раз ездила с тобой, и никаких тараканов мы не ели.

– Я брал тебя в самые безопасные экспедиции, – напомнил он, улыбаясь, и откинул со лба золотистую челку.

Леона надулась и по-детски показала ему розовый язычок.

– Мог бы и подыграть.

– Можно узнать, чего мы ждем? – поинтересовалась леди Сибил, прерывая их пикировку. – Сутки ведь уже прошли, не так ли?

И чуть заметно поежилась, точно мысль о смерти старой подруги вызывала у нее озноб. На правах больной она расположилась в удобном кресле, которое специально ради нее принесли из гостиной. Под больную ногу ей примостили обитую бархатом скамеечку, а под спину – штук пять вышитых подушек.

– Доктора, – ответил инспектор, взглянув на часы. – Он обещал вернуться к десяти.

– Думаете, еще кого-нибудь отравят? – Леона отвлеклась от апельсина, который ей пришлось очистить самой.

Джентльмены, несмотря на ее кокетливые взгляды, на помощь не спешили.

– К слову, – улыбка мистера Гилмора стала мефистофельской, – Фаулер, вы не правы. Фрукт нетрудно отравить с помощью шприца.

Леона подавилась и закашлялась.

– Откуда такие познания? – ядовито поинтересовался профессор, хлопая сестру по спине.

Священник сказал с упреком:

– Мистер Гилмор! – и покачал головой.

Чарльз Гилмор поднял руки и рассмеялся.

– Сдаюсь, сдаюсь. Простите, не удержался.

Инспектор выглянул в окно, которое выходило на подъездную аллею, и запоздало пояснил:

– Я заручился помощью доктора на случай, если дамам станет дурно. Вот и он, кстати.

– Разумно. – Леди Присцилла отрывисто кивнула и встала. – Прошу меня извинить, мне нужно подготовиться.

Она вышла, а инспектор попросил, не повышая голоса:

– Леди и джентльмены, пожалуйста, отойдите к стенам.

Это походило на дрянной спектакль в каком-нибудь любительском театре. Портьеры задернуты. Ковер свернут. Стулья полукругом расставлены вдоль стен, оставляя свободной импровизированную сцену. Почти в центре, на том самом месте, где лежала умирающая леди ХХХ, теперь мелом вычерчена пентаграмма. По углам ее толстые свечи, а в центре красуются бриллиантовое кольцо, соболье манто, горшок с геранью и – вершина абсурда – тарелка с засохшими остатками овсянки. Реквизит? Подношение духу?

– Любопытный натюрморт, – вполголоса заметил Чарльз Гилмор, ухмыляясь совершенно беззастенчиво.

Инспектор пожал плечами.

– Указание леди Присциллы.

– А, помню. Что-то живое и что-то мертвое. – Мистер Гилмор пододвинул мне стул.

– Можно подробнее? Я ничего не поняла! – жалобным голоском маленькой девочки попросила Леона Фаулер и захлопала ресницами. Только густой слой туши образу ребенка не очень-то соответствовал.

Мистер Гилмор оглянулся через плечо и неопределенно повел пальцами.

– Насколько я понял, нужно что-то вроде... приманки?

– Якоря, – подсказал профессор, кажется знающий все на свете. – То, что покойная больше всего любила при жизни. И то, что связано с ее смертью... Викарий, с вами все в порядке?

Священник и впрямь был бледен, на лбу блестели капли пота.

– Да-да, – часто заморгал он, теребя закладку молитвенника. – Знаете, я... я ужасно боюсь призраков!

– Бояться нужно живых, – посоветовал инспектор серьезно.

Викарий лишь беспомощно улыбнулся. Доктор Пэйн порылся в своем саквояже и заставил священника выпить какую-то подозрительно пахучую микстуру. Я повела носом. Сдается мне, коньяка в ней было больше, чем валерьянки. Зато викарий порозовел на глазах.

– Может, мы наконец начнем? – скучающим тоном предложил Родерик Хьюз и закинул ногу на ногу. – Вообще-то у меня другие планы на остаток дня.

Он совсем не скорбел о леди ХХХ. Интересно, а Роуз будет плакать на моих похоронах? Кроме нее, у меня никого нет.

Я взглянула на племянницу, которая сидела, сложив руки на коленях, и смотрела прямо перед собой. Место она выбрала, как нарочно, в другом конце столовой. Или просто решила сесть рядом с доктором Пэйном? Да нет же. Готова поклясться, Роуз все утро меня избегала. Хотела бы я знать: почему?

Несколько утешало, что Родерика она избегала тоже.

– Думаю, мистер Хьюз, торжество справедливости куда важнее ваших планов, – заметил инспектор с холодком.

Родерик скривил губы.

– Кому это нужно? Мертвых не вернуть.

– Закон смотрит на это иначе, мистер Хьюз. – Инспектор повернулся к констеблю Греггсону, который замер у двери с таким видом, будто стоял на часах у входа в королевский дворец. Даже живот как мог втянул. – Констебль, пригласите леди Присциллу.

– Да, сэр! – рявкнул он так, что леди Сибил поморщилась, и утопал в коридор.

Второй констебль, худой и нескладный юноша в чуть великоватой форме, торопливо затачивал карандаш. Блокнот он уже держал под рукой, готовясь стенографировать. Очевидно, к инспектору прибыло подкрепление.

Леди Присцилла потрясла воображение: босая, простоволосая, в каком-то немыслимом балахоне из дерюги, подпоясанном обычной веревкой. Серые волосы спадали волнами почти до колен, глаза поблескивали колдовской зеленью.

– Ах, какой типаж! – воскликнула Леона и захлопала в ладоши.

– Мисс Фаулер, прошу вас, – сказал инспектор с упреком.

– Извините, – тонким голоском повинилась она, опуская лукавые глаза. – Я больше не буду.

Леди Присцилла дважды стукнула тростью об пол, заставляя зрителей умолкнуть.

– Вы готовы, викарий? – обратилась она к бледному пастору.

Он выглядел как великомученик, которого тащат на съедение львам. К тому же бедняге пришлось отслужить воскресную службу пораньше, чтобы успеть вернуться.

– Д-да, – выдавил он, заикаясь, и схватился за Библию, словно утопающий за соломинку. Потом часто заморгал и испуганно воззрился на старую ведьму. – Ох. Простите, кажется, я забыл слова...

Инспектор прикрыл лицо рукой. Леди Присцилла возвела очи горе и пообещала суфлировать. Викарию оставалось лишь повторять за ней.

– Я, Джеймс Миллер, викарий прихода Дорсвуда, позволяю и повелеваю ведьме Присцилле Поуп магические действия, потребные для вызова души покойной Хелен Хэлкетт-Хьюз.

Старая формула, бывшая в ходу уже лет сто. С тех пор, как ведьмам официально разрешили колдовать (разумеется, в рамках закона).

Констебль пальцем приподнял сползающий на нос шлем и принялся торопливо строчить в блокноте.

Ведьма усмехнулась и ответила столь же традиционным:

– Внимаю и повинуюсь.

От неприкрытой насмешки щеки викария запунцовели. Он закусил губу и отвернулся, а леди Присцилла обратилась к зрителям:

– Мне нужна помощь.

– Я готов, – тут же вызвался мистер Гилмор.

– Увы, вы не подходите. – Ведьма развела руками, чуть не угодив посохом в глаз бедняге-викарию, и мне отчего-то не верилось, что нечаянно. – Нужно четыре человека, которых Хелен любила.

Взгляд ее остановился на сыне и муже покойной.

– Четыре человека? – Леона невоспитанно фыркнула, разглядывая свой безупречный маникюр. – Вряд ли вы найдете хотя бы двух. Видно же было, что леди любит только себя. Ну, может, еще сына.

– Мисс Фаулер. – Инспектор нахмурился. – Я, конечно, ценю вашу непосредственность, но попрошу не мешать.

– Я ведь могу и чары наложить, – заметила леди Присцилла в пространство. – Жаль только, что «печать безмолвия» такая капризная. Может сработать на час, а может на неделю или даже месяц...

Мистер Гилмор хмыкнул, а инспектор отвернулся, скрывая улыбку.

– Сдаюсь, – подняла руки Леона. – Я больше не буду.

Леди Присцилла изогнула бровь, явно в этом сомневаясь.

– Родерик, – позвала она. – Бартоломью.

Родди с обычной скучающей миной поднялся с места, а полковник Хьюз вздрогнул, словно только-только очнувшись ото сна. Выглядел он неважно, будто маялся несварением желудка. Ну, или укорами совести – симптомы схожи.

– Леди Сибил, – продолжила ведьма, обведя взглядом гостей. Выбор и впрямь был небогатый.

Та ответила со смешком:

– Какая честь! Боюсь, милый Родерик, тебе придется меня нести.

И выразительно приподняла изящную щиколотку, перевязанную бинтом.

– Какой стыд... – пробормотал викарий, заливаясь краской.

– Роуз, милая, – закончила леди Присцилла, и Леона, не удержавшись, прыснула. Ведьма, наградив ее длинным взглядом, пояснила: – Ненависть тоже подойдет. Главное – сильные чувства.

Роуз поежилась, как от озноба, поднялась с места и заявила храбро:

– Я готова.

– Какая драма, – не удержалась Леона Фаулер. – Убийца и жертва лицом к лицу.

Леди Присцилла сверкнула глазами.

– Милочка, вы мне надоели.

Она прищелкнула пальцами – и смех Леоны резко оборвался. Актриса беззвучно разевала рот, потом веселье в ее глазах сменилось ужасом. Она поднесла руку к горлу и смертельно побледнела.

Доктор вздохнул и полез в саквояж за микстурой.

Профессор взвился:

– Что вы себе позволяете?!

Светловолосый и сложенный, как эллинский бог, в гневе он выглядел так, что я невольно залюбовалась.

– Значительно меньше, чем могла бы, – с учетом обстоятельств, – отрезала старая ведьма. – Надеюсь, мне простят такую вольность. Викарий, инспектор...

Представители властей – светской и церковной – дружно кивнули.

– Продолжайте, пожалуйста, – попросил инспектор, потирая губы, чтобы скрыть усмешку.

Ведьма расставила четверых помощников в лучах звезды (леди Сибил сидела) и сама встала пятой.

Горели свечи. Леди Присцилла говорила нараспев. Мерный речитатив заклинаний падал в тишину комнаты, словно камни в озерную гладь. Магия баламутила мертвенно-спокойную воду потустороннего мира, поднимала со дна ил...

Наконец в пентаграмме закружилась сизая воронка, в которой проглядывали то черепа, то чьи-то призрачные руки. Сильно запахло воском и ладаном.

Рут Миллер охнула, викарий Миллер схватился за сердце, инспектор подался вперед, а мистер Гилмор, напротив, откинулся на стуле. Остальные будто оцепенели.

Глаза Роуз были расширены, Родерик криво улыбался, полковник Хьюз дрожащими губами читал молитву (никогда бы не подумала, что он столь набожен), а леди Сибил теребила сережку.

– ...Хелен Хэлкетт-Хьюз! – громко и отчетливо завершила тираду ведьма.

И с облегчением перевела дух. Нелегко, должно быть, столько говорить на одном дыхании.

Воронка недовольно дернулась – и в перекрестье лучей из дыма соткалась призрачная фигура.

– Хелен! – выдохнул полковник Хьюз.

Она не удостоила его и взглядом.

– Родди! – Дух простер руки к сыну. – О, Родди.

Голос леди ХХХ звучал узнаваемо, но со странным пришепетыванием, как будто смерть испортила ей прикус.

– Здравствуй, мама! – бестактно брякнул Родерик.

Что-что, а здравствовать она уже никак не могла.

– Леди, – вмешался инспектор, обходясь без имен и расшаркиваний. И то дело, пока всякий раз выговоришь это «леди Хэлкетт-Хьюз», дух умчится в горние выси. – Вы знаете, кто вас убил?

– Нет, – отмахнулась она, поедая взглядом сына. – Какая разница?

– Я полицейский и должен найти вашего убийцу. Вы можете что-то о нем сказать?

– Это не важно. – Она нахмурила лоб и обратилась к сыну: – Родди, будь осторожен. Тебя погубит женщина!

Тоже мне, новость.

– Ладно, – пробормотал Родерик, отчего-то покосившись на Роуз.

На нее же смотрел и дух, с каждым мгновением наливаясь гневом и мощью.

– Ты-ы-ы!

Леди ХХХ, обезумев, кинулась на Роуз... и налетела на невидимую стену. Взвыла. Заколотила по преграде. Пламя свечей затрепетало, как на ветру. Дух бесновался, вновь и вновь кидаясь на преграду. Не зря говорят, что от «пыльцы фэйри» можно помутиться рассудком.

Я вскочила на ноги. Что делать? Оттолкнуть Роуз? Швырнуть стулом в духа? Вряд ли это поможет, но бездействовать – выше моих сил.

Леди Присцилла простерла руки и бросила несколько слов. Из туманной дымки слепилось нечто белое, упало на плечи леди ХХХ – и спеленало авангардным подобием смирительной рубашки. Так ее!

– Хелен, веди себя прилично! – прикрикнула леди Присцилла и погрозила племяннице узловатым пальцем. – Инспектор?

Он кивнул и спросил без обиняков:

– Леди, это мисс Роуз Карпентер вас убила?

Роуз ахнула и прикрыла рот рукой.

– Не знаю, – скривила губы леди ХХХ.

– Почему тогда вы обвинили мисс Карпентер? – допытывался инспектор.

– Кажется, я... – Она закатила глаза. – Все будто в тумане...

Леди Присцилла постучала по циферблату наручных часов.

Инспектор кивнул и заторопился:

– У вас были враги? Вам угрожали?

– Нет и нет! – ответила леди ХХХ, не задумываясь. Даже в смиренной рубашке выглядела она величаво. – Меня все любили.

Спорное утверждение.

– Викарий? – отступил инспектор, отчаявшись чего-то от нее добиться.

– Хелен Хэлкетт-Хьюз, желаете ли вы исповедаться? – дрогнувшим голосом предложил священник, выступая вперед.

– Обойдусь. – Она вновь посмотрела на сына. – Береги себя, Родди, дорогой!

Призрачная фигура начала таять. Ярko мигнула напоследок, и до нас долетели последние слова:

– И пусть мой душистый горошек выиграет конкурс!

Дух исчез, а викарий, охнув, вдруг обмяк. К счастью, доктор Пэйн со своей микстурой был начеку.

В столовой стоял галдеж. Нехорошо так говорить о якобы приличных людях, но что поделать, если они галдят, как стая уток?

Полковник Хьюз гремел, потрясая кулаком:

– Я же говорил, что это она!..

Он успел втихомолку глотнуть из фляжки, и это нехитрое средство весьма его подкрепило.

– Отец, мама ничего такого не сказала, – поморщился Родерик.

Вступился за Роуз? Надо же! Оказывается, у него еще сохранились остатки совести.

Полковник Хьюз побагровел.

– Хелен дала понять, что...

К счастью, никто не позволит полиции тащить в суд призраков уважаемых граждан.

– Хелен совсем как старуха. – Низкий грудной голос леди Сибил без труда перекрыл бас полковника Хьюза. – Волновалась только о сыне и цветах.

Она привольно раскинулась в кресле, перебросив ноги через подлокотник. Викарий и его благовоспитанная сестра старались на нее не смотреть. Священник был все еще бледен, однако доктор заверил, что он уже вне опасности.

– Старой быть не так плохо. – Леди Присцилла успела переодеться и даже заплести волосы и теперь попивала кофе. – Вам, моя милая, еще предстоит это понять.

Леди Сибил содрогнулась.

– Упаси бог! – Она несколько принужденно рассмеялась, обмахивая лицо рукой. – Надеюсь, я до этого не доживу.

Профессор Фаулер тем временем громко рассказывал сестре о традициях вызова духов. Леона же выглядела так, будто никак не могла решить: устроить скандал или расплакаться? Расплакаться не позволяла гордость, а скандалить, когда не можешь вымолвить ни слова, затруднительно. Разве что письменно, но это ведь совсем не то!

Полковник Хьюз гаркнул:

– Инспектор! Почему вы ее не арестуете?

– Кого именно? – осведомился полицейский, поднимая взгляд от своих записей.

– Эту мисс Карпентер, – с отвращением произнес полковник Хьюз. – Моя жена прямо на нее указала! Это приравнивается к свидетельству, ведь так?

Как-то уж слишком настойчиво он пытается спустить на Роуз всех собак. Видимо, потому, что у самого рыльце в пушку, как говаривала миссис Доусон, моя старая нянька.

И тут я чуть не подскочила на месте. Вспомнила, где видела ту заколку!..

– Духи не могут лгать, – пробормотал профессор, переглянувшись с сестрой.

– Ваша жена признала лишь, что не питает к мисс Карпентер добрых чувств, – парировал инспектор хладнокровно и перелистал записи: – На вопрос инспектора «Вы знаете, кто вас убил?» дух ответил «нет», а на вопрос «Леди, это мисс Роуз Карпентер вас убила?» был ответ «Не знаю». Как видите, полковник Хьюз, констебль Догсли тщательно записал все слова вашей покойной жены.

– Я пожалуюсь вашему начальству! – пригрозил полковник Хьюз громогласно. Его лицо и шея стали кирпично-красными.

Инспектор ничуть не утрашился.

– Как вам будет угодно.

Полковник Хьюз дернул узел галстука.

– Надеюсь, гости уже могут... разъехаться?

Очевидно было, что ему хотелось сказать что-то вроде: «Убраться отсюда к чертовой матери!»

Родерик закатил глаза.

– Отец...

Полковника можно было понять. Похороны и расследование сами по себе малоприятны, не говоря уж о слухах, которые из-за этого пойдут. А тут еще полон дом гостей! Любой из которых, к слову, может оказаться убийцей.

– Как невежливо, – пробормотала леди Присцилла, улыбаясь одними глазами.

– Надеюсь, в деревне найдется, где снять комнату? – Профессор выглядел оскорбленным в лучших чувствах.

Зато викарий с сестрой явно обрадовались. Еще бы, им-то не придется спешно искать себе пристанище.

Каюсь, я тоже чувствовала лишь облегчение. Хватит с меня таких приключений, не для того я вернулась в Альбион.

– Я не имел в виду ничего такого!.. – попытался сдать назад полковник Хьюз, побагровев совсем уж опасно.

Того и гляди, получит апоплексический удар. Жаль, доктор уже откланялся.

– Боюсь, – сказала леди Присцилла, кашлянув, – в Дорсвуде нет гостиницы. Только небольшой паб, но там не сдаются комнаты.

– Вы можете оставаться, сколько... словом, сколько пожелаете. – Полковнику Хьюзу явно стало неловко. – Те, кто захочет.

– Благодарю покорно. – Тон мистера Гилмора был полон иронии. – Я предпочту вернуться к себе. Разумеется, если власти, – легкий поклон в сторону полицейских, – не возражают.

– Нисколько, – заверил инспектор. – Но к двум часам приедет поверенный, и он настаивал, чтобы вы, леди Присцилла, и вы, викарий, присутствовали при оглашении завещания.

Родерик присвистнул.

– Неужели мама оставила все вам? Вот будет номер!

– Не говорите глупостей, юноша! – Леди Присцилла отставила чашку и оперлась о трость. – Конечно, я останусь, инспектор.

– Это действительно необходимо? – Викарий все еще колебался.

– Я не задержу вас дольше ленча, – пообещал инспектор, убирая записи.

Роуз пулей вылетела из столовой. Я проводила ее долгим взглядом. Догонять или нет? Пожалуй, не стоит. Она слишком расстроена, чтобы рассуждать здраво. Пусть наплачется вдоволь, после поговорим.

Я предпочла замешкаться, делая вид, что ищу оброненный платок. Благо остальные гости старались не задерживаться ни на одну лишнюю секунду.

– Вы уже третий раз на него смотрите, – заметил инспектор с еле уловимой насмешкой. – Присаживайтесь. Могу я узнать, зачем вы остались?

– Разумеется. – Больше не было нужды изображать слепого крота, так что я подобрала платок и спрятала в карман.

Инспектор сидел у окна и перелистывал блокнот с заметками. Свет наискось падал на его лицо, пряча выражение глаз, но подчеркивая тонкие морщинки. Должно быть, ему около сорока.

– Прежде всего, позвольте поблагодарить вас, инспектор.

– За что же? – Он удивленно изогнул бровь.

– За то, – ответила я серьезно, – что вы не ухватились за удобного во всех смыслах козла отпущения.

– Мисс Райт! – перебил инспектор, подавшись вперед. Голос его вдруг стал резким, как свист кнута. – Мне не нужен, как вы изволили выразиться, козел отпущения. Мне нужен убийца, и рано или поздно я его арестую. Если это ваша племянница, то тем хуже для нее. В противном случае ей ничего не грозит.

– Простите, – искренне сказала я после недолгой паузы и сцепила пальцы на коленях. – Видимо, я... слишком долго жила там, где полицейские не столь щепетильны.

– Простите и вы меня, – вздохнул инспектор, крутя в пальцах карандаш. – Я близко к сердцу принимаю подобные вещи. Между нами говоря, я не считаю мисс Карпендер убийцей. Однако пока я не вправе ее исключать, понимаете?

– Понимаю, – кивнула я. – Я хотела вот о чем рассказать...

И я подробно, однако не вдаваясь в собственные рассуждения, пересказала ему заинтересовавшие меня разговоры с садовником и горничной.

– Значит, внезапно вспыхнувшие чувства. – Инспектор задумчиво потер лоб. – Любопытно. Желаете еще что-нибудь добавить?

– Только одно, – поколебавшись, все же сказала я. – Надеюсь, вы заметили, что леди ХХХ даже не взглянула на мужа?

– Это ни о чем не говорит.

– Это говорит о многом. Женщина не может прожить с мужчиной больше двадцати лет и забыть его, как сюжет бульварного романчика.

– Боюсь, вы не слишком в этом компетентны, мисс Райт, – уколол меня инспектор.

– Я старая дева, инспектор, но я не дура, – парировала я и поднялась. – Спасибо, что уделили мне время.

– Благодарю, мисс Райт. – Он вежливо наклонил голову и задумчиво постучал карандашом по обложке блокнота. – Я ценю ваши усилия, но постарайтесь больше не вмешиваться в расследование. Это может быть опасно.

– Не беспокойтесь, инспектор. Я не стану путаться у вас под ногами. Желаю удачи.

Сама не знаю, почему мне вдруг стало так досадно.

Акт второй, действие второе. Снова столовая, чем-то она инспектору приглянулась. Снова ряд стульев у стен. Снова задернутые шторы. И освященный временем ритуал, только леди ХХХ на этот раз присутствовала незримо.

Поверенный Симмонс, пожилой мужчина с впечатляющими залысинами и болезненно желтым лицом, с выражением зачитывал мудреные юридические формулировки. Казалось, они доставляют ему удовольствие не меньшее, чем меломану – виртуозное исполнение какой-нибудь фуги или сонаты.

Места перед ним заняли родственники покойной: муж, сын и троюродная тетка. Инспектор расположился рядом с поверенным, в дальнем углу скромно устроился констебль Догсли, который без шлема оказался совсем юным и трогательно лопухим. Лицо бедного

констебля вытягивалось с каждой заумной фразой, однако он упорно что-то царапал в блокноте.

Желание присутствовать, кстати, изъявили все, промолчала разве что Леона Фаулер, и то лишь в силу того, что дар речи к ней пока не вернулся.

– В сущности, завещание очень простое. – Поверенный взглянул на родственников клиентки поверх очков. – За вычетом небольших сумм слугам и этого дома, который останется в пожизненное пользование вдовцу, все прочее движимое и недвижимое имущество леди Хэлкетт-Хьюз завещала сыну.

– Что?! – вскричал полковник Хьюз, будто подброшенный катапультой. – Этого не может быть. Хелен мне обещала... Это какая-то ошибка!

Мина поверенного стала кислее уксуса, а в голосе прозвучали оскорбленные нотки:

– Могу вас уверить, наша контора соблюла волю леди Хэлкетт-Хьюз в точности.

– Не надо так нервничать, Симмонс, старина. – Родерик не скрывал довольной улыбки. – Мы вам верим.

– Хелен обещала переписать завещание! – прорычал полковник Хьюз, потрясая кулаком.

– Это так, – кивнул поверенный. – Мы обсуждали изменения, которые леди Хэлкетт-Хьюз желала внести, и подготовили проект нового завещания. Увы, леди Хэлкетт-Хьюз не успела его подписать.

Полковник Хьюз обмяк в кресле и тяжело дышал. Инспектор, прищурившись, наблюдал за ним.

Поверенный откашлялся и добавил:

– Леди Хэлкетт-Хьюз оговорила, что в полное владение имуществом вы, мистер Хьюз, вступите лишь по достижении двадцатипятилетнего возраста, до того момента вы сможете пользоваться лишь процентами с капитала.

Радость Родерика несколько потускнела.

– Это все? – поинтересовался инспектор негромко.

– Почти. Мне осталось сообщить лишь о двух моментах. – Мистер Симмонс поправил очки. – Во-первых, леди Хэлкетт-Хьюз составила отдельное завещательное распоряжение в пользу... – Полковник Хьюз привстал, но поверенный сбил его на подлете

безжалостным: – Викария Миллера. С тем, чтобы данная сумма была потрачена на ремонт церкви.

– Ох. – Викарий схватился за сердце, однако новая порция успокоительной микстуры привела его в чувство. Он только моргал и растерянно повторял: – Это так неожиданно... так неожиданно!

На глазах викария, ко всеобщему смущению, блеснула влага.

Доктор же мрачно поболтал остатками валерьянки и спрятал пузырек в карман. Видимо, чтобы всякий раз не лезть в саквояж. Остальные гости, затаив дыхание, наблюдали за разыгрывающейся семейной драмой.

– Во-вторых, – продолжил поверенный, откашлявшись, – своим душеприказчиком покойная назначила леди Присциллу Поуп, на которую, помимо прочего, возлагается обязанность проследить, чтобы полковнику Хьюзу выплачивалось содержание, достаточное для ведения домашнего хозяйства и удовлетворения потребностей вдовца... С этой целью создан специальный трастовый фонд. На этом все.

Он с видимым облегчением спрятал бумаги в кожаный портфель.

– Что?! – Полковник Хьюз хватал воздух ртом. – Содержание!.. Мне!

Родерик Хьюз, не скрываясь, хохотал.

– Сэр! – сказал поверенный укоризненно и поджал губы.

– Душеприказчик – женщина!.. – хрипел полковник Хьюз.

Доктор держал успокоительное наготове, но приближаться к пациенту, очевидно, покуда опасался. Разумные люди не суются под копыта разъяренного быка.

Леди Присцилла поморщилась. Она вовсе не выглядела польщенной таким доверием.

– Могу ли я отказаться? – поинтересовалась она сухо.

– Разумеется, – поджал губы поверенный. – Однако этим вы нарушите последнюю волю вашей родственницы. И могу вас заверить, леди Присцилла, что ваши обязанности не будут слишком утомительны.

При такой постановке вопроса леди Присцилле увиливать было неловко, и она нехотя кивнула.

– Скандал! – проревел полковник Хьюз. – Это немыслимо! Незаконно!

– Мы бы не допустили ни малейшего нарушения закона, – оскорбился поверенный. – В правилах наследования не оговаривается, что душеприказчик непременно должен быть мужского пола.

– Но это же подразумевается! – возмутился полковник Хьюз. – Иное никому и в голову не могло прийти!

– Это слишком умозрительно, – развел руками поверенный.

– Все, что прямо не запрещено законом, – разрешено, – вставил расхожую юридическую сентенцию инспектор и поднялся. – Благодарю, мистер Симмонс.

– Надеюсь, вы останетесь на ленч? – тоном гостеприимного хозяина предложил Родерик.

Полковник Хьюз, уже начавший было успокаиваться, снова побагровел.

Однако доктор ловко влил в него остатки микстуры, сокрушенно посмотрел на опустевший пузырек и пробормотал:

– Надо было прихватить целую бутылку...

Один только Родерик Хьюз принялся за ленч с аппетитом. Он уплетал тосты, намазывая их черносмородиновым джемом.

Полковник Хьюз сидел, подперев голову рукой и мрачно сверля взглядом оленьи рога на стене. Еда на тарелке перед ним осталась нетронута.

Гости – все до единого – явно чувствовали себя ужасно неловко. Однако между ними словно пролегла невидимая черта, разделившая их на две неравные группы. Местные жители ерзали в ожидании счастливого момента, когда можно будет сбежать домой. Приезжим деваться было некуда, им придется ждать дознания.

Родерик занял кресло покойной матери и, размахивая очередным тостом, разглагольствовал:

– Думаю, мне придется выделить деньги на ремонт дома. Не хватает еще парочки ванн и бильярдной. И пора наконец провести центральное отопление! Эти каминные пожиратели массы дров, а в комнатах все равно холодно.

– Это мой дом, – буркнул его отец, глядя на сына исподлобья.

Родерик почесал щеку.

– Ну да. Но я же буду наезжать сюда на уик-энды с друзьями, так что могу и раскошелиться.

Полковника Хьюза перекосило. Лицо поверенного выражало вежливое недоумение.

Местные жители кисло переглянулись. Видимо, в понимании Родерика отдых с друзьями – это развеселые пирушки, когда музыка и шум на всю округу. Веселенькая перспектива для соседей!

У викария стало такое лицо, будто он прикидывал, не заказать ли сразу бочку-другую святой воды и пару фунтов ладана. Хотя сомневаюсь, что это поможет.

– Родерик, милый, – мягко сказала леди Сибил, разрезая на дольки яблоко. – По-моему, нам стоит сменить тему.

– Поговорим о погоде? – рассмеялся он. – О, эта тема никогда не подведет! Давайте все обсудим замечательный дождь. Он так чудесно освежает, правда?

По стеклам барабанили крупные капли.

Леди Присцилла нахмурилась и стукнула об пол тростью.

– Постеснялся бы! Тело твоей матери еще не опустили в могилу.

– Да будет вам, тетя Присцилла, – поморщился Родерик, ослабил узел галстука и потер шею. – Какой смысл притворяться? Завещание-то уже зачитали.

– Но еще не утвердили, – напомнил инспектор негромко.

Родерик поднял брови.

– Думаете, где-нибудь за обивкой кресла обнаружится новое? Бросьте, такое бывает только в романах. Но, если вам будет спокойнее...

Он поерзал, демонстративно запустил руку за подушки кресла и вдруг застыл.

– Смелее, – подбодрил инспектор с насмешкой. – Покажите нам, что вы там нашли.

Родерик сказал с досадой:

– Ну и болван же я!

Он вытащил руку с зажатым в ней листком.

– Позвольте. – Инспектор ловко отобрал у него бумагу и развернул.

– Что там? – вытянул шею Родерик, пытаясь заглянуть ему через плечо.

Инспектор молча продемонстрировал всем за столом лист с надписью, составленной всего из двух фраз: «Хотите узнать кое-что

интересное? Я вам расскажу!» Слова были вырезаны из газеты и наклеены на лист.

Лицо полковника Хьюза сделалось скорбным. Не завещание!

– Колонка Стива Паркинсона, – пробормотал мистер Гилмор, с интересом разглядывая записку. – По-моему, стоит снять отпечатки пальцев, старина.

– Разумеется, – отмахнулся инспектор. – Хотя сомневаюсь, что мы найдем что-то полезное. В наше время все знают об отпечатках пальцев.

– Кто такой этот Стив Паркинсон? – осведомилась леди Присцилла, глядя на записку, словно на таракана.

– Скандальный журналист из «Альбион-ньюс». – Профессор не утерпел, воспользовался случаем проявить свою осведомленность. – Он каждую статью предваряет этой фразой.

– Точно! – прицелкнул пальцами Родерик. – А я-то подумал: что-то знакомое. Значит, маму шантажировали? Вот вам и разгадка.

И вновь ожесточенно почесал шею, на которой появилась красная сыпь. Что это с ним?

На лице викария отразился ужас. Убийство, шантаж – в его тихом приходе?! Сестра успокаивающе погладила священника по плечу.

– Не думаю, мистер Хьюз, – ответил инспектор очень вежливо. Он всегда так делал, когда хотел поставить собеседника на место. – Текст больше похож на послание какого-нибудь доброхота.

– Я слышал, осторожные шантажисты часто так начинают, – возразил Родерик быстро. – Так сказать, сначала прощупывают почву, а после уж требуют денег.

– Как любопытно, – заметила леди Присцилла вполголоса. – Откуда тебе это известно?

Он махнул рукой и откусил кусочек тоста.

– Где-то слышал. Знаете, как бывает? Говорят то тут, то там.

Леди Присцилла недоверчиво покачала головой, а инспектор добавил:

– Шантажисту невыгодно убивать жертву.

– С мертвой коровы молока не надоишь! – выдал вдруг полковник Хьюз, а Леона захлопала в ладоши.

Говорить она по-прежнему не могла, зато всю пользовалась жестами. Таким нехитрым способом ей удавалось выражать огромный

спектр эмоций. Актерское мастерство, ничего не скажешь.

Родерик нахмурился, отодвинул манжет рубашки и почесал руку – яростно, оставляя полосы от ногтей. Посмотрел на свою кожу, испещренную россыпью мелких волдырей, и удивленно сказал:

– По-моему, я заболел.

Началась суэта. Доктор подскочил с места, кажется проклиная день и час, когда он вздумал заглянуть в дом Хьюзов. Лакея отослала за полотенцами и горячей водой – бог весть для чего. Полковник Хьюз вышагивал из угла в угол. Поверенный что-то вполголоса объяснял инспектору. Я разобрала только, что речь шла о том, кому достанется имущество в случае смерти Родерика. Не рановато ли его хоронят?

Доктор пощупал пульс Родерика, заглянул в зрачки, внимательно изучил покрасневшую кожу, измерил температуру. Роуз, добрая душа, ему помогала.

– Что скажете, доктор? – осведомилась леди Сибил, отламывая ложечкой кусочек пирожного.

– Нервы? – предположила леди Присцилла иронически.

– Побойтесь бога, тетя Присцилла! – возмутился Родерик.

Викарий набожно перекрестился.

Доктор неторопливо складывал в чемодан тонометр, градусник и прочие пугающие медицинские принадлежности.

– Я бы сказал, сильная аллергия. У вас раньше такое было?

– А как же. – Лицо Родерика просветлело. Очевидно, он тоже успел вообразить себя на смертном одре. – На мед!

– Мед? – странным тоном повторил инспектор и подошел к буфету. – Но сегодня его не подавали.

– Я ел только тосты с черносмородиновым джемом, – сказал Родерик быстро. – И пил чай.

– Чай я сам заваривал, – скорбным голосом проговорил дворецкий, как будто это приравнивалось к признанию в убийстве. – Черный, без сахара и молока.

– Значит, джем... – Инспектор взял баночку, понюхал и, сунув палец, лизнул. – Я не специалист, но, по-моему, тут много меда. Мистер Хьюз, вы ничего подозрительного не заметили?

– Он был слишком увлечен, – съязвил полковник Хьюз, – разглагольствуя о перестройке дома.

– Ничего такого. – Родерик бросил на отца взгляд, в котором не было ни унции сыновней любви, и украдкой почесал ладонь.

Доктор тут же принялся отмерять какую-то микстуру, бурую, как хелат железа. Родерик принял ее без возражений и выпил залпом, только поморщился.

– Но в этом джеме нет меда, сэръ! – ужаснулся дворецкий, хватая воздух ртом.

– Как назло, валерьянка закончилась, – с досадой пробормотал доктор и велел: – Уильямс, налейте себе немного коньяка.

– Но...

– Назначение врача! – сурово отрезал доктор Пэйн, и дворецкий повиновался.

Дождавшись, пока в лицо слуги вернутся краски, инспектор уточнил:

– Вы сами варили этот джем?

– Наша кухарка, – кивнул дворецкий, учащенно дыша. – Мастер Родерик... Простите, молодой хозяин с самого детства его любит. Только никому бы и в голову не пришло класть в него мед. Все знают, что молодому хозяину его нельзя.

– То есть случайность исключена, – заключил инспектор. – Доктор, что произошло бы, если бы мистеру Хьюзу не оказали помощь вовремя?

– Сложно сказать. – Доктор пригладил рукой рыжеватые волосы, его конопатое лицо стало очень серьезным. – Но, судя по скорости развития аллергической реакции... Вплоть до летального исхода от отека гортани. Мистеру Хьюзу очень повезло, что у меня было при себе нужное зелье.

– Значит, в доме по-прежнему орудует отравитель? – вдруг тоненьким голоском спросила Леона. – Ну и дела!

– Ты опять говоришь! – обрадовался профессор.

Леона, морщась, потеряла горло и бросила на старую ведьму опасно-ненавидящий взгляд. Леди Присцилла лишь посмеивалась.

Инспектор вдруг хлопнул себя по коленям и поднялся.

– Кто из вас знал, – обвел он взглядом присутствующих, – об аллергии мистера Хьюза?

– Все знали, – сообщила леди Присцилла, кашлянув. – Помните, позавчера за обедом Хелен распекала нового лакея, который по ошибке

подал Родерику окорок в медово-горчичной глазури?

– Да. – Инспектор почесал переносицу. – А почему вообще к столу подали такое опасное кушанье? Мне кажется, это не в характере леди Хэлкетт-Хьюз.

– Это любимое блюдо полковника Хьюза, – отмахнулась леди Присцилла. – Окорок по этому рецепту подавали на каждом званом обеде, который устраивала Хелен.

– Благодарю за разъяснения, – церемонно ответил инспектор. – А теперь я вынужден попросить вас подвергнуться обыску.

– Опять?! – простонала Леона. – Сколько можно?

– Прошу прощения, – очень формально извинился инспектор. – Но это необходимо.

Ничего подозрительного не нашли.

Я подслушала, как инспектор с досадой сказал мистеру Гилмору:

– Должно быть, убийца заглянул в столовую заранее. Вчера вечером я снял констебля с караула, заключив, что ничего интересного тут не осталось.

– Не бери в голову, старина. – Мистер Гилмор похлопал раздосадованного инспектора по плечу. – Ты ведь не можешь приставить к Родерику Хьюзу круглосуточную охрану. Если его и впрямь собрались отправить на тот свет...

– Ты сомневаешься? – Инспектор устало вздохнул. – Нет, Чарльз. Я не верю в такие совпадения.

– Инспектор! – К нему, сердито стуча тростью, подошла леди Присцилла. – Меня не выпускает ваш констебль!

– Все верно, леди Присцилла. Это мое распоряжение.

– Вы обещали, что после ленча мы будем вольны покинуть этот дом.

– Обстоятельства изменились. – Инспектор склонил голову к плечу.

– Ничуть! – отрезала леди Присцилла. – Нам – мне и моим служащим – ничего не известно ни о каких покушениях. Если желаете, можете позже приехать и нас допросить. А сейчас или арестуйте нас, или мы едем домой!

Инспектор смерил пожилую леди задумчивым взглядом. Очевидно, в причастность леди Присциллы он не верил и ссориться с ней по пустякам не хотел.

– Хорошо, – сдался он. – Я загляну к вам завтра.

– Благодарю, – склонила голову она. – Роуз, Мэри. Мы уезжаем.

– А как же я? – возмутился Родерик, которому после волшебной микстуры стало заметно легче. – Мне нужен уход. Правда, доктор?

Доктор Пэйн промолчал, только окинул пациента не слишком благожелательным взглядом.

– Разве? – отозвалась леди Присцилла рассеянно.

– Точно! – Родерик энергично закивал, глядя на Роуз. – Без медсестры я просто не обойдусь. Так что вы, мисс Карпентер, никак не можете меня бросить.

– Не понимаю, при чем тут я? – отозвалась Роуз холодно. – За вами вполне может ухаживать кто-то другой.

На отечном лице Родерика отобразилось удивление. Кажется, он и мысли не допускал, что рыбка может сорваться с крючка. И это после утренней сцены на лестнице? Ну и ну.

– Вы же медсестра, – ухмыльнулся он. – Заботиться о больных – ваш долг.

Роуз вспыхнула.

– Я нахожусь на службе у леди Присциллы. Почему бы вам, мистер Хьюз, не попросить о помощи... скажем, леди Сибил?

Леди Сибил выразительно потерла перебинтованную лодыжку.

– Боюсь, я сама прикована к постели. Придется вам, милый Родди, обойтись горничной.

Лицо у Родерика стало таким, что Леона прыснула и заявила бестактно:

– Натянули вам нос!

Очевидно, вынужденное молчание на пользу ей не пошло.

Леди Присцилла произнесла чопорно, хотя в глазах ее плясали бесенята:

– Благодарю за теплый прием, Родерик. Полковник Хьюз. До свидания.

И мы с невыразимым облегчением покинули избранное общество.

В гостях хорошо, зато дома не подсыпят яду!

Глава 3

В «Ивах» я первым делом помчалась в сад, даже не сменив туфли. Перед отъездом я выдала садовнику подробные инструкции, но это же Джоунс! С него станется подкормить цветущие лобелии азотом или сотворить глупость еще похлеще. Ума не приложу, зачем леди Присцилла его держит! Лучше бы наняла в деревне двух-трех пареньков посмышленее для грязной работы, с остальным я бы справилась сама.

Я шла по саду, подмечая детали. После дождя кое-где размыло дорожки, следовало бы подсыпать гравия. На листочках любимого персика леди Присциллы – подозрительные дырочки. Надо бы обрызгать медным купоросом, но не повредит ли это завязям? Я остановилась у искривленных гладиолусов и досадливо цокнула языком. Просила же подвязать!

Джоунса ждала выволочка. Где он, кстати?..

После долгих поисков садовник обнаружился в дровяном сарае. Он как раз воровато огляделся и принялся раскладывать на застеленных полотном поленьях охапки трав.

– Так-так, мистер Джоунс. Что это вы делаете?

Он вздрогнул, чуть не выронив пучок мяты, отер свободную ладонь о штаны и расплылся в нервной улыбке.

– А, это вы, мисс! Да вот, травки сушу.

Нет, в преступники ему путь заказан. С таким-то выразительным лицом, на котором большими буквами написано: «Я делаю кое-что нехорошее».

Не то чтобы я была такой уж ревностной блюстительницей закона – сама не без греха, – но такое спускать нельзя. Иначе вскоре Джоунс, уверившись в своей безнаказанности, станет приторговывать луковицами редких махровых нарциссов, черенками роз, орхидеями из теплицы и бог весть чем еще.

– Вижу, – кивнула я и прислонилась плечом к дверному косяку. – Но леди Присцилла ничего не говорила о сборе трав. Пожалуй, я уточню у нее.

Я повернулась, чтобы уйти, однако держалась настороже. Вряд ли он перепугается настолько, чтобы ударить меня поленом по голове, но береженого Бог бережет.

– Мисс Райт! – вскричал Джоунс таким тоном, будто я втыкала иголки ему под ногти. – Не надо!

– Значит, – прищурилась я, – продаете на сторону?

– Да кому хуже-то? – заговорил садовник с такой горячностью, что ясно было: он повторял это себе не раз и не два. Значит, совесть все-таки мучила? – Наша леди-то все равно травки не признает. Чего ж добру пропадать?

На заднем дворе и впрямь был роскошный лекарственный огородик, однако на зиму заготавливали только мяту, цветки липы да кое-какие приправы вроде базилика и чабреца.

– Тогда почему бы вам не спросить разрешения у хозяйки?

– Ну-у-у... – Его маленькие глазки забегали. – Чего леди беспокоить-то? Она небось дама важная, занятая...

Все с ним ясно. Боялся, что леди Присцилла прикроет его лавочку. Я скрестила руки на груди.

– И кому продаете?

Он стащил кепку и принялся мять ее в руках.

– Смелее, – подбодрила я. – Должна же я узнать вашего соучастника.

– Мисс! – Джоунс от избытка чувств выронил кепку. – Да чего так-то? Чего мы плохого сделали? Ну подумаешь, не в компост я обрезанные травки покидал, а монетку заработал. Кому плохо?

– Имя, мистер Джоунс! – отчеканила я, и он сдался.

– Мисс Миллер, – выдавил он, глядя в пол.

Я чуть не упала от удивления. Рут Миллер, образец христианских добродетелей, замарана в истории с мелким воровством? Ну и ну!

Пообещав Джоунсу пока не сдавать его полиции (угроза была сказана для острастки, не более), я отправилась к леди Присцилле. У нее куда лучше получится вправить мозги садовнику, чем у местного констебля. Видела я этого раздобревшего стража порядка, курам на смех!

Леди Присцилла раскладывала карты. В домашнем клетчатом платье она выглядела не грозной волшебницей, а обычной старой

девой, каких в Альбионе множество. Только пронизательный взгляд выдавал, что леди Присцилла не так проста. Хотя старые девы тоже разные бывают.

– Бубновый валет... – бормотала она, хмурясь. – С дамой трэф указывает на неприятности, связанные с младшими родственниками. Это я и без вас знаю, мои милые!

Она раздраженно сгребла карты, сверкнув перстнем на пальце. Темный аметист в серебре, знак королевских ведьм.

Я откашлялась.

– Простите, я не помешаю?

Леди Присцилла отмахнулась.

– Ничуть, я занимаюсь ерундой. Хотите чаю?

– Не откажусь, – улыбнулась я. – По правде говоря, за ленчем мне кусок в горло не лез.

Она кивнула.

– Ничего удивительного. Бедный Родерик! Между нами, я не слишком его люблю – Хелен донельзя избаловала сына, – но теперь на него слишком много навалилось.

– Думаю, он утешится наследством, – брякнула я и прикусила язык.

Леди Присцилла расхохоталась.

– У вас острый язычок, моя милая. – Она позвонила, чтобы принесли чай, и поинтересовалась: – Так что стряслось? Что опять натворил Джоунс?

– Вы, как всегда, пронизательны, – склонила голову я.

– Нетрудно было догадаться.

Старая леди взглядом указала на мои лучшие туфли (хотя скромная черная пара без каблука такого титула, по правде говоря, не заслуживала), перепачканные землей и глиной, и забрызганные грязью чулки.

Она дождалась, пока накроют на стол, и спросила с живым любопытством:

– Что он натворил на этот раз?

Я не видела смысла приукрашивать, поэтому сказала напрямик:

– Продал ваши травы сестре викария.

Леди Присцилла округлила глаза и от души расхохоталась.

– Продал! Рут Миллер! – выговорила она сквозь смех, вытирая слезы. – Насмешили вы меня, милая.

– Не думаю, что мисс Миллер в курсе... не совсем честного происхождения этих трав, – предположила я. – Зато Джоунс точно знал, что берет чужое.

– Вы правы. – Леди Присцилла принялась наливать чай.

Я примолкла, позволяя ей священнодействовать. Немного подогреть чашки. Налить молоко – обязательно сначала молоко, а после уж чай! Взять рафинад серебряными щипцами...

– Миссис Фелтон печет удивительно вкусные сконы, с лимонным кремом особенно хорошо. Попробуйте! – Леди Присцилла была сама любезность.

– Спасибо, – сказала я, принимая чашку. – Не сочтите за дерзость, но... Зачем вы держите Джоунса?

Поначалу я допускала, что слишком к нему придираюсь. Не всем дано *чувствовать*, как нужно. Должно быть, трудно полагаться только на знания. Но у Джоунса и с ними беда. Он в лучшем случае любитель, и то не слишком умелый.

Она поерзала в кресле, устраиваясь поудобнее, и поднесла чашку к губам.

– Когда-то у меня был садовник и двое мальчиков ему в помощь, – вздохнула она, делая небольшой глоток. – Но Большая война многое изменила.

Глаза леди Присциллы словно заволкло тяжелым душным туманом. Что она вспоминала? Те годы тяжело дались Альбиону, и ведьмам пришлось сражаться на передовой. Разумеется, не с оружием в руках, но моровые проклятия убивают ничуть не хуже, так что насмотреться ведьмам наверняка пришлось всякого. Не зря ведь леди Присцилла по окончании войны ушла на покой и уехала в такую глушь. Кто знает, какие призраки приходят к ней по ночам?..

Я могла только эгоистично радоваться, что в те нелегкие времена была далеко отсюда.

В одном она права. Большой штат прислуги сейчас содержат, лишь чтобы пустить пыль в глаза. Как леди ХХХ, например.

– Теперь мало кто хочет работать в чужом доме, и трудно их за это винить. – продолжила леди, совладав с собой. – Мы с Уитсом неплохо

справлялись, а вот когда он уволился, мне пришлось туго. Нужно было найти хоть кого-то, способного отличить калибрахоа от петунии.

Я подняла брови, молча попивая чай. Невысокие же тут требования к садовникам!

– Не удивляйтесь, милая, – вздохнула леди Присцилла, деликатно хрустя печеньем. – Два года назад в Лозборо открыли филиал Королевского ботанического сада. Почти все местные, кто хоть чего-то стоил, перебрались туда. Магазины, клубы и кино на каждом углу, дома с центральным отоплением и канализацией – все те вещи, на которые сейчас так падки люди.

Я кивнула. Лозборо не назовешь большим городом, но с Дорсвудом, конечно, не сравнить.

– Неужели больше никого не нашлось?

– Почему же? Поначалу я наняла Робинсона, он куда сообразительнее Джоунса. Но у Робинсона, увы, оказалась ревнивая жена.

Я моргнула. Даже самая ревнивая жена – если она, конечно, в здравом рассудке, – не станет ревновать к восьмидесятилетней леди Присцилле. Поварихе тоже за пятьдесят, а горничная Сисси, бедняжка, страшна как смертный грех.

– Наша милая Роуз, – вздохнула леди Присцилла. – В округе полно сплетниц, и самая опасная из них – миссис Шилдс. Вы наверняка уже о ней слышали.

– Еще бы!

Миссис Шилдс, жена местного почтальона, не упускала ни единого случая сунуть нос в чужие дела.

– Кэтрин Робинсон – женщина невеликого ума, зато огненного темперамента. – Леди Присцилла провела пальцем по ободку чашки. – Глупость несусветная, но она вынудила мужа уволиться. Милая моя, я рассказываю так подробно, чтобы вы поняли, почему я согласна мириться с некоторыми... чудачествами Джоунса.

– Понимаю, – кивнула я, нехотя принимая правила игры. В конце концов, не я тут хозяйка. – Сказать Джоунсу, что вы не возражаете против продажи трав?

Все-таки досадно, что эта история так легко сойдет ему с рук.

– Э нет! – Леди Присцилла покачала узловатым пальцем и усмехнулась. – Отчитывать его смысла нет, лучше я нажалуюсь

викарию. Викарий и сестру приструнит, и Джоунсу даст укорот.

И впрямь, воровство – смертный грех, а искоренять грехи – святой долг каждого пастора. Соломоново решение!

Роуз меня откровенно избегала. Перед обедом я все-таки ее перехватила, когда она измеряла давление леди Присцилле. По-моему, пожилая леди нуждалась не столько в присмотре медсестры, сколько в компании. В этой глуши старой ведьме было смертельно скучно.

– Дорогая, можно тебя на минутку?

Я встала в дверях, перекрывая возможность ускользнуть.

Взгляд Роуз заметался, она принялась нервно одергивать муслиновые нарукавники.

– Прости, тетя Мэри, я очень занята!

Это было на редкость неубедительно. Но не успела я возразить, как леди Присцилла сказала дружелюбно:

– По-моему, мы уже закончили. Поболтайте, милые мои. До обеда как раз четверть часа.

Поднялась и вышла, оставив Роуз в моих когтях. Во всяком случае, Роуз выглядела как голубка, на которую уже пикирует коршун. Она нервно поправила косынку на белокурых локонах, расстегнула воротничок... Того и гляди, с криком бросится прочь!

Я не стала ходить вокруг да около.

– Роуз, что случилось?

– Ничего, тетя, – пробормотала она убито.

– Дорогая... – Я взяла ее за руку, но Роуз упрямо прятала взгляд. – Что с тобой? Ты как будто меня... боишься?

Она кусала губы, а я терпеливо ждала.

– Мне так стыдно! – выпалила она наконец, и голос ее дрожал от слез.

– Почему, дорогая? – Я обняла ее и погладила по спине.

– Я была такой дурочкой! – всхлипнула она.

Я вздохнула.

– Все мы иногда делаем глупости. Особенно когда речь о любви.

Спина Роуз под моей ладонью напряглась.

– Я поверила Родерику Хьюзу! Я думала, он ради меня изменится. Я... я даже позволила ему себя целовать.

Бедная моя девочка. Как по мне, Маргарет с Джорджем переусердствовали со строгостью воспитания.

– Послушай, дорогая. – Я заставила ее посмотреть на меня. – Даже если ты наделала глупостей, я все равно люблю тебя и во всем поддержу.

– Глупостей? – переспросила она, словно не понимая, о чем речь. Потом залилась краской. – О! Нет, до этого дело не дошло. Хотя Родди и...

– Склонял тебя к этому? – мягко закончила я, стараясь не показать своей ярости. Это ее только испугает.

– Да, но... Не беспокойся. – Она прикусила губу. – Я помню, что случилось с теткой Люси.

Я невесело усмехнулась. Какой отличный урок в назидание юным мисс вышел из той истории! И сказала, отводя светлые локоны с ее лба:

– Роуз, я не твой дед. И не прогнала бы тебя, даже если бы ты оступилась.

– Правда?

Она так доверчиво смотрела на меня, что я подалась вперед и поцеловала ее в лоб.

– Истинная. А теперь беги умываться и пойдем к леди Присцилле. Она нас заждалась.

Утро для меня началось на рассвете. Надо было успеть обработать сад от вредителей, пока еще не слишком жарко. Облюбовавшая розы тля раздражала хуже комариного писка, так что я уже предвкушала, как наконец от нее избавлюсь.

Я наскоро умылась, проглотила чай с печеньем и только вышла в коридор, как меня чуть не сбил с ног спешащий доктор.

– Простите, мисс Райт, – извинился он, придерживая меня за локоть. – Рано вы сегодня.

Я хотела было отшутиться, но осеклась. Погодите, а доктор-то что тут делает в такой час?

На щеке доктора Пэйна виднелась наскоро заклеенная царапина, а на подбородке остался рыжий клочок. Брился он, очевидно, второпях. Волосы явно не видели расчески со вчерашнего дня, а костюм не встречался с утюгом и того дольше.

– Леди Присцилле нездоровится? – спросила я с замиранием сердца.

Давным-давно не приходилось мне так волноваться о чужих, в сущности, людях.

– Пока точно не знаю. – Он ненавязчиво отодвинул меня с дороги. – Извините, тороплюсь.

– Да, конечно. – Я проводила его взглядом.

Желание работать испарилось быстрее утренней росы, но я нехотя поплелась в сад...

Впрочем, от хандры меня быстро исцелил Джоунс. На этот раз он все делал правильно, но так медленно, словно тотчас после завершения работы ему предстояло взойти на эшафот.

– Мистер Джоунс! – окликнула я, устав наблюдать, как он по капельке добавляет в воду бордосскую смесь и очень, очень неспешно перемешивает.

– Да, мисс Райт? – смиренно откликнулся он, не поднимая глаз.

Ручаюсь: боялся, что я замечу в них издевку.

– Чуть побыстрее, мистер Джоунс.

– Как можно, мисс Райт? – проворчал он, не ускоряясь даже на самую малость. – Я тружусь на пределе сил.

Только что слезу не пустил.

– Простите, мистер Джоунс! – сказала я и отошла в сторону.

Подгадала момент, когда садовник удивленно поднимет глаза – не такой реакции ожидал он на свой демарш, – и пробормотала, качая головой:

– Совсем сдает старик, на пенсию пора...

Джоунс мотнул головой, как ужаленный оводом конь, фыркнул – и наконец заработал впятеро быстрее. А ворчание: «Совсем с ума эта мисс сошла. Что она себе воображает, скажите на милость? Я еще о-го-го!» – я пропустила мимо ушей.

Мы почти расправились с ненавистной тлей, когда из дома выглянула горничная Сисси и замахала рукой. Подходить ближе она опасалась (и правильно делала), так что пришлось мне оставить розарий на милость Джоунса и отправиться к ней.

– Что-то стряслось? – спросила я, стягивая садовые перчатки.

Маску и очки, защищающие лицо от ядовитых брызг, я сняла еще раньше.

– Да, мисс. – Горничная торопливо сделала книксен. – Вас там полицейский спрашивает.

– Инспектор Баррет? – уточнила я, хотя вряд ли ко мне с утра пораньше заявился деревенский констебль.

– Да, мисс! – Она говорила немного в нос и вдобавок заметно косила, бедняжка. – Он спрашивал вас и мисс Карпентер, но она еще у хозяйки.

Мы наскоро обсудили здоровье леди Присциллы – горничная оказалась в курсе всех назначений врача, поскольку была у него на подхвате, – и Сисси убежала за инспектором.

Я ждала в беседке, увитой диким виноградом. Обрабатывать этот виноград от вредителей не требовалось – его и лопата-то не всегда возьмет, куда там жучкам и червячкам! Так что гулять в этой части сада можно было безбоязненно: никаких ядовитых испарений там не было.

– Доброе утро, мисс Райт, – сказал инспектор, снимая шляпу.

Сегодня его глаза – светло-серые, без малейшего оттенка зеленого или голубого – выглядели ясными, а сам он был бодр и свеж. Хотя вряд ли какое-то заурядное убийство могло испортить сон полицейского инспектора. Он и не такое видал.

– Здравствуйте, инспектор Баррет, – откликнулась я приветливо, но оставалась настороже. Что полиции от меня нужно, вдобавок так спешно? Еще ведь нет и девяти утра! – Простите за мой затрапезный вид.

Под внимательным взглядом полицейского мне стало неловко за старенькое коричневое платье, теперь изрядно помятое и «украшенное» голубыми брызгами на подоле, и за выцветшую косынку на волосах.

Инспектор сказал серьезно:

– Вы будете чудесно выглядеть даже в мешке из-под картофеля.

Это что же, комплимент? Ну и ну!

– Благодарю вас, – улыбнулась я, чувствуя себя немало польщенной. Редко кому удастся получить комплимент от полицейского при исполнении. – Присаживайтесь. Боюсь, не могу

предложить вам чаю: во время работ с ядохимикатами пить и есть запрещено.

– Ядохимикатами? – сразу насторожился он.

Я рассмеялась.

– Уверяю вас, это не цианид, не крысиный яд или что-то подобное. Всего лишь смесь извести с медным купоросом. Вряд ли кому-то удастся подмешать это в чай, но... не положено.

У него хватило совести чуть смутиться.

– Ничего такого я не подумал.

Сделаю вид, что поверила.

– Если хотите, я позже скажу Сисси, чтобы она принесла вам чаю в гостиную, – сжалась я. – Вы ведь не успели позавтракать?

– Успел. Я привык вставать в пять утра.

Я невольно посочувствовала:

– Тяжела жизнь полицейских.

Он хмыкнул и опустил на потертую скамью, сорвал резной листок дикого винограда и покрутил в пальцах.

– Просто мне в такое время лучше думается.

Страх божий, как говаривал отец. Человек, способный добровольно просыпаться в такую рань, должно быть, настоящее чудовище!

– Что привело вас в «Ивы», инспектор? – спросила я, решив сменить тему.

– Присядьте, мисс Райт.

В углубившихся морщинах вокруг его рта, в пристальном взгляде читалось нешуточное напряжение.

Мне сразу расхотелось улыбаться. Похоже, разговор ожидался неприятный.

– Не беспокойтесь, – хмыкнула я, скрестив руки на груди. – Могу вас заверить, нюхательные соли не понадобятся.

Я не стану лишаться чувств, даже если он явился сюда, чтобы арестовать Роуз. Времена, когда я была нежной и беспомощной, по счастью, давно миновали.

– Мисс Райт, – вздохнул инспектор, растирая в пальцах мятый листок. – Вы ведь узнали заколку?

Только бы голос не дрогнул.

– Заколку, инспектор? – произнесла я с тщательно отмеренным удивлением.

Он вдруг поднялся, шагнул вперед и остановился передо мной. Пахло от него табаком и крепким кофе.

– Переигрываете, – сказал полицейский тихо. – Вряд ли вы могли забыть вещь, которая едва не стоила жизни леди Сибил. И которую, я уверен, вы узнали.

Он стоял так близко, что видна была даже выпавшая ресница на его щеке.

Теперь у меня язык бы не повернулся назвать инспектора Баррета непримечательным. Хотя, кажется, он намеренно создавал именно такое впечатление. Очевидно, это помогало в его работе.

Но стоило присмотреться, и становилось понятно, что черты лица у него правильные, их немного портили лишь узкие губы да тяжеловатая нижняя челюсть. Серые глаза казались совсем бесцветными из-за контраста с загорелой кожей и каштановой шевелюрой, но взгляд был пронизательный и умный. И одет инспектор был с той неброской элегантностью, которой трудно ожидать от полицейского. Хотя вряд ли университетского приятеля мистера Гилмора – кажется, так он представил инспектора? – можно было считать типичным служителем закона. Это не деревенский бобби.

– Хотите сказать, это моя? – поразила я. – Уверю вас, она совсем не в моем стиле.

Волосы у меня едва достают плеч, так что закалывать их нет нужды. Разве что носить фероньерку или эгрет, но старой деве это не подобает. Могу представить, как потрясены были бы добропорядочные жители Дорсвуда, укрась я прическу стразами и перьями!

– Перестаньте, – попросил инспектор с досадой. – Мисс Райт, давайте начистоту. У меня есть показания экономки, которая видела эту заколку на туалетном столике вашей племянницы.

Я едва не выругалась вслух. Что, разумеется, совсем не приличествовало женщине моего возраста и положения.

Экономка, миссис Уайльд, походила на строгую гувернантку, из тех, кто увещаниям всегда предпочитал розги. Эти добротные, но поношенные платья с неизменной старомодной камеей у горла. Прическа волосок к волоску, намертво зацементированная сеткой.

Поджатые в вечном неодобрении губы и маленькие глазки, от которых не ускользнет малейшая оплошность. Вечно она шныряла и вынюхивала. Бедные, бедные горничные в доме Хьюзов!

– Не думаю, что... – начала я и осеклась, услышав тихий шорох чьих-то шагов по гравию дорожки.

Наш тет-а-тет с инспектором был нарушен.

– Инспектор? – Роуз переводила взгляд с меня на полицейского. – Что вам нужно от тети Мэри?

Не очень-то приветливо.

За ее спиной мрачно возвышался доктор Пэйн. Два часа у постели больной леди Присциллы не прибавили ему ни сил, ни доброго расположения духа.

Предупредить Роуз? Бесполезно. Она слишком прямодушна и не понимает намеков. Разве что попробовать рассмешить, чтобы она не выглядела такой маленькой и перепуганной.

– Доброе утро, дорогая. – Я поцеловала ее в щеку. – Как видишь, инспектор меня пытается!

И улыбнулась, давая понять, что это всего лишь шутка.

– Щекоткой? – округлила глаза Роуз.

– Овсянкой, – поведала я страшным шепотом и выразительно передернулась.

Инспектору, очевидно, надоело ждать. Он вытащил из кармана сверток, небрежно отодвинул меня с дороги и предъявил Роуз.

– Мисс Карпентер, – сказал он официальным тоном. – Вы узнаете эту вещь?

Роуз хлопнула ресницами, доктор издал какой-то сдавленный звук и дернулся вперед... Я только обреченно прикрыла глаза. Роуз не станет лгать, так что бесполезно противиться неизбежному.

– Конечно, это моя! – бесхитростно призналась она и попыталась взять заколку, но инспектор отдернул руку. – Точнее, мамина. Откуда она у вас?

Инспектор напружинился, как готовый к прыжку кот.

– Вчера утром, – начал он мягко, но отчего-то Роуз зябко передернула плечами, – я нашел ее на лестнице, где упала леди Сибил. Помните?

Лазурные глаза Роуз расширились.

– Нет. – Она покачала головой, отчего светлая прядь выбилась из пучка и упала на лицо. – Я не смотрела.

Доктор Пэйн свел брови на переносице, шагнул вперед и осторожно опустил ладонь на плечо Роуз. Лицо его было бледным и решительным. Зато племянница сразу вздохнула с облегчением. Она тянется к доктору, хотя вряд ли сама отдает себе в том отчет.

– Мисс Карпентер выполняла свой врачебный долг! – заявил он враждебным тоном, исподлобья глядя на инспектора. – Она дежурила рядом с больной и не глазела по сторонам.

– Вас там не было, – напомнил инспектор, склонив голову к плечу.

– Этого и не требовалось! – отрезал доктор Пэйн. Веснушки на его носу проступили ярче. – Уверен, *сестра* Карпентер, – он выделил голосом непривычное для Роуз обращение, – была занята исключительно пациенткой.

– Очень ценное наблюдение, доктор, – поблагодарил инспектор иронично. – Но, боюсь, этого недостаточно для снятия подозрений с мисс Карпентер.

– Ерунда! – не утерпела я. – Послушайте, инспектор, это ведь глупо.

– Что именно? – осведомился он сухо, и я почувствовала, что закипаю, как забытый на плите чайник.

Вот-вот начну свистеть и плевать паром.

– Использовать в преступных целях собственную вещь, которую легко могут опознать!

– Для отвода глаз? – парировал инспектор.

Нелегко, должно быть, во всем подозревать двойное дно.

– Вы и впрямь считаете Роуз настолько коварной? Да вы только взгляните на нее!

– А вы и впрямь считаете, что все пороки написаны у человека на лице? – вопросом на вопрос ответил инспектор.

– Я полагаю, – вмешался доктор твердо, – что вы клевете на порядочную девушку. Если у меня украдут револьвер и застрелят из него человека, это ведь не сделает меня убийцей?

Инспектор пристально на него посмотрел и заметил:

– Разумеется. Однако у полиции будут все основания вас допросить и выяснить степень вашей вины.

Доктор встретил завуалированную угрозу, не дрогнув.

– Мисс Карпенгер нечего скрывать.

– Уверены? – поинтересовался инспектор скептически. – Кстати, доктор. Какими судьбами вы оказались здесь в столь ранний час?

Если он намеревался смутить доктора Пэйна, то просчитался. Тот нахмурился и сунул руки в карманы.

– Меня вызвали к леди Присцилле.

– Надеюсь, с ней все в порядке? – не на шутку встревожился инспектор.

«Хоть ее не отравили?» – явно хотел сказать он.

– Вполне. – Доктор говорил резко, но уже без прежнего напряжения.

Пока инспектор не вообразил, что на леди Присциллу тоже покушались, я объяснила:

– Вчера за обедом мы все были очень голодны. Боюсь, леди Присцилла переусердствовала с пирожными.

Инспектор заметно расслабился, усмехнулся даже. Вспомнил, очевидно, вынужденную диету гостей. Сам-то он столоваться у Хьюзов не боится? Или он перебрался к мистеру Гилмору?

– Мисс! – громко позвала горничная снаружи.

Заходить в беседку она явно боялась. На мой взгляд, инспектор не слишком походил на ужасного людоеда, однако Сисси, видимо, считала иначе. Она и так робка (если не сказать, трусовата), а настоящий полицейский вовсе наводил на нее ужас.

Я вышла на порог.

– Да, Сисси?

Инспектор выглянул следом, заставив бедную горничную побледнеть и задрожать.

– Там к мисс Карпенгер пришли, – пролепетала она, теребя передник. – Джентльмен.

– Он назвался?

Горничная, не поднимая глаз, протянула белый прямоугольник визитки.

– Профессор Фаулер, – со странной интонацией прочитал инспектор, заглянув мне через плечо. – А этому что тут нужно?

Очевидно, не «что», а «кто», раз уж профессор явился к Роуз. И, будем честны, вряд ли ему срочно понадобилась медсестра.

– Пригласи профессора сюда, – попросила я Сисси, убирая визитку в карман.

Не в гостиной же его принимать, вдобавок в отсутствие хозяйки. Роуз ведь не гостья, а служащая.

– Да, мисс! – Горничная сделала книксен и убежала, а мы вернулись в беседку.

Порозовевшая Роуз сидела на скамье, теребя воротничок. Доктор Пэйн увлеченно разглядывал клумбу с другой стороны. Станный у него эстетический вкус. Чем его так привлекли отцветшие нарциссы и пожухлые тюльпаны?

Профессор Фаулер ворвался в беседку, как солнечный луч. Такой же сияющий и неотразимый.

– О! – сказал он, обнаружив вместо одной Роуз целую компанию. – Какая приятная встреча. Мисс Карпентер, мисс Райт, инспектор Баррет, доктор... Пэйн, верно? Счастлив видеть вас.

Роуз по-дружески протянула ему руку.

– Взаимно, – покривила душой я.

Особой приязни профессор у меня не вызывал. Терпеть не могу людей, которые кичатся своими энциклопедическими знаниями и не упускают случая ими щегольнуть.

«В каждой бочке затычка», – говорила о таких моя старая няня. Мама всегда отчитывала ее за простонародные выражения.

Инспектор и доктор лишь кивнули, отнесясь с новому гостю с еще меньшей сердечностью.

Впрочем, профессора это не волновало. Все свое внимание, все обаяние он обрушил на Роуз, которой принес корзину редких фруктов и чудесные орхидеи. Цветы, к слову, были в горшке – еще один плюс в копилку профессора. Роуз терпеть не могла мертвые цветы, ей было их жалко до слез. Издержки происхождения, ничего не попишешь.

– Дорогая мисс Карпентер, – говорил он, легко и словно невзначай взяв ее руки в свои. – Вы даже представить не можете, какую радость доставило мне знакомство с вами! Вы редкая девушка, такая красивая и талантливая!

Надо же, а у Хьюзов он особой склонности к Роуз не проявлял.

– Спасибо. – Она залилась краской и потупилась.

Роуз грелась в лучах красноречия профессора, млела под его пламенными взорами. Доктору оставалось лишь сжимать кулаки в

бессильном гневе.

Не зря ведь говорят, что женщина любит ушами. А профессор заливался соловьем, прекрасный и сияющий, словно какое-нибудь языческое божество. Забавные истории перемежались цветистыми комплиментами, рассказы о дальних странах – робкой надеждой, что когда-нибудь «дорогая мисс Карпентер» увидит их собственными глазами.

Атака была стремительной, как авианалет, и столь же сокрушительной. И пусть за красивыми словами была пустота, Роуз их яркость заморозила.

Всего через полчаса беседы – точнее было бы назвать это монологом – Роуз уже заморозенно смотрела на профессора Фаулера и разрешала ему звать себя по имени.

– Дорогая Роуз, – спохватился он, поднося к губам ее руку. – Как ни жаль покидать вас, но я должен.

– Еще немного... – расстроилась она.

– Дорогая, – я взяла племянницу за плечи, – у нас еще куча дел. Леди Присцилла...

Имя пациентки вырвало Роуз из транса.

– В самом деле! – пролепетала она, вскакивая. – Как я могла забыть?

Профессор немедленно высказался в духе, что красивой девушке позволительна некоторая забывчивость, а сам он в присутствии Роуз не вспоминает ни о чем. Роуз краснела и трепетала ресницами, бессознательно, но упоенно флиртуя.

– Окажите мне честь, – сказал профессор на прощанье, – согласитесь на небольшую прогулку. Я узнал, что тут неподалеку есть древний холм фэйри. Так, ничего особенного, он давно разграблен. И все же вам может быть любопытно.

Роуз, чистая душа, захлопала в ладоши. Но после моего неодобрительного покашливания тут же сникла.

– Боюсь, я не...

Профессор не дал ей договорить. Схватил за руки, нежно пожал и заверил горячо:

– Вам не о чем волноваться! Моя сестра отправится с нами, так что все будет очень прилично. Если хотите, можем взять вашу тетю.

Последнее было предложено без особого энтузиазма.

– У меня слишком много работы, – сдержанно отказалась я. – Но ты, дорогая, можешь идти, если хочешь.

– Сегодня в два пополудни. Мы как раз успеем вернуться к пятичасовому чаю. Молю вас, дорогая Роуз, не отказывайтесь! Скажите «да».

Прозвучало с таким жаром, словно он уже сложил к ногам Роуз свои руку, сердце и кошелек в придачу.

– Д-да, конечно, – согласилась она с запинкой и опустила долу заблестевшие глазки.

А я перехватила устремленный на Роуз горький взгляд доктора Пэйна. Так-так-так!

Доктор тут же отвернулся, с преувеличенным энтузиазмом изучая все ту же чахлую клумбу (сегодня же выкопаю эти тюльпаны!).

– Ваша племянница пользуется популярностью, – прошептал мне на ухо инспектор Баррет, который, разумеется, тоже все заметил.

Я промолчала. Что тут скажешь?

Роуз упорхнула провожать новоявленного поклонника, доктор поплелся за ними.

Инспектор проводил их взглядом и прокомментировал не очень-то одобрительно:

– Чертовски обаятельный тип!

Леди Присцилла возлежала на подушках, а шелковое одеяло было откинута к ногам. Вид у старой дамы был если не цветущий, то вполне жизнерадостный, разве что желтоватый цвет кожи подкачал. Морщинистое лицо обрамлял белоснежный кружевной чепец – где только откопали этот раритет? На плечах поверх ночной сорочки накинута нежнейшая пуховая шаль. На коленях – неоконченное вязание. Словно не грозная ведьма, повелевающая призраками, а чья-нибудь милейшая старая тетушка.

Если подумать, это напоминало сказку о Красной Шапочке. Там тоже под видом милой бабушки прятался кровожадный волк.

Когда я вошла, леди Присцилла как раз поставила на колени поднос с завтраком, подняла с тарелки серебряную крышку...

– Фу! – хором сказали мы.

Старая дама, забыв о подобающей леди сдержанности, скривилась и тронула склизкую разваренную массу кончиком ложки. Выражение

лица у нее было как у принца, которого принуждают целовать жабу.

– А я-то думала, что давно миновали дни, когда мне приходилось глотать червяков, – проворчала она, переставляя поднос на прикроватный столик. – Садитесь уже.

– Тяжелые были времена? – посочувствовала я, присев на придвинутый к постели стул.

Не знала, что ей доводилось голодать.

– Магия, – поморщилась леди Присцилла, машинально крутя на пальце ведьминское кольцо. – У некоторых ритуалов, знаете ли, весьма странные условия.

– Жалеете? – спросила я и спохватилась: – Простите. Это не мое дело.

Взгляд темных пронизательных глаз остановился на мне.

– Милая моя, это как жалеть, что у тебя две руки или черные волосы. Но избавиться от всех этих ограничений хоть на старости лет – большое облегчение.

Интересно, почему леди Присцилла провела на службе короне не положенные законом десять лет, а полвека или даже больше?

– Зато вам не пришлось бы глотать пилюли и микстуры. – Я кивнула на батарею баночек на столе. – Вы могли бы сами приготовить зелье.

Леди Присцилла от души рассмеялась и потрепала меня по руке, как маленькую.

– Милая моя, я не тороплюсь на тот свет. Мои таланты в зельеварении... Короче говоря, я умею варить только страшные яды. Но об этом – молчок!

И подмигнула мне.

Сдается, она меня разыгрывала.

Леди Присцилла поняла мое недоверие, вздохнула и покачала головой.

– Вы отлично разбираетесь в цветах, ведь так?

– Неплохо, – уточнила я осторожно.

– А если бы я предложила вам вырастить... ну, скажем, кроликов?

От неожиданности я рассмеялась.

– Кроликов?

– Кроликов, – подтвердила она серьезно. – Или коров. Сумели бы вы подоить корову, как миссис Порридж или мисс Карвел? Коровы

ведь тоже живые, ничуть не хуже лютиков или маргариток.

Леди Присцилла выждала немного, давая мне представить это в красках, и продолжила серьезно:

– Я сумею расспросить дух шпиона, наслать мор или отравить колودцы во всей округе, если на то будет королевская воля, но целительство... Тут я бессильна. Даже с банальным насморком не совладаю.

– Все-все! – подняла руки я. – Сдаюсь. Раздобыть вам бульона?

– Вы необыкновенно добры, моя милая! – сказала она с чувством.

После бульона с ржаным сухариком леди Присцилла пришла в благодушное настроение и с моим предложением согласилась тут же.

Лишь величественно махнула рукой:

– Если вы считаете, что так будет лучше, – действуйте!

– Я могу сходить в деревню прямо сегодня, – предложила я, решив ковать железо, пока горячо. – И прихватить Роуз с собой...

Леди Присцилла тут же выразила живейшую поддержку. Нетрудно ведь догадаться, чьей идеей было пичкать ее овсянкой!

Роуз, милостиво отпущенная до конца дня, поначалу не слишком обрадовалась неожиданному выходному.

– Вдруг леди Присцилле станет плохо? – упиралась она.

– За ней присмотрит Сисси. Верно?

Горничная с энтузиазмом закивала. К леди Присцилле она относилась с почти собачьей преданностью и была только рада возможности подежурить у ее постели.

– Доктор сказал, что с леди Присциллой уже все хорошо, – зашла я с другой стороны. – Ведь так?

– Да, но...

– Теперь ей нужен только покой. Так что не упрямясь и надевай шляпку. Твоей старой тетушке нужна помощь.

Может, покряхтеть для достоверности? Увы, до ревматизма мне еще лет двадцать, никак не меньше.

– Скажешь тоже, – надула губы Роуз, но покорно поплелась переодеваться.

Впрочем, стоило нам выйти за ворота «Ив», как она повеселела и залюбовалась полевыми цветами. Дорога шла вдоль фермерских земель, так что маргаритки росли на обочине в изобилии.

Я некоторое время задумчиво смотрела на Роуз, которая явно уклонялась от неизбежного разговора по душам. Бойтесь, что я стану подтрунивать над ее новой сердечной склонностью? Вот еще! Я не настолько глупа, чтобы так откровенно настроить Роуз против себя.

Поэтому заговорила я совсем о другом:

– Знаешь, дорогая, ты права.

Роуз вздрогнула и обернулась.

– В чем, тетя?

– Я тоже очень волнуюсь о леди Присцилле, – сказала я, приняв самый хмурый вид, на который была способна в этот солнечный день. – По-моему, она слишком часто болеет.

Роуз широко раскрыла глаза.

– Что ты хочешь сказать?

Я поджала губы и запустила пробный шар:

– Этот доктор Пэйн... Признаюсь, он не внушает мне доверия. Быть может, стоит пригласить другого врача?

– Что? – встрепенулась Роуз, становясь похожей на кошку, защищающую котенка. – Тетя Мэри, что за глупости? Кто тебе такого наговорил? Доктор Пэйн – компетентный и опытный врач!

– Я слышала, у него не очень-то обширная практика, – заметила я с сомнением. – Очевидно, пациенты не слишком ему доверяют.

Никогда не была хорошей актрисой, но Роуз в своей неиспорченности приняла любительский спектакль за чистую монету.

Она густо покраснела от негодования, трогательно сжала кулачки и приподнялась на цыпочки.

– Это потому, что он еще молод! И к тому же приезжий, понимаешь? Тут все считают, что врач должен знать пациентов с пеленок. Меня ведь тоже всерьез не воспринимают! Хотя я – дипломированная медицинская сестра. Но доктора Пэйна еще оценят по достоинству, я уверена!

Эту тираду она выдала на одном дыхании. Это обнадеживало. Если Роуз с таким жаром его защищает, то он явно ей не безразличен.

Я изобразила колебания.

– Согласна, в Дорсвуде не доверяют чужакам. Значит, доктор Пэйн тебе нравится?

– Он замечательный человек и мой очень хороший друг! – заверила она серьезно.

Бедный, бедный доктор...

До Дорсвуда оставалось минут пять ходьбы, когда навстречу из-за поворота вырuling большой автомобиль, блестящий на солнце хромом и черным лаком. Водитель громко просигналил, и авто с шумом затормозило посреди дороги. Миновать его пришлось бы прямо по фермерскому полю.

За рулем был мистер Гилмор собственной персоной, который тут же выскочил на дорогу. Я отвернулась, пряча усмешку. Его тюрбан и бархатный сюртук забавно диссонировали с грубыми водительскими перчатками и круглыми темными очками. Впрочем, очки он тут же снял и бросил на сиденье.

– Мисс Райт, какая встреча! – ослепительно улыбнулся мистер Гилмор, демонстрируя очень белые зубы, и спохватился: – Мисс Карпентер, рад вас видеть.

Роуз кивнула, настороженно глядя на него. Маленькая темно-синяя шляпка с букетиком незабудок шла ей необыкновенно, Роуз выглядела трогательно юной и ослепительно красивой.

И все же мистер Гилмор на нее едва взглянул. Он смотрел только на меня.

– Вы в Дорсвуд? – поинтересовался он так, словно это была не деревенская дорога, а перекресток на большом шоссе.

– Да, – ответила я односложно.

Улыбка мистера Гилмора стала еще шире.

– Позвольте вас подвезти? – Он галантно открыл дверцу.

Роуз распахнула глаза и умоляюще взглянула на меня. Едва ли ей доводилось ездить в таких шикарных авто.

– Вряд ли это будет прилично, – заметила я тоном прожженной старой девы.

Он заразительно рассмеялся.

– Вашей сияющей репутации, мисс Райт, не повредит маленькое пятнышко. Садитесь же!

Мистер Гилмор усадил меня рядом с собой, а Роуз позади. И эта юная хитрюга – зря, зря я считала ее милой и неискушенной! – даже не пискнула.

Конечно же в деревню мы поехали не сразу. Мистер Гилмор вздумал по дороге заскочить на ферму в двух милях от Дорсвуда,

потом решил показать нам живописное озерцо, после предложил провести экскурсию в местной церкви.

– В другой раз, – сказала я, оборвав его цветистый рассказ о прелестях милого славного Дорсвуда. – Боюсь, мы спешим.

– Куда же? – Он лихо вырулил на тисовую аллею, о которой ходила легенда, будто посажена она триста лет назад. Еще одна местная достопримечательность.

– Хотим нанять помощника садовника, – призналась я, решив не делать из этого тайны.

– Старикан Джоунс начал сдавать? – хмыкнул мистер Гилмор, покосившись на меня.

Надо же, он в курсе таких деталей? Интересуется делами леди Присциллы или... моими? В последнее, будем честны, не очень-то верилось.

Я кивнула, состроив приличествующую случаю скорбную гримасу. Джоунс сам вложил в мои руки оружие против себя.

– Удачи, – пожелал мистер Гилмор. Держался он просто и располагающе. – Советую заглянуть на почту, объявления о вакансиях обычно оставляют там.

– Спасибо за совет. – Я обеими руками придержала шляпку, которая норовила улететь.

Он не угомонился.

– Вы, наверное, хотите что-то еще разузнать? Могу я вам помочь?

– Не понимаю, о чем вы.

– Я слышал, вы проводите собственное расследование?

Роуз тихонько вскрикнула.

– Ерунда, – отозвалась я холодно. – Кто вам сказал такую глупость?

– Да так, слухи ходят, – отозвался он неопределенно. – Говорят, вы сумели разговорить прислугу Хьюзов...

– Не повторяйте глупостей. Я случайно кое-что узнала и поделилась с инспектором, не более того.

Улыбка мистера Гилмора стала лукавой.

– Неужели вы не попытаетесь продолжить? Не верю!

– Это работа полиции, – заметила я сухо.

Хотя вряд ли мне удастся остаться в стороне. Похоже, кто-то всерьез надумал свалить вину на Роуз. Выходка с заколкой совсем не

походила на случайность. Но я не была расположена обсуждать это с мистером Гилмором. Откуда мне знать, что убийца не он?

– Полиция связана по рукам и ногам, – пожал плечами он, глядя на дорогу. – В отличие от частных лиц. Дело слишком громкое, власти вынуждены проявлять осторожность. Зато мы с вами можем выяснить что-нибудь важное. Что-нибудь, что поможет вашей племяннице.

– Я очень ценю ваше предложение, хотя вряд ли им воспользуюсь.

Мистер Гилмор молчал, пока не затормозил рядом с приземистым домиком, над входом в который висела недавно обновленная вывеска «Почта».

Не торопясь открывать дверцу, он повернулся ко мне. Смуглое лицо было серьезно, а рубин в тюрбане казался сгустком крови.

– И все-таки хорошенько подумайте, мисс Райт. Я могу быть вам полезен.

Его непонятная настойчивость начала меня раздражать. К тому же такое роскошное авто на деревенской улице привлекало массу нежелательного внимания. Еще бы, самый завидный холостяк в округе катает старую деву! Прекрасный повод почесать языки.

– Если вам вдруг захотелось поиграть в расследование, то у вас под рукой настоящий инспектор.

– О... – Чарльз Гилмор сардонически улыбнулся. – Старина Баррет, конечно, превосходный полицейский. Настолько превосходный, что ему ни к чему свой собственный Ватсон. А мне, знаете ли, любопытно.

Неужели он один из светских бездельников, готовых на все, чтобы не свихнуться со скуки? Безумные пари, гонки и вечеринки до утра?

– Я не претендую на лавры Холмса. По правде говоря, я вообще ничего в этом не смыслю.

– В дилетантском расследовании есть свое очарование. Особенно когда его проводит такая прелестная сыщица! Разве я могу устоять?

Он взял мою руку и поднес к губам, не отрывая от меня взгляда.

За кого он меня держит? За деревенскую простушку, которая растает от пары-тройки комплиментов?

– Буду иметь в виду, – ответила я прохладно.

Мистер Гилмор усмехнулся.

– Вы говорите, как хозяйка, которая жалеет, что напрасно открыла дверь коммивояжеру. Что же, воля ваша. Может, тогда вы согласитесь

прокатиться со мной в Лозборо? Скажем, в конце недели? Мы могли бы сходить в кино, пообедать и потанцевать. Никакого риска, никаких убийств, заверяю вас.

Роуз, кажется, старалась даже не дышать.

На какое-то мгновение мне захотелось сдаться. Слишком долго моя жизнь была посвящена долгу и унылому труду ради пропитания. Слишком мало в ней осталось веселья и радости. Если бы только он не дружил с инспектором Барретом!

– Боюсь, я не... – начала я.

Мистер Гилмор поднял руку.

– Нет-нет, отказа я не приму. В воскресенье у меня день рождения. Кстати, вы обе приглашены на вечеринку. Ваше согласие было бы чудесным подарком.

– Хорошо, – нехотя сказала я.

Он так ловко загнал меня в угол, что я поневоле восхитилась, с каким непринужденным изяществом это было проделано.

Мистер Гилмор рассыпался в изъявлениях восторга и наконец помог нам с Роуз выйти. Не сомневаюсь: к этому моменту на нас глазела чуть ли не половина жителей Дорсвуда. И более чем уверена, что завтра же по всей округе разнесется сплетня о нашем романе.

Сплетни в деревне – такая же часть ежедневного рациона, как чай... или овсянка, будь она неладна.

Роскошный автомобиль укатил, а мы с Роуз остались под перекрестьем взглядов.

– Мы собирались заглянуть в бакалею, – первой сориентировалась Роуз и потянула меня за рукав.

Ничего подобного, зато отступление в магазин не выглядело бегством.

Бакалею мистера Армитаджа правильнее было бы назвать универсальным магазином. Здесь продавались все необходимые хозяйственные мелочи, от прищепок до лопат, кое-какие сезонные овощи и фрукты, домашние консервы, даже немудреная детская одежда, пошитая или связанная миссис Армитадж. Купив совершенно не нужные мне носовые платки и зубной порошок, мы прихватили к тому же каталог семян Ходжеса (отказаться не было никакой возможности, хотя семена леди Присцилла всегда заказывала только у мистера Смита) и вышли на улицу.

Зеваки уже рассосались. Впрочем, увиденного им хватит, чтобы упоенно перебивать нам косточки ближайшую неделю. Хорошенького понемножку.

– Тетя, нам не сюда. – Роуз вдруг взяла меня под руку и решительным шагом пересекла улицу.

– Куда мы идем? – поинтересовалась я, едва успевая за ее легким шагом.

– К портнихе! – заявила Роуз твердо. – Тебе срочно нужно новое платье или даже два.

От неожиданности я онемела, а Роуз, приняв это за одобрение, продолжила увереннее:

– Хорошую шляпку тут, правда, не купишь. Зато шьет миссис Боллитл неплохо. Недавно миссис Армидадж заказала у нее летнее платье из крепдешина, с оборочками и треугольным вырезом. За тканью, правда, пришлось ехать в Лозборо, зато...

– Дорогая, не тарахти, – попросила я и выдернула локоть из ее цепких пальцев, хотя это оказалось не так-то просто. С виду Роуз хрупкая, щелчком перешибешь, а хватка, как у мясника. – Зачем мне новое платье? У меня есть два, которые вполне подойдут.

Племянница нахмурила светлые брови.

– Этот коричневый и серый кошмар? Для свидания?!

Она неосмотрительно повысила голос, и из почты выглянула какая-то очень румяная дама.

– Не обсуждается, – сказала я спокойно. – Роуз, это уж слишком.

Она встрепенулась... и поникла, как увядший цветок.

– Хорошо, – сказала она голосом пай-девочки. Как будто клялась, что не таскала конфеты из буфета. – Тогда пойдем, я закажу что-нибудь себе.

– Отличная идея, – одобрила я, делая вид, что не заметила хитрого блеска в ее глазах. – Ты молода, тебе нужны красивые наряды.

– Тетя, – нахмурилась Роуз. – Перестань! Ты ведь не настолько...

Она смутилась и умолкла.

– Стара, ты хотела сказать? – Я печально улыбнулась. – Дорогая, перестань. Мне в твои годы сорокалетние тоже казались древними развалинами.

– Я хотела сказать, – Роуз упрямо встряхнула светлыми кудряшками, – что тебе же не восемьдесят три, как леди Присцилле!

Почему тогда ты ведешь себя так, будто... будто тебе вот-вот на кладбище?!

На это у меня не было ответа. Во всяком случае, такого, который она бы поняла.

– Роуз, послушай... – Я старалась говорить тихо и мягко. – Я не стану наряжаться, потому что... это все ничего не значит. Поверь, дорогая, он ничуть мною не увлечен. Думаю, инспектор попросил мистера Гилмора за мной присмотреть. А сделать это легче, притворившись, что он втюрился в меня по уши.

И усмехнулась, вообразив, в каком ужасе была бы мама, услышав от меня простонародные словечки. Она была леди, дочерью баронета, и за папу вышла против воли семьи. Ее родные так и не смирились с поспешным браком, а мама не смирилась с тем, что отныне ей приходилось жить в стесненных обстоятельствах и общаться с людьми, далекими от ее прежнего круга.

– О, – сказала Роуз, и лицо у нее потускнело, как у обиженного ребенка. – Нет, я не верю. Он ведь джентльмен!

Я едва удержалась от напоминания, что Родерик Хьюз тоже джентльмен, что не помешало ему играть в любовь с хорошенькой медсестрой.

Роуз прикусила розовую губку и заявила упрямо:

– Мистер Гилмор совсем не такой.

– Откуда тебе знать? – Она молчала, и я рассмеялась: – Надеюсь, ты не успела вообразить свадебные колокола?

Судя по тому, как густо Роуз покраснела, мысленно она уже выбрала церковь и платье для невесты, а заодно составила подробное меню для свадебного завтрака.

Я обняла ее за плечи и добавила мягко:

– Дорогая, это ведь я – старая тетушка, помнишь? Это я должна переживать о твоём личном счастье, а не наоборот!

Роуз не уgomонилась, пока я не заказала целых три платья. Отбиться удалось только от рюшей, бантов и стекляруса, совершенно неуместных в моем возрасте и положении. Ладно еще быть старой девой, но старой девой, страдающей отсутствием вкуса? Увольте!

– Тетя Мэри, тебе нужен новый гардероб! – заявила она, едва мы вырвались на улицу из захламленной гостиной, которая служила

портнихе кабинетом.

– Глупости, – парировала я легко. – У меня есть все необходимое.

Даже в избытке, если вспомнить времена, когда я довольствовалась двумя платьями, шалью и носовым платком.

– Но твои платья ужасны! – воскликнула она, не сдержавшись, и вновь густо покраснела. Саму Роуз ужасно раздражало, как легко она заливалась краской, зато меня умиляло. Как быстро это проходит! – Прости, но это правда.

Я знаю, знаю. Сама такие выбирала.

– Роуз, дорогая...

– Я оплачу счет, – сказала она поспешно и нервно одернула юбку. – Тетя Мэри, я же не оказалась в приюте только благодаря тебе. Позволь мне хоть немного отблагодарить за твою доброту.

– Глупости. – Я похлопала ее по руке. – Ты ничего мне не должна. Я делала это в память о сестре.

Небольшая ложь во благо.

Роуз не успокоилась, но наконец сообразила, что не стоит обсуждать семейные дела на деревенской улице. И мы наконец отправились на почту.

Заправляла там похожая на мышку миссис Шилдс. У нее были маленькое острое личико, круглые глазки и тонкий нос, которым она имела привычку шмыгать. Компанию миссис Шилдс составляли две милые пожилые леди: одна невысокая и изящная, похожая на фарфоровую статуэтку, зато вторая обладала громовым голосом, красным лицом и сложением валькирии. Миссис Брэнт и мисс Смит, как шепотом пояснила мне Роуз.

– Здравствуйте, – приветливо сказала я и направилась напрямик к витрине с открытками.

Выбор был невелик, но я старалась продемонстрировать, что покорена идиллическими видами на поля, развалины средневекового замка и кафедральный собор в Лозборо.

– Как красиво, – восторгалась я, проводя пальцем по колокольне с почерневшими от времени колоколами. – Такое старинное сооружение! Должно быть, туда приезжает много людей.

– Боюсь, не так много, – тихо возразила миссис Брэнт. – В Альбионе немало подобных мест.

– Да наша деревенская церковь не хуже! – так громко заявила мисс Смит, что викарий в той самой церкви наверняка расслышал. И признала нехотя: – Только она, конечно, нуждается в ремонте.

– И будет нуждаться еще двадцать лет, – хихикнула миссис Шилдс, и кончик ее носа покраснел. – Сомневаюсь, что наш дорогой викарий найдет нужную сумму. Между нами говоря, он уже лет пять не может ее собрать.

– Разве вы не слышали? – округлила глаза миссис Брэнт, в волнении так сжав совершенно не нужный ей этим погожим днем зонтик, что он затрещал. – Наш дорогой викарий Миллер получил наследство! Леди Хэлкетт-Хьюз...

– Бедная, бедная леди! – запричитала миссис Шилдс, недобро щурясь. Очевидно, ей не понравилось, что подруга успела раздобыть новость первой.

Миссис Брэнт пропустила это мимо ушей. Глаза у нее блестели, лицо разрумянилось от удовольствия.

– Так вот! – подняла пальчик она. – Мне достоверно известно, что леди Хэлкетт-Хьюз оставила викарию десять тысяч!

Сумму она, к слову, зависила вдвое. Ради пущего эффекта? Думаю, через несколько дней сумма наследства дорастет тысяч до тридцати, а там и до пятидесяти.

Дамы ахнули, а мисс Смит извлекла носовой платок и трубно высморкалась.

Роуз молчала, будто воды в рот набрав. Надеюсь, дамы не вспомнят, что мы с ней присутствовали при оглашении завещания, иначе нам несдобровать. Впрочем, им и без того хватало, что обсудить.

– Как ему повезло, – пробормотала миссис Шилдс, облизнув губы, похоже никогда не знавшие помады.

– Повезло всему Дорсвуду, – заметила миссис Брэнт рассудительно. – Теперь к нам тоже будут приезжать туристы.

– Не теперь, – поправила миссис Шилдс, зачем-то выравнивая газеты на витрине, – а когда сделают ремонт.

Мисс Смит кивнула со значением и заявила, тщетно пытаясь понизить голос:

– Я, конечно, не хочу сказать ничего плохого о викарии... Но знаете, у меня была одна знакомая... Она якобы собирала пожертвования в пользу ветеранов, а на самом деле...

– На самом деле?.. – повторила миссис Шилдс нетерпеливо.

– Присваивала! – Мисс Смит убрала платок и припечатала: – Воровка!

– Не хотите же вы сказать, – прошептала миссис Брэнт, качая головой, – что викарий Миллер...

– Нет-нет, что вы! – замахала руками мисс Смит. – Просто вспомнилось.

И дамы со значением переглянулись. М-да, нелегко будет бедному викарию доказать, что он потратил на ремонт все до последнего пенни.

Я негромко откашлялась.

– Простите. Я бы хотела купить вот это. – Я выложила на стойку дюжину ненужных мне открыток с местными видами, присовокупив несколько газет. – И будьте любезны, подскажите. Мне нужно нанять помощника садовника... Можно совсем неопытного.

– В «Ивы»? – быстро спросила миссис Шилдс. – До войны там работало три садовника, но теперь, конечно, такого никто не может себе позволить.

Дамы вновь переглянулись.

– Ну, не знаю... – протянула мисс Смит. – Может, Дерек Джонс?

– Да что вы! – замахала на нее руками миссис Шилдс. – У него же невеста.

Она осеклась и стрельнула глазами в Роуз.

– Младший Билли Стивенс? – предложила миссис Брэнт.

– Да у него же руки-крюки! – возразила миссис Шилдс.

Закипел спор.

Примерно через десять минут я поняла природу затруднений леди Присциллы. Более-менее толковых – и молодых – помощников решительно отвергали, поскольку у них имелись жены или хотя бы невесты. Понять не могу, почему все три дамы были уверены, что беднягу немедленно собьют с пути истинного? Остальные кандидатуры годились только для перекопки земли и переноса тяжестей, а это совсем не то, что я искала.

В конце концов я оставила объявление (их размещали тут же, на специальной доске), после чего мы с Роуз поспешили сбежать. Жаль, недостаточно проворно.

Из незакрытого окна на нас выплеснулось, как ведро помоев:

– Говорят, Родерик Хьюз ее бросил! Хотя она так, прости господи, хвостом перед ним крутила, что смотреть стыдно.

– И не говорите, моя дорогая. И она еще называет себя медсестрой! Курам на смех.

– А я слышала, это она убила бедную леди...

Надо держать себя в руках. Ради Роуз, на глазах у которой выступили злые слезы. Вдох-выдох. Вдох-выдох.

Я лучезарно – надеюсь! – улыбнулась и взяла племянницу под руку.

– Дорогая, – сказала я громко, чтобы сплетницам было хорошо слышно. – Ты не знаешь, во сколько отходит автобус в Лозборо? Думаю, самое время купить новые платья и шляпки для приема у мистера Гилмора.

Позади на три голоса ахнули, а Роуз слабо улыбнулась и сказала звонко:

– Зачем нам автобус, тетя? Мистер Гилмор охотно нас отвезет, он сам говорил.

– Распутницы! – придушенно взвыла миссис Шилдс.

Остальные завистливо молчали.

Обратно мы добрались куда быстрее, потому что Роуз не останавливалась понюхать цветочки и восхититься видом. Губы ее были напряженно сжаты, меж бровей залегла морщинка, а туфли вздымали облачка пыли.

Я остыла быстрей, с годами я стала отходчивой. Какой смысл злиться на безголовых болтушек? Вот яду бы им подсыпать... Но увы.

– Схожу к леди Присцилле! – бросила Роуз на ходу и взлетела по лестнице, едва не сбив с ног вышедшую ей навстречу Сисси.

– Мисс! – ахнула горничная и прижала ладонь к груди. – Как вы меня напугали.

Роуз даже не извинилась, спросила отрывисто:

– Как леди Присцилла?

– Все благополучно, – ответила Сисси, пытаясь отдышаться.

Роуз кивнула и зашагала дальше.

– Мисс! – окликнула горничная. – Вам письмо. И вам тоже, мисс Райт.

– Письмо? – удивилась Роуз. – Интересно, от кого?

– Я сейчас принесу! – пообещала Сисси и исчезла.

Оказалось, что мне пришло целых четыре письма. Я даже немного растерялась. Долгие годы почти никакой корреспонденции, разве что от Роуз, и вдруг – такое изобилие!

Первое, с запоздалыми соболезнованиями, пришло от старой подруги матери, лишь сейчас узнавшей о постигших нашу семью потерях. Собственно, от семьи остались лишь мы с Роуз и – номинально – Люси Райт.

Второе, без марок и почтовых штемпелей, было письменным приглашением от мистера Гилмора на две персоны.

Третье, сложенный вдвое листок без конверта, оказалось коротенькой запиской от Рут Миллер, которая в самых вежливых выражениях просила зайти к ней в любое время для обсуждения досадного инцидента с покупкой трав. Очевидно, попытается как-то все уладить.

Четвертое заставило мое сердце забиться чаще. Патрик Галлахер! Вскрывать конверт я не стала, сделала самый незаинтересованный вид и убрала в карман. Только бы Роуз не пристала с расспросами.

Она ничего не заметила. Подозреваю, она не заметила бы даже, выстрели я ей над ухом. Роуз таращилась на бумажку в своей руке, по которой вкривь и вкось плясали вырезанные из газеты слова: «Это сделала ты! Я знаю!»

Я отобрала у нее эту писульку, взглянула на конверт. Без марок и, конечно, без обратного адреса. Только имя, составленное из тех же печатных букв.

Роуз мелко дрожала, лицо у нее было смертельно бледно.

– Дорогая... – Я обняла ее за плечи, а Роуз вдруг, будто опомнившись, стала яростно вытирать ладонь о юбку.

– Тетя, что это? Зачем?

Голос ее дрожал.

– Просто дурацкая шутка, дорогая. Тебе нужно отдохнуть и выпить чаю. Пойди приляг, я сама приготовлю тебе чашечку.

Она машинально кивнула, сделала шаг – и встрепенулась.

– Но я не могу! Скоро придет профессор Фаулер.

При этом имени ее бледные щеки окрасились легким румянцем.

– Дорогая, не думаю, что это разумно. Так скоро после разрыва помолвки с мистером Хьюзом...

Роуз вздрогнула. Мы обе знали, что не было никакой помолвки.

Я добавила ей на ухо:

– Не надо давать повода для сплетен.

Она стиснула пальцы.

– Я не делала ничего плохого!

Я вздохнула. Какое же она еще наивное дитя.

– Дорогая, пусть страсти поулягутся. Повремени немного.

Напиши ему и попроси отложить прогулку, хорошо?

– А вдруг он больше меня не пригласит?

– Если чувства профессора искренни, то он непременно дождетя.

Роуз непокорно вздернула голову. На ее милом личике отразилось прямо-таки ослиное упрямство.

– Я буду делать, что хочу! И пусть хоть мозоли на языках натрут.

Только этого не хватало.

– Дорогая, не стоит ссориться с соседями...

Ее голубые глаза сверкнули.

– Они не всегда будут моими соседями. О, тетя, как же мне хочется отсюда уехать!

Роуз еще предстояло уяснить, что люди везде одинаковы. Даже в пустыне от них не скрыться – там непременно окажутся какие-нибудь бедуины или археологи. Так что нет никакого смысла убегать.

– Дорогая, не ты ли совсем недавно живописала мне прелести Дорсвуда? И потом, тебе некуда ехать.

– Зато профессор Фаулер много путешествует! Я могла бы отправиться с ним.

«В качестве кого?» – едва не спросила я, но вовремя прикусила язык. Надеюсь, после истории с Родериком Хьюзом Роуз будет осторожнее. Однако ее решимость меня испугала. Сгоряча Роуз может натворить глупостей, о которых будет потом жалеть.

На все попытки ее вразумить – о, очень мягкие! – она только непреклонно сжимала губы. Не вовремя же ей вздумалось проявить характер! Пришлось отступить. Роуз отправилась навещать леди Присциллу, а я в задумчивости вышла в сад.

Джоунс, не зная о моих планах приставить к нему помощника (и будущего преемника, но об этом умолчим), стриг газон, напевая что-то легкомысленное о милой Энн и дюжине поцелуев на завтрак. В его-то почтенном возрасте!

При виде меня он приосанился и отрапортовал:

– Деревья побрызгал, тюльпаны выкопал, с газоном до вечера управляюсь.

Сразу бы так.

– Превосходно, – одобрила я, сорвала веточку бархатцев и понюхала.

Оранжевые головки цветов пахли остро,пряно. Солнце светило в глаза. И я вдруг совершенно успокоилась. Если Роуз не желает слушать доводов рассудка, то... остается апеллировать к чувствам!

К ленчу я спустилась, как говаривала няня, краше в гроб кладут. Лицо бледное в синеву, движения нетвердые, под глазами чернота. Частое поверхностное дыхание вырывалось из пересохших губ.

Этот прием я позаимствовала у тетушки Пруденс, которая таким нехитрым способом долгие годы тиранила свою дочь. Правда, тетушка Пруденс еще широко использовала слезы и упреки, но я, смею надеяться, умнее.

– Приятного аппетита, – тихим голосом пожелала я и налила себе чаю, изрядно пролив его на скатерть. Слишком дрожали руки.

Не заметить пугающих симптомов медсестра, пусть даже неопытная, не могла.

– Тетя, что с тобой?! – Роуз вскочила и бросилась ко мне.

– Ничего страшного, – слабо улыбнулась я, потирая грудь. – Немного полежу, все пройдет.

– Почему ты не сказала, что больна? – наседала Роуз, лихорадочно пытаюсь нащупать пульс.

От волнения это получалось не очень-то ловко. Роуз полуприкрыла глаза и считала шепотом:

– Восемьдесят три... восемьдесят четыре...

– Ерунда, – отмахнулась я, но пошатнулась, так что пришлось ухватиться за стол.

– Какая же это ерунда, если у тебя пульс... сто сорок восемь! Тетя Мэри, тебе нужно сейчас же лечь в постель! Я позвоню доктору Пэйну, а потом приду к тебе.

– Дорогая, перестань суетиться, – попросила я слабым голосом, с трудом поднимаясь на ноги. Роуз бросилась меня поддержать. – Я сама дойду, не беспокойся.

Роуз крепко обхватила меня за талию и перекинула мою руку себе через плечо.

– А вдруг ты упадешь на лестнице? Я помогу, и не спорь!

– Тебе пора собираться, скоро приедет профессор.

Роуз прикусила губу и мотнула головой.

– Профессор примет мои извинения. Я не могу тебя оставить.

Конечно, не можешь, дорогая. На то и расчет...

Доктор примчался через полчаса. Влетел в мою спальню и наткнулся на взгляд Роуз, как мотылек на булавку. Она встала ему навстречу.

Я наблюдала за ними из-под полуопущенных век. Как он смотрит на нее, как нежно берет ее руки в свои... Влюблен! Влюблен и не способен этого скрыть. А Роуз, глупышка, ничего не замечает. Зато смотрит на него открыто и доверчиво, а это уже кое-что.

Пришлось откашляться, иначе доктор о больной и не вспомнил бы.

– Что случилось? – поинтересовался он, закрывая за собой дверь.

Роуз почти не дрожащим голосом озвучила симптомы.

– Я думаю, это от волнения, – закончила она, стиснув руки.

– Возможно, – отозвался он, присаживаясь у моей постели. – Мисс Карпентер, вам лучше выйти.

Он что же, даже не осмеливается звать ее «Роуз»? До чего робки эти молодые влюбленные.

– Но это же моя тетя! – вскинула голову она.

– Вот именно. Поэтому вы воспринимаете все близко к сердцу. Прошу вас, подождите внизу.

Роуз прикусила губу и нехотя встала.

– Я буду в своей комнате, напротив, – пообещала она твердо. – Зовите, если потребуется.

Она вышла, и доктор Пэйн приступил к работе. По мере осмотра он хмурился все сильнее. Наконец он убрал стетоскоп в чемоданчик и пристально посмотрел на меня. Его худое скуластое лицо покраснело от злости.

– Могу я узнать, зачем вы затеяли этот спектакль?

– Спектакль? – переспросила я слабым голосом.

Хотя, пожалуй, глупо было продолжать. Доктор Пэйн оказался слишком хорошим врачом.

Он переставил чемоданчик на пол и ответил сухо:

– У вас нет сердечного приступа. Зачем вы притворялись? Разве вы не понимаете, что заставили Роуз, – о, как нежно он произнес ее имя! – волноваться?

Я откинула одеяло и села прямо.

– Понимаю. Но у меня не было иного выхода.

– Мисс Райт... – начал доктор, морщась.

Я подняла руку, прося его погодить.

– Вам ведь небезразлична судьба Роуз?

– Да, – глухо выговорил он, отведя взгляд. – Небезразлична.

Уверять меня, что они друзья, он не стал.

Я глубоко вздохнула. Няня учила меня, что честность – лучшее оружие. Хотя жизнь показала, что она ошибалась, иногда это все-таки срабатывает. Я выложила ему все: о сплетнях в деревне, об анонимном письме, о глупом упрямстве Роуз. Только о подслушанном разговоре Родерика Хьюза с инспектором Барретом умолчала, слишком это было унижительно.

– И вы решили сказаться больной? – спросил он, внимательно меня выслушав.

Лицо доктора было бледно, веснушки ярче обычного проступили на его носу и щеках. Он не знал, куда девать руки, – то потирал подбородок, то теребил бахрому покрывала, то крутил пуговицу.

– Что мне еще оставалось? – пожалала плечами я. – Надеюсь, завтра Роуз остынет и не станет делать глупостей.

Я с интересом наблюдала за борьбой, которая отображалась на его лице. Долг врача требовал немедленно разоблачить симулянтку, а сердце напоминало о последствиях.

– А вы не думали, что... – Доктор зачем-то ущипнул себя за запястье и отвел взгляд. – Я хочу сказать, что это эгоистично. Вдруг таким образом вы разрушите счастье вашей племянницы?

Кажется, кое-кто здесь слишком благороден!

– Не думаю, что Роуз он нравится... Всерьез, во всяком случае. Просто Родерик Хьюз поступил с ней нехорошо, теперь ей больно и досадно.

– Значит, – перебил он, – это правда? То, что болтают?

Я кивнула, не вдаваясь в подробности.

– Роуз порвала с мистером Хьюзом при обстоятельствах, мучительных для ее самолюбия. Теперь она немного по-детски пытается доказать, что вовсе не задета. Боюсь, в сложившихся обстоятельствах это может привести к... нежелательным последствиям.

– И все-таки с вашей стороны это некрасиво! – заявил он упрямо.

Я подняла руки.

– Обещаю, что больше не буду мешать роману Роуз с профессором. Это вас устроит?

Он густо, как умеют лишь рыжие, покраснел и ничего не ответил.

– Я хотела только, – мягко добавила я, – чтобы у нее было время поразмыслить.

По мне, Роуз будет лучше с доктором Пэйном. Они отлично понимают друг друга, и муж из него выйдет замечательный. Жаль, она слишком романтична, чтобы оценить его по достоинству.

– Вы сильно рисковали, – заметил он, помолчав. – Что, если бы мисс Карпентер вас разоблачила?

– Свою любимую тетюшку Мэри? – хмыкнула я. – Ей бы такое даже в голову не пришло.

Доктор Пэйн вдруг усмехнулся и хрустнул пальцами.

– Должен признать, ловко вы это провернули. Неплохие познания в анатомии... и фармакологии, полагаю?

– Что вы. – Я покачала головой. – Меня никогда этому не учили.

Отца бы удар хватил, если бы я только заикнулась.

– Я слышал, что фэйри не нужно учиться, им хватает интуиции.

– Чистокровным, быть может, и не нужно, – вздохнула я. – Но во мне их крови капля.

Хотя кое на что сгожусь и я. Впрочем, чтобы смешать настойки розмарина и ландыша, много ума не надо.

– Я выпишу вам лекарства, – пообещал доктор Пэйн, поднимаясь. – Только не вздумайте их пить.

– На вашем месте, – сказала я задумчиво, вновь накрываясь одеялом и сползая на подушки, – я бы прописала мне что-нибудь такое... серьезное.

Я повела в воздухе рукой.

– Что нужно принимать под строгим контролем врача? – Улыбка у него оказалась светлой и располагающей. – Непременно. И... спасибо

вам, мисс Райт.

Полдня я нежилась в постели под чутким присмотром Роуз. Мне так давно не приходилось просто бездельничать, что я, каюсь, предавалась этому с наслаждением. Радость немного отравляла только необходимость притворяться больной и, самую малость, укоры совести. Обманывать Роуз было неприятно, но что поделать?

А после обеда меня почтила визитом леди Присцилла. Ей хватило одного взгляда, чтобы меня разоблачить – и немедля выставить Роуз из комнаты.

– Рассказывайте, моя милая, – велела леди Присцилла, когда за моей племянницей захлопнулась дверь. – Зачем вы притворились больной? И не вздумайте спорить!

Она уселась в кресло рядом с кроватью, сложила руки на коленях.

Спорить? Не настолько я самонадеянна, чтобы пререкаться с леди Присциллой. Пришлось второй раз за день излагать свою нехитрую историю. Но если реакцию на нее доктора Пэйна предугадать было нетрудно – влюбленные так предсказуемы! – то реакцию леди Присциллы я предугадать не бралась.

Леди Присцилле я рассказала все от а до я, не пытаясь ни утаить неприглядные детали, ни смягчить краски.

– Я вас не выдам, – пообещала она, когда я умолкла, и тяжело поднялась. – Но девочка так переживает... Не стоит вам больше так делать.

– Я и не собиралась. – Я отвела взгляд и разгладила ладонью складки на покрывале. Мне и впрямь было стыдно, хотя иного выхода я по-прежнему не видела. – Сделаю вид, что лекарство помогло.

– Вот и славно. – Она помедлила на пороге и сказала, не оборачиваясь: – Думаю, мне нужен личный автомобиль. Доктор Пэйн отлично в них разбирается. Как полагаете, он не откажется помочь?

Выбирать, конечно, нужно долго и вдумчиво. И непременно в компании доктора и медсестры – вдруг леди Присциллу подведет здоровье?

– Думаю, он будет рад, – заверила я, скрывая улыбку.

Леди Присцилла важно кивнула и заметила вполголоса:

– В крайнем случае я тоже могу заболеть...

И вышла.

Я тихонько рассмеялась. Леди Присцилла на нашей стороне? Ну и ну!

Утром я отправилась на прогулку, хотя Роуз ужасно не хотела меня отпускать. Однако доктор сказал, что это полезно для моего сердца, так что Роуз пришлось отступить.

К слову, доктор Пэйн проведаль меня спозаранку, а после устроился пить чай с Роуз на веранде. Я убедилась, что оставляю ее в надежных руках, и распрощалась...

Первым делом я отправилась к Рут Миллер. Викарий с сестрой жили в небольшом коттедже на полпути между Дорсвудом и усадьбой Хьюзов. Место было по-своему удачное: рядом и деревня, и церковь, и кладбище, так что священнику не приходилось далеко ходить. Пейзаж, правда, унылый, но ко всему привыкаешь.

Я как раз сворачивала к коттеджу, когда из-за него выкатил викарий Миллер на велосипеде. Рама была маловата, так что езде приходилось чересчур высоко задирать колени. В сочетании с черными одеждами священника, его круглыми очками и жизнерадостным румяным лицом смотрелось это умилительно.

– Мисс Райт, здравствуйте! – крикнул он на ходу и, рискованно оторвав руку от руля, приветливо помахал.

– Доброе утро, викарий, – откликнулась я, улыбаясь в ответ.

Он проехал еще немного и затормозил.

– Вы ко мне?

– Нет-нет. Я к вашей сестре.

– Рут будет счастлива вас видеть.

Я не стала его разубеждать. Вежливо распрощалась и отправилась дальше.

Домик священника оказался старинным, под соломенной крышей и с узкими оконцами. О нем любовно заботились: крыльцо сверкало, в горшках росли георгины, а дверной молоток был начищен до блеска. Дивной красоты душистый горошек смягчал мрачную строгость каменных стен. Жаль, сада как такового не было, вокруг простиралась каменистая пустошь. Должно быть, осенью и зимой здесь дуют ужасные ветра!

Тяжелая дверь распахнулась, стоило мне постучать.

Сестра vicария была одета по-домашнему, в серую твидовую юбку, блейзер и передник, на ногах – крепкие ботинки. Ни украшений, ни следа косметики. Волосы небрежно зачесаны и сколоты сзади, на щеке – пятнышко муки.

В вечернем платье она выглядела неловкой дурнушкой, зато в таком неброском виде оказалась удивительно хороша. Похоже, Рут Миллер из тех скромных воробьев, кого яркое оперение уродует, а не превращает в колибри.

– О! Это вы, мисс Райт. – Вопреки моим ожиданиям, мисс Миллер и впрямь обрадовалась. – Проходите! Я как раз испекла кексы.

Тон у нее, правда, был скорее командный, чем сердечный.

– Доброе утро. – Я переступила порог и огляделась.

Ни соринки, ни пылинки, везде идеальный порядок. Только пустовато и неуютно. Понятное дело, в обиталище священника трудно ожидать картин модных художников, статуй или лепнины. Но ведь простые и милые вещицы – фарфоровые собачки на камине, вязаные салфетки, домотканые коврики, репродукции картин, да хоть герань на окнах! – может позволить себе почти каждый. А эта комната походила на вымытую с хлоркой больничную палату.

Рут сжала губы, очевидно, понимая, какое впечатление производит их с братом жилище.

– Пойдемте на кухню. В гостиной мы бываем, только когда проводим благотворительные собрания.

Я вручила хозяйке небольшую корзинку.

– Здесь мята, чабрец, ромашка, липа, лемонграсс, немного Melissa. И особый бальзам на травах, для чая.

– Спасибо. – Улыбка коснулась ее четко очерченного даже без помады рта, смягчила грубоватые черты. – Сюда, пожалуйста.

Кухня оказалась темной, как часто бывает в старых домах. Коричневые стены и низкий потолок с массивными балками словно сдавливали со всех сторон. Рядом с громоздким старинным очагом, которым теперь явно не пользовались, поблескивала белой эмалью современная газовая плита с духовкой.

И все-таки на кухне было куда уютнее, чем в комнате. Тут рука хозяйки чувствовалась в каждой мелочи: в выскобленном до скрипа столе; в сиянии медной утвари без единого пятнышка; в выстроенной по ранжиру посуде на полках.

– Присаживайтесь. – Мисс Миллер махнула рукой и взяла белоснежное полотенце. – Я заварю чаю и разрежу кекс.

Движения у нее были легкие и уверенные, хоть и несколько размашистые, а шаг – четкий, словно у солдата на плацу. Рут Миллер легко было представить командующей обороной замка, но почти невозможно вообразить танцующей на балу. Поразительно, а ведь у Хьюзов она терялась в тени брата!

Я опустилась на старинный деревянный стул и завела вежливый разговор о погоде. Когда эта тема себя исчерпала, я посочувствовала:

– Должно быть, вам нелегко вести хозяйство?

– Вы правы. Приход большой, но бедный. – Она разрежала кекс, налила чай и села за кухонный стол напротив. – Нам с Джеймсом бывает непросто. По правде говоря, мы экономим каждый пенни.

– Неужели вы справляетесь одна?

Поддерживать чистоту в таком доме, должно быть, настоящее мучение. Одни только полы вымыть – щербатые, каменные – та еще работа! И ведь наверняка тут по старинке обходятся тряпкой и щеткой. Руку даю на отсечение, тут не найти новомодных кристаллов-пылежоров и прочих магических помощников, облегчающих нелегкий домашний труд. Магические штучки не по карману беднякам, нанять помощницу по хозяйству обойдется куда дешевле.

Рут Миллер посмотрела на свои руки – с короткими ногтями и загрубевшей кожей – и вскинула голову.

– Три раза в неделю мне помогает миссис Харрис. Больше нам не по средствам. Джеймс откладывает деньги на ремонт церкви.

Когда ему это позволяют. Ни за что не поверю, что финансами управляет викарий, который производит впечатление человека слегка не от мира сего. Он бы довольствовался маргарином вместо масла и опилками вместо чая, только бы выделить побольше денег на благие дела.

– Для вас большое облегчение, что леди Хэлкетт-Хьюз оставила викарию наследство.

Она принялась раскладывать по тарелкам ароматный кекс.

– Главное, что Джеймс счастлив. Ремонт церкви – это его заветная мечта.

В голосе ее вдруг отчетливо послышалось неодобрение. Так-так, не настолько все гладко между братом и сестрой, как мне хотят

показать!

– Очень похвальная мечта, – заметила я, когда она умолкла.

– Вероятно, – ела Рут так же быстро и энергично. Эта девушка явно не привыкла терять ни минутки. – Хотя после наверняка будет что-нибудь еще. Джеймс больше переживает о бедных, чем о собственном благополучии.

– Кхм, – сказала я.

Осудить такое добросердечие мне не позволяли приличия, а одобрить – совесть. Нелегко жить с человеком, который отдает чужим последнюю монетку, в то время как его родная сестра выбивается из сил.

Губы мисс Миллер сжались.

– Не подумайте, что я жалуясь. Я только пыталась объяснить, почему согласилась купить травы у мистера Джоунса.

– Согласилась? – воскликнула я. – Разве не вы сами...

– Нет! – перебила она живо. – Мистер Джоунс случайно узнал, что я делаю покупки у аптекаря в Лозборо, и пришел ко мне. Я тут же согласилась. Так выходило намного дешевле, и не надо было куда ехать.

– Могу вас понять.

Кто бы, находясь в стесненных обстоятельствах, не ухватился за выгодные условия?

– Мне следовало поговорить с леди Присциллой. – Она на миг виновато опустила плечи. – Но мне даже в голову не пришло, что мистер Джоунс не заручился ее согласием!

– Этот мистер Джоунс! – вздохнула я и попробовала лимонный кекс. Очень недурно! – Боюсь, временами его трудно контролировать.

Рут с кровожадным видом стиснула вилку. На месте мистера Джоунса я бы постаралась не показываться ей на глаза.

– Я готова принести извинения леди Присцилле. Надеюсь, она не держит на меня зла?

– Только на Джоунса, – заверила я, с удовольствием допивая чай.

На заварку в этом доме не скупилась, и сахара с молоком не жалели. Викарию очень повезло.

Мисс Миллер подалась вперед.

– Послушайте, мисс Райт, мне очень нужны травы! Я хотела бы покупать их у леди Присциллы. Вы не могли бы это с ней обсудить?..

Еще чаю? Кекса?

– Спасибо, – поблагодарила я, подставляя чашку. – Очень вкусно. Почему бы вам самой не выращивать необходимое? Вряд ли вам так много надо. Грядка или две...

– Я пыталась, – призналась она, так энергично размешивая сахар, что напиток едва не выплескивался на скатерть. – Но места здесь плохие, сплошные камни. Да и садовод из меня ужасный.

– Не наговаривайте на себя. У вас чудесные георгины и душистый горошек.

Хвалила я от души. Цветы в самом деле были на зависть.

– Это заслуга Джеймса. Может, он и сумел бы вырастить что-нибудь еще, но у него так мало свободного времени...

И никакого желания заниматься домашними делами.

Неудивительно, что дом такой пустой. Рут Миллер некогда вязать салфетки и коврики, у нее и без того забот полон рот.

Она с негромким стуком поставила чашку на блюдце и заявила решительно:

– Мисс Райт, я хочу сделать вам деловое предложение.

Я чуть не поперхнулась чаем.

– Да?

– Я давно делаю кремы и мыло. Все женщины Дорсвуда ими пользуются. Но я, конечно, не беру за это денег.

– Разумеется, – усмехнулась я.

На продажу косметики нужна лицензия, которую получить не так-то просто, да и плата за нее немалая. Зато никто не может запретить человеку делать лосьоны и маски для своих друзей. Которые, конечно, в долгу не оставались. Надо думать, немного яиц, масла или корзина яблок составляли неплохое подспорье к скудному рациону викария.

– Я хочу заняться этим всерьез. Я все подсчитала. Покупать масла и экстракты выходит дорого, а делать их у меня не очень получается... Зато вы в этом сведущи, как я слышала от леди Присциллы.

– Простите? – Я подняла брови в вежливом недоумении.

– Я планирую организовать косметическую фирму, – выглядела она собранной и деловитой. – И предлагаю вам стать партнером.

– А деньги на патент? И вы же не можете варить крема здесь.

Я обвела рукой кухню.

Мгновение Рут Миллер непонимающе смотрела на меня, потом искренне рассмеялась.

– Конечно нет! Не думайте обо мне так плохо, мисс Райт. Я давно навела справки и уже скопила нужную сумму. Пойдемте, я вам кое-что покажу.

Таким тоном ребенку предлагают взглянуть на елку, под которой уже сложены подарки.

Я последовала за Рут с некоторой опаской, усилившейся, когда мы начали спускаться в подвал. Здравый смысл требовал бежать, пока не поздно. Вряд ли, конечно, Рут Миллер убила леди ХХХ – мотива я, как ни старалась, придумать не могла, – но этого нельзя было исключать. Сказала я кому-нибудь, куда иду? Нет! Привычка все держать в себе меня подвела.

Все-таки я решила рискнуть.

Рут остановилась возле толстой двери.

– Когда-то тут был колодец, который обеспечивал дом водой, – объяснила она, вставляя ключ в массивный замок и без труда проворачивая. – После его закрыли, водопровод намного удобнее. Зато мне колодец пригодился, не пришлось прокладывать сюда трубы. Оставалось только провести электричество. Входите же!

Она щелкнула выключателем, и я с опаской шагнула через порог. Огляделась – и, не сдержавшись, ахнула. Раньше тут, видимо, хранились припасы. Теперь же в подвале не было ни окороков, ни колбас, ни бочонков с молоком и элем.

Стены и пол выложены белым кафелем. С потолка спускалась труба вытяжки, в углу виднелся мощный насос. В центре – несколько удобных столов, ярко освещенных электрическими лампами. На одном стояла газовая горелка, на другом поблескивал трубками дистиллятор, на третьем – разные ступки и весы. Хромированные полки протянулись вдоль стен, демонстрируя всевозможные колбы, тигли, ложечки и банки. Дальнюю стену занимал холодильник.

Понятно теперь, почему Рут так развеселилась. Какое там «варить на кухне»!

Я медленно прошла вдоль стеллажей, подмечая мелкие детали. Все было, что называется, по высшему разряду, от идеального порядка до новехонького оборудования. Интересно, откуда деньги на всю эту

красоту? Неужели сэкономила на хозяйственных тратах? Кажется, я здорово недооценила Рут Миллер!..

После теплого прощания я вышла из дома викария и остановилась в задумчивости. Я не сказала ни «да», ни «нет», хотя всерьез предложение мисс Миллер не рассматривала. Сделка выгодная, кто бы спорил. Даже если фирма прогорит, я ничего не потеряю. Только не хотелось бы оказаться партнером убийцы!

Что теперь? Выложить свои догадки и сомнения инспектору Баррету? Вот именно – догадки и сомнения. Вряд ли инспектор отнесется к ним серьезно, а доказательств у меня нет. Надеяться, что полицейские сами все раскопают? Нет, на это полагаться нельзя. Деревенские жители свято хранят свои тайны и ни за что не выболтают их полиции.

У меня перед инспектором преимущество: старых дев никто не опасается. А зря!..

Однако для начала я поступила совсем не как старая дева: отправилась в гости к мужчине. Дверь открыл дворецкий, черный, как совесть ростовщика. В нос его было вдето золотое кольцо, мочки ушей оттягивали тяжелые серьги, щеки изрисованы ломаными красными и желтыми линиями. Со статуями слонов, которые поддерживали свод крыльца вместо традиционных титанов, смотрелся дворецкий вполне гармонично.

В руках он держал устрашающего вида ножницы, в которых я не сразу опознала секатор. Должно быть, как раз возился в саду. Хотя работы там было немного, рядом с домом был лишь небольшой окультуренный участок, остальные деревья в парке росли, как им вздумается.

– Что вам угодно, леди? – осведомился он, обнажив в улыбке подпиленные острые зубы.

Интересно, все гости улепетывали в ужасе или кто-то все-таки рисковал войти?

– Добрый день. Пожалуйста, передайте мистеру Гилмору, что его хочет видеть мисс Райт.

Дворецкий поклонился. Его манеры, речь и белая ливрея были безупречны, отчего дикарская внешность потрясала еще больше.

– Конечно, мисс. Будьте любезны следовать за мной.

Гостиная мистера Гилмора, как и следовало ожидать, была оформлена с варварской пышностью. Черно-белый пол устлала драгоценные ковры и шкуры. Яркие подушки, разбросанные тут и там, заменяли привычные диваны и кресла. Статуэтки из слоновой кости, экзотические цветы, дикарские маски... От тяжелого запаха жасмина, кожи и амбры кружилась голова.

– Мисс Райт! Какой приятный сюрприз.

Восклицание хозяина дома отвлекло меня от разглядывания безделушек у камина. В нем полыхал огонь, хотя в комнате и без того было сильно натоплено.

Я обернулась с улыбкой.

– Доброе утро, мистер Гилмор.

Одет он был по-домашнему, никаких тюрбанов и вызывающе роскошных драгоценностей. Простой светлый костюм подчеркивал смуглость кожи и блеск темных глаз.

Я протянула руку для пожатия, но он перевернул ее тыльной стороной вверх и поднес к губам.

– Не ожидал вас увидеть, – сознался мистер Гилмор, опаяя кожу горячим дыханием. – Присядем?

Возлежать, словно какая-нибудь одалиска? Почему бы и нет!

Я устроилась на мягких подушках, поджав ноги. Только пришлось одернуть юбку, которая неприлично задралась до бедер.

Мистер Гилмор сел очень близко, так что наши ноги почти соприкасались.

– Знаете, – сказал он, не без труда отведя взгляд от моих колен, – вы поразили моего Джинто.

– Джинто? – подняла брови я.

– Дворецкого. Он необыкновенно умен и очень мне предан, но местные жители его пугаются.

– Только не говорите, что вы от этого не в восторге.

Он расхохотался.

– Вы меня раскусили. Так что привело вас сюда, мисс Райт?

– Я собираюсь бессовестно использовать вашу доброту.

– Каким же образом, интересно?

– Ваше предложение еще в силе? – вопросом на вопрос ответила я.

Черные глаза блеснули.

– О расследовании или о свидании?

Он шутил, но я намеревалась поймать его на слове.

– Можем совместить.

Он растянул губы в улыбке.

– Хотите подразнить местных сплетниц? Заметьте, я даже не предполагаю, что вы и впрямь потеряли от меня голову.

Пикироваться с ним было легко и забавно, только время поджимало. Поэтому я созналась, посерьезнев:

– Мне срочно нужно кое-что разузнать. Нет времени ждать до завтра, а сегодняшней автобус уже ушел.

Можно, конечно, позвонить из Дорсвуда. Но здесь общая телефонная линия, и любой может подслушать чужой разговор. Достаточно лишь тихонько поднять трубку и не слишком громко в нее сопеть.

Сама я поехать в Лозборо не могла, даже будь в деревне такси. Это значило бы выйти на перекресток и прокричать: «Э-ге-гей, я кое-что знаю!»

Мистер Гилмор почесал подбородок.

– Знаете, мне не очень-то нравится служить ширмой.

– То есть вы передумали?

Он сцепил пальцы.

– То есть мы можем договориться. Скажем, взамен другое свидание, настоящее?

Такого я не ожидала.

– Зачем вам это? Только откровенно.

Мистер Гилмор посмотрел мне в глаза.

– Вы мне нравитесь, и я не прочь познакомиться поближе. Так достаточно откровенно?

Какая женщина не будет польщена вниманием такого мужчины? Для этого нужно быть мороженой рыбиной.

– Вполне. – Я опустила ресницы. – Что же, мистер Гилмор, по рукам.

Мистер Гилмор опять сел за руль сам и рванул с места так, что я закашлялась от поднявшейся пыли. Ничего себе он гоняет! Так и шею свернуть можно.

– Извините, – сказал он, сбавив скорость. – Привычка. Когда-то я участвовал в ралли.

Авто резко свернуло направо, так что мне пришлось схватиться за поручень.

– Куда мы?

Дорсвуд остался далеко в стороне.

Мистер Гилмор повернул голову и смерил меня насмешливым взглядом.

– В «Ивы», конечно. В деревню заедем на обратном пути. Вам стоит переодеться, иначе кто поверит в свидание?

Он был прав. Но толку-то?

Все мои наряды идеальны для старой девы: в меру поношенные и не в меру скромные. Был у меня, правда, припрятан брючный костюм, но показываться в нем в деревне? Я не рискну. А заказанные у портнихи платья еще не готовы.

– Поезжайте в Лозборо, – буркнула я, отвернувшись. – Я что-нибудь куплю и переоденусь в примерочной.

Он помолчал.

– Я не хотел вас обидеть. Мэри... могу я вас так называть? Прошу, не сердитесь.

– Я не обиделась, – качнула головой я, испытывая странную смесь досады и усталости. Когда-то я уже чувствовала себя дурно одетой провинциалкой. Но тогда я хотя бы была молода и красива... – Хорошо, Чарльз.

Между мужчиной и женщиной, которые симпатичны друг другу, все эти «мисс» и «мистер» звучат глупо. Пусть даже ничего у нас не выйдет.

Чарльз скосил на меня глаза и прямолинейно заявил:

– Вы ужасно мне нравитесь, Мэри.

Улыбнулся – легко и насмешливо – и вдавил педаль в пол...

Мне не стоило этого делать. Не стоило – и все тут. Жаль, осознание пришло слишком поздно. Не тогда, когда я согласилась на эту авантюру. Не тогда, когда автомобиль свернул в боковую улочку и остановился у скромной вывески «Дамская одежда от мадам Бижу». И даже не тогда, когда в примерочную принесли нежно-голубое платье с жакетом.

А когда Чарльз Гилмор увидел меня в нем, увы, стало слишком поздно.

Лучше бы я сцепила зубы и перетерпела косые взгляды и шепотки за спиной! Но толку теперь об этом сожалеть?

– Мэри, у меня нет слов, – сказал Чарльз, откашлявшись. – Куда вы хотите пойти на ленч?

– На ваш вкус, – усмехнулась я, беря его под руку. – Я впервые в Лозборо.

Чарльз украдкой погладил мои пальцы.

– Тогда я отвезу вас к моим друзьям. Вы не против экзотической кухни?

– Только не жареная саранча! – запротестовала я с улыбкой. – Остальное я как-нибудь переживу. И сначала мне нужно позвонить.

Спорить или расспрашивать он не стал. Высадил меня рядом с телефонной будкой, а сам оперся о капот и достал портсигар.

Я сняла трубку, оглянулась на него – впервые вижу, чтобы он курил, – и вытащила монету.

Память легко подкинула первый номер из списка. Только бы она не переехала!

– Ал-лоу! – лениво протянул женский голос.

Во рту пересохло, как наутро после разудалой вечеринки, которые она так любила устраивать.

– Привет, Лиззи, – сказала я, сглотнув.

Кажется, она поперхнулась зевком.

– Ты!

– Без имен, – попросила я быстро.

Пауза. Лиз осторожно поинтересовалась:

– Я слышала, у тебя неприятности?

– Все в прошлом. Послушай, Лиззи. Мне нужно, чтобы ты кое-что для меня сделала.

– Как всегда! – Она издала смешок. – Ты ничуть не меняешься.

– Лиззи, это серьезно. – Я прислонилась лбом к холодному стеклу и прикрыла глаза. – Пожалуйста.

– Ну хорошо, – вздохнула Лиз. – Говори...

Друзья мистера Гилмора оказались хиндустанцами. Мы недурно провели время, обедаясь фруктовым салатом и чем-то вроде

пончиков. На вкус было неплохо, а из чего это приготовлено, я предпочла не спрашивать.

– Знаете, – Чарльз помог мне сесть в машину и задержался, глядя на меня сверху вниз, – мне хочется залить полный бак и умчаться в закат.

От неожиданности я рассмеялась.

– Многим девушкам вы это говорили?

Он наклонился еще ниже и сказал очень тихо:

– Вам первой. И слова у меня не расходятся с делом.

Я дернула плечом.

– Звучит как угроза.

– Так и есть... – Долгий взгляд, затем Чарльз отвернулся и спросил непринужденно: – Куда вас отвезти теперь?

– В Дорсвуд. Мне нужно в пекарню.

Он вздернул бровь.

– Не посмотрелись на призраков? Учтите, полнолуние только через пять дней.

Я хмыкнула, потому что уже слышала эту легенду.

Миссис Маршам, которая владела деревенской пекарней в начале прошлого века, оставила в наследство невестке свой рецепт яблочного пирога, заставив поклясться собственной душой, что он никогда не уйдет из семьи. Но прошло несколько лет после смерти старухи, и молодой хозяйке предложили за этот рецепт целых сто фунтов! Сумма немислимая, и молодая миссис Маршам не устояла. Только вскоре в доме объявился с упреками призрак старой миссис Маршам. Она преследовала невестку до самой ее смерти, а после та тоже осталась на земле неприкаянным духом. До сих пор обеих миссис Маршам можно встретить в полнолуние и послушать, как они бранятся.

Говорят также, что в полнолуние обе призрачные миссис Маршам всю ночь пекут яблочные пироги по тому самому рецепту, и до рассвета смельчаки могут ими полакомиться.

– Так зачем вам в пекарню? – напомнил Чарльз, не получив ответа.

– У меня там свидание.

Каюсь, мне доставляло удовольствие его дразнить.

– С кем же? Учтите, Мэри, я ревную.

Я со смехом покачала головой. С Чарльзом было легко, как будто я скинула с плеч лет двадцать.

– С миссис Харрис. Хотя она об этом не подозревает.

Женщинам, которые дорожили фигурой, деревенскую пекарню следовало обходить десятой дорогой. Очень уж аппетитно там пахло, никак не устоять! Из приоткрытой двери тянуло яблочным вареньем, сливочным маслом и горячим тестом. Если на вкус это так же прекрасно, то неудивительно, что за рецепт предлагали такие деньги.

Ассортимент, правда, невелик, да и не нужно в деревне двадцать сортов пирожных. Кто их будет покупать? Зато все свежее и, кажется, восхитительно вкусное.

– Мэри, чем вас угостить? – поинтересовался Чарльз, интимно склонившись ко мне.

Глаза кругленькой пожилой дамы за прилавком загорелись любопытством. Еще бы, он ведь назвал меня по имени! А сплетни, подозреваю, тут подают вместо мармелада.

Я хотела отказаться, но... От запаха ванильных крендельков, коричных булочек и знаменитого пирога сразу потекли слюнки, а слоеные пирожные с клубникой окончательно лишили меня силы воли.

– Пирожное, – попросила я и добавила мужественно: – С несладким чаем, без молока.

– Как? – схватилась за пышную грудь дама. – Чай без сахара и молока? И вы даже не попробуете наш яблочный пирог? Нет, я не могу этого допустить!

Ох уж эта деревня. Тут всем до всего есть дело.

– В самом деле, Мэри, – попенял мне Чарльз, в глазах у которого плясали бесенята. – Вы чудесно выглядите. Зачем вам диеты?

– И платье сидит прекрасно, – поддакнула дама, окинув меня придиричивым взглядом. – Такая стройная леди, как вы, многое может себе позволить. Не каждый день, конечно. Помню, мой дорогой мистер Харрис, покойный, стоило ему только попробовать один-единственный пирожок... то есть тогда он был еще жив, конечно! Бедняга, утонул в речке. Только бульк – и нет моего дорогого мистера Харриса! О чем это я?

– О мистере Харрисе и пирожках, – подсказала я, не без труда вычленив смысл из бессвязного водопада ее речи.

– Ах да! – На ее круглом и румяном, как смазанный яйцом пирожок, лице было написано облегчение. – Бедный мистер Харрис, если уж пробовал мою стряпню, не мог остановиться, чтобы не доесть весь противень!

Судя по трем подбородкам миссис Харрис – очевидно, это она и была, – она тоже чревоугодия не чуралась. Страшно представить габариты покойного мистера Харриса. Неудивительно, что он камнем пошел ко дну.

Я вздохнула, пожирая глазами аппетитную выпечку.

– Вы и мертвого уговорите. Говорят, даже викарий ваши пирожки уважает.

Она разругалась от удовольствия и всплеснула руками.

– Ну, я не все тут пеку. Я только к полудню подхожу, раньше миссис Маршам сама справляется. У меня-то теперь уже дети разъехались. Моя младшенькая, Энн, недавно родила близняшек! И такие очаровательные крошки, что любо-дорого посмотреть! – Миссис Харрис суеверно постучала по дереву и тряхнула головой с мелкими седыми кудельками, которые походили на взбитые белки. – Моего дорогого мистера Харриса уж седьмой год на свете нет. Я и не сижу дома. А что сидеть, с тоски помирать? Вот я и помогаю по хозяйству. Рут Миллер, бедняжка, совсем замаялась. Я ей говорю: что я могу? В таком доме, как у них, всегда рук не хватало, что уж теперь говорить? А отопление сколько стоит! Страх божий... Ну вот. Прихожу я сюда к полудню, а до полудня мисс Миллер помогаю, по понедельникам, средам и пятницам. А по вторникам и четвергам я к Стивенсам хожу, у них, бедняжек, тройня. Так что хлеб поутру сама миссис Маршам печет, ну и яблочный пирог, само собой. Пирог-то у нас знаменитый...

– У меня кружится голова, – шепнул Чарльз, усмехаясь, когда миссис Харрис отправилась наконец заваривать чай. – По-моему, она могла бы весь дом подмести языком и совершенно бы не утомилась.

Я только улыбнулась.

– Тсс! Это-то мне и надо.

– Что вы хотите выяснить? – посерьезнел он и пододвинул мне стул.

В пекарне было несколько столиков, где можно было выпить чаю с только что испеченными булочками и – наверняка – перемыть косточки соседям со всеми удобствами.

Я пожала плечами.

– В деревне знают все и обо всех. Нужно только уметь слушать.

Когда миссис Харрис вернулась с блюдом мясных пирожков для Чарльза, клубничным пирожным для меня и куском яблочного пирога, я уговорила ее присесть с нами. Миссис Харрис немного поотнекивалась, но быстро дала себя уговорить. Налила себе чашечку чаю (кажется, в эту «чашечку» влезла полная чайник) и принялась болтать.

Глаза у Чарльза быстро подернулись той туманной пеленой, с которой мужчины внимают скучным женским разговорам. Я же старательно поддакивала, нахваливала выпечку и пыталась хоть как-то направлять бурный поток разговора. Было это непросто, так что я обогатилась массой ненужных сведений вроде того, сколько зубов у внуков миссис Харрис – лучших детей на свете – и как выросли цены на муку.

Впрочем, жемчужин в этом навозе попадалось немало.

– Бедняжка Рут, – вздыхала миссис Харрис, подперев щеку рукой. Две чашки чаю и тарелка пирожных привели ее в благодушное настроение. – Слишком уж она идеальна, все так говорят! Вы меня понимаете, моя дорогая?

– Конечно! – заверила я, ковырнула вилкой очередное пирожное и запила сладость во рту глотком чая.

Миссис Харрис продолжила запальчиво:

– Мистер Бриджерс так и сказал мне. Мол, жуть она на него нагоняет. Слишком уж она энергичная, слишком самостоятельная. Приход, конечно, без нее пропадет. Только вот мужчины таких не любят. Поэтому в ее-то годы – и не замужем!

Она неодобрительно покачала головой, а Чарльз поперхнулся последним пирожком.

Миссис Харрис всполошилась, поняв, что допустила вопиющую бестактность.

– Дорогая, – она порывисто коснулась моей ладони своими пухлыми пальцами с обручальным кольцом, которое впилося в кожу, – я вовсе не хотела!.. Я не думаю... В общем-то, я хочу сказать, что у Рут

Миллер нет обычных человеческих слабостей. Она как будто из металла сделана!

И вас, дорогая миссис Харрис, это ужасно огорчает. Ведь если у ближнего нет грешков, то и поговорить не о чем.

– Вы, моя дорогая, – продолжила миссис Харрис, от волнения глотая окончания, – вы совсем, совсем другое дело! Не такая рыбина мороженная, да простит меня Господь!

В этом же духе она продолжала еще долго, пока нас не спасла миссис Шилдс, которая явилась за булочками.

Мы быстро распрощались и, прихватив пакет с пирожными для Роуз, оставили дам перемывать нам кости.

– Уф. – Вырвавшись на свежий воздух, Чарльз провел ладонью по лицу, будто снимая паутину. – Как вы это выдерживаете, Мэри?

– Закалка, – усмехнулась я. – Я ведь дочь викария, с детства привыкла к таким разговорам.

Чарльз посмотрел на меня с нешуточным уважением и признался:

– У меня бы мозг вскипел. Надеюсь, вы хотя бы выяснили то, что хотели?

– О да, – протянула я довольно. – Даже более чем.

Чарльз подвез меня в «Ивы», высадил на подъездной дорожке, поцеловал в щеку и укатил.

Мистер Джоунс, забыв про секатор в своих руках и неподстриженную живую изгородь, таранился ему вслед.

– Ну и ну, – покачал головой он наконец. – Богатого ухажера, значит, отхватили?

И не понять, чего больше в его голосе: осуждения или облегчения. Еще бы, станет ли подруга богатого холостяка работать компаньонкой у пожилой леди? А главное, станет ли пожилая леди терпеть такую, с позволения сказать, вертихвостку?

Впрочем, леди Присцилла – это не какая-нибудь престарелая дева, давно позабывшая о простых радостях жизни. Ведьмы к этому относятся проще. Хотя мы живем в мире, где всем – будь ты ведьма, потомок светлых фэйри или оборотень – приходится соблюдать человеческие условности.

– Мистер Джоунс, – спохватилась я, когда он побрел вглубь сада, на ходу устрашающе пощелкивая секатором. – Скажите, у вас

сохранился список трав, которые хотела купить мисс Миллер?

– Ну... да. А вам зачем? – Он воззрился на меня из-под кустистых бровей, напоминая высушенный ковыль.

– Мисс Миллер будет покупать травы у леди Присциллы, – сообщила я, слегка опередив события.

Своего согласия леди еще не дала, хотя я не сомневалась в ее ответе.

Садовник поворчал, но все-таки принес список. Я быстро пробежала его глазами, благо почерк у Рут Миллер был идеальный, хоть сейчас бери за образец каллиграфии.

Мята, лаванда, ромашка, чабрец, шалфей мускатный... А это еще зачем?

Я подчеркнула ногтем следующее название, которому нечего было делать в списке добропорядочной сестры викария, и довольно улыбнулась. Мои подозрения окрепли...

Тихонько проскользнуть к себе не удалось. Роуз, леди Присцилла и доктор Пэйн как раз пили чай на веранде в тени роскошного лилового клематиса. Роуз и доктор оживленно болтали, склонившись друг к другу. Любо-дорого посмотреть!

Я бы тихонько ушла, но меня заметили.

– Тетя Мэри?! – Племянница округлила глаза.

– Не узнаешь? – пошутила я, целуя ее в щеку.

– Немудрено, – веско вставила леди Присцилла, поднося к губам чашку. – Вам, милая моя, это платье очень к лицу.

– Тетя, но... – На милом лице Роуз проступило удивление пополам с подозрением. – Ты же пошла прогуляться? Тогда откуда?..

Едва ли можно было сослаться на то, что платье с жакетом мне пошили лесные феи, так что пришлось сознаться:

– Я и прогулялась, в Лозборо... С Чарльзом Гилмором.

Все равно этого не утаить, ведь так?

Доктор Пэйн поперхнулся чаем, Роуз едва не выронила чашку, а леди Присцилла украдкой мне подмигнула.

– Но, тетя! – начала Роуз, совладав с голосом. – Я думала, для сердца полезны пешие прогулки, а не...

– Прогулки с джентльменами тоже полезны для сердца, – изрекла леди Присцилла наставительно. – Если, конечно, не позволять джентльменам это сердце разбить.

Она, посмеиваясь, принялась за пирожное.

Я улыбнулась и перешла в наступление:

– Роуз, дорогая, не ты ли советовала мне обновить гардероб и больше развлекаться?

– Тетя! – Она устыдилась, вскочила и порывисто меня обняла. – Прости, я просто...

– Растерялась, – закончила я понимающе, глядя ее по спине.

Уверена, Роуз искренне желала мне счастья. Она наверняка тайком вздыхала над моими чудачествами и манерой одеваться. Однако новая я – в красивом платье, с кавалером – пошатнула казавшийся незыблемым фундамент ее мира. Как будто на елке выросли груши!

Отказавшись от чая – больше в меня бы попросту не влезло, – я отправилась к себе. Переодевшись в привычное облачение старой девы: прямое темно-коричневое платье до середины голени, скрепленное на горле недорогой жемчужной брошью, хлопковые чулки и надежные туфли на низком ходу, я дополнила наряд такими же унылыми темными перчатками и шляпкой, которую оживлял лишь скромный букетик мимозы. Критически осмотрела себя в зеркале – хороша, ничего не скажешь! – и спустилась в холл, к телефону.

Сначала два звонка по знакомым номерам. Пришлось быть предельно аккуратной, чтобы не сказать лишнего, но главное я выяснила.

Я глубоко выдохнула, нажала на рычаг и попросила телефонистку:

– Будьте добры, дом полковника Хьюза.

К Чарльзу Гилмору, как шепчутся в деревне, инспектор сейчас приходит только ночевать.

– Соединяю... – На линии защелкали тумблеры, и телефонистка противным голосом сообщила: – Дом полковника Хьюза на линии.

Я дождалась, пока ответит дворецкий, и сказала:

– Это мисс Райт. Инспектор Баррет у вас?.. Чудесно! Пригласите его, будьте добры.

– Да, мисс! – важно ответствовал старый дворецкий и удалился, шаркая ногами.

Сдаст, бедняга.

Почти сразу послышался чуть удивленный голос инспектора Баррета.

– Добрый день, мисс Райт. Слушаю вас.

– Мне нужно с вами поговорить, – сказала я торопливо. – Не по телефону.

Трубка, вырезанная из слоновой кости (дешевых материалов леди Присцилла не признавала), скользила в руке.

– Что-то важное? – насторожился инспектор.

Я не стала восклицать: «Я знаю, кто это сделал!» – потому что, во-первых, я только предполагала, а во-вторых, была слишком хорошо воспитана для подобных банальностей.

– Думаю, да.

– Тогда встретимся на холме, возле сожженного молнией дуба. Знаете это место? Там можно спокойно поговорить, но мы будем на виду. Так что это не повредит вашей репутации.

– Конечно, – согласилась я, пропустив насмешку мимо ушей. – Буду там через полчаса.

– До встречи! – коротко бросил он и положил трубку.

Когда я взобралась на холм, инспектор меня уже поджидал. Расхаживал туда-сюда вдоль поваленного бурей дуба и курил.

Яма из-под вывороченных корней впечатляла. В такой можно не то что сундук с сокровищами спрятать, а вдобавок закопать парочку самых жадных кладоискателей.

– Здравствуйте, – вежливо сказала я, пытаюсь отдышаться.

Что там Роуз говорила о пользе прогулок? То-то же.

– Добрый вечер, мисс Райт, – церемонно ответил инспектор и торопливо погасил сигарету. – Так что вы хотели рассказать?

Сразу к делу? Нет, так не пойдет.

Я поддернула юбку, подстелила носовой платок и уселась на внушительное бревно.

– Помните, садовник и горничная леди Хэлкетт-Хьюз говорили, что полковник вдруг резко переменялся и стал часто бывать в поместье?

– Разумеется, – подтвердил инспектор нетерпеливо. – Вы еще сочли, что у него роман на стороне.

– Вы со мной не согласны?

Инспектор поморщился и переступил с ноги на ногу. Выглядел он смертельно усталым: измятая рубашка, тени под серыми глазами, щетина на запавших щеках. Должно быть, у него был нелегкий день, а тут я со своими разговорами! Только я ведь тоже не просто решила поболтать о том о сем.

– Предположим, согласен. И что с того?

– Разве вы не понимаете? У полковника Хьюза был мотив. Если жена узнала о его интрижке...

– «Если», мисс Райт. Мы ничего такого не выяснили.

– А что насчет бегов? – не сдавалась я. – Много он проигрывал?

К чести его, инспектор не пытался увильнуть, хотя моей наблюдательности не обрадовался.

– По большей части он выигрывал. Во всяком случае, оставался в плюсе.

– Дуракам везет... – пробормотала я, и у инспектора дрогнули уголки губ.

– Как бы там ни было, – заметил он сдержанно, – острой нужды в деньгах полковник не испытывал.

– Но он надеялся получить солидную сумму по завещанию! – возразила я быстро.

Инспектор неторопливо обрывал лепестки с подвернувшейся ромашки. Неужели так не только на «любит – не любит» можно гадать, но и на «убивал – не убивал»?

– Зачем спешить? Полковник Хьюз не мог быть уверен, что леди Хэлкетт-Хьюз уже переменяла завещание в его пользу, как обещала.

– Леди могла подать на развод. А в таком случае он не получил бы ничего. Так говорилось в их брачном соглашении.

– Вы и туда нос сунули? Ну и ну.

– Мне не нравится ваш тон, – заметила я холодно.

Джонни Фогерти, мой старинный друг, ныне подвизался стряпчим. И был так любезен, что навел для меня справки.

– Извините, – сказал инспектор нехотя. – Мисс Райт, я благодарен вам за стремление помочь, но прошу: поубавьте свою активность. Это может быть для вас опасно.

– Спасибо за заботу, – ответила я сухо. – Но я не могу оставаться в стороне, когда моя племянница – одна из подозреваемых.

– Мисс Райт, – вздохнул инспектор. – Не пытайтесь убедить меня, что полковник Хьюз сыпанул яду в овсянку жены. Это никак не согласуется с его характером. Полковник слишком прямолинеен и, уж простите, глуповат. Он мог бы застрелить жену или в гневе проломить ей череп, но хладнокровно отравить? Вряд ли он на это способен.

С этим я вынуждена была согласиться. Полковник – заядлый охотник, не зря весь кабинет и библиотека увешаны его трофеями. И про оружейную я наслышана, полковник в первый же вечер водил джентльменов хвастаться своей коллекцией.

– Зато мисс Миллер – вполне, – заметила я многозначительно.

Лепестки на ромашке кончились, инспектор отбросил полысевший цветок, вздохнул и почесал переносицу.

– А мисс Миллер тут при чем?

– У них роман. У полковника с сестрой викария.

Звук, который издал инспектор, больше всего походил на «Пфф!». С таким сдувается воздушный шар.

– Мисс Райт, сплетни...

Зря он легкомысленно относится к столь ценному источнику информации. Хотя, конечно, деревенские разговоры стоит делить на десять.

– Это не сплетни! – запротестовала я живо. – Мисс Миллер хотела купить у нашего садовника кое-какие травы, которые, скажем так, невинным девушкам ни к чему.

– О, – инспектор заметно растерялся, даже слегка покраснел. – А вам-то откуда о таком известно?

Он принялся расхаживать туда-сюда и зачем-то рвать полевые цветы: несколько ромашек, василек и мясистые листья подорожника.

Я неопределенно повела рукой и созналась:

– Некоторое время я работала помощником аптекаря. Предвосхищая ваш вопрос: в той стране зелья такого рода вполне законны. Однако в Альбионе за их продажу положено два года тюрьмы. Сомневаюсь, что мисс Миллер стала бы рисковать. По-видимому, она готовила зелье для себя.

– Вероятно, – кивнул инспектор, и во взгляде его появилась некоторая задумчивость. – Дальше.

– У мисс Миллер есть лаборатория...

Внимание инспектора развеялось, как дым. Он покачал головой, насмешливо и разочарованно.

– Мисс Райт, «пыльцу фэйри» нельзя изготовить в лабораторных условиях, а насчет яда мой эксперт совершенно уверен.

– Позвольте мне договорить. Я вовсе не имею в виду, что Рут Миллер сварила «пыльцу фэйри». Я в курсе, что ее добывают только в их холмах.

Инспектор посмотрел на цветы в своей руке так, словно гадал, как они там оказались, потом наклонился и пристроил букетик на краю ямы. Окажись там и впрямь закопаны кладоискатели, жест был бы трогательным.

– Я потрясен вашими познаниями, мисс Райт. Запрещенные зелья, наркотики...

– Это вовсе не секрет, – хмыкнула я, поерзав на жесткой коре. – Говорят, актеры поголовно балуются «пыльцой», ведь в небольших дозах она вызывает эйфорию и прилив энергии. У меня был знакомый... но мы отвлеклись.

– Вы начали объяснять, почему считаете лабораторию мисс Миллер подозрительной.

На этот вопрос ответить было нетрудно.

– Потому что там слишком много дорогого оборудования. Ингредиенты тоже недешевые: масла розы, сандала, нероли, амбра... Думаю, там наберется на очень кругленькую сумму.

– Сколько? – переспросил инспектор скептически. – Десять шиллингов? Двадцать?

– Примерно пятьсот – шестьсот, – поправила я, – гиней.

Инспектор поперхнулся воздухом и воззрился на меня.

– Шутите?

– Ничуть, я навела справки. Заметила клеймо «Стокс и сыновья» и попросила кое-кого выяснить. Так откуда у скромной сестры викария такие деньги? Вряд ли она могла бы скопить их благодаря экономии на хозяйстве. На это потребовалось бы лет двести.

Инспектор почесал подбородок.

– Завещание какой-нибудь дальней тетушки?

– Вы сами-то в это верите? Впрочем, нетрудно узнать, получала ли мисс Миллер такое крупное наследство.

– Хотите сказать, это подарки? От мужчины?

– У вас есть другие версии?

– Мисс Райт. – Инспектор вздохнул и присел на бревно рядом, не заботясь о своих брюках. Впрочем, им уже мало что могло повредить. – Послушайте, вы ведь неглупая женщина. Спасибо, конечно, что сообщили мне о своих наблюдениях, но что прикажете с ними делать дальше? Даже если у полковника Хьюза была интрижка – я подчеркиваю, если! – и у сестры викария имеется, кхм, удачливый поклонник, то кто сказал, что эти двое – любовники? В деревне, знаете ли, много других людей.

– И что, в округе много мужчин, которые могут потратить такие суммы, не ограбив банк? – Инспектор молчал, и я закончила: – Я знаю только двоих: полковника Хьюза и мистера Гилмора.

– Чарльз не!.. – запротестовал он быстро.

– Согласна, – перебила я. – Остается полковник.

– Все это умозрительно.

– Поэтому, инспектор, – сказала я с достоинством, – я предлагаю вам сегодня лично во всем убедиться.

Он посмотрел на меня так, словно у меня выросли... нет, не рога – такое случается чаще, чем принято считать. Усы?

– Вы подслушали, как они назначают свидание? – осведомился он иронически.

– Нет, конечно! Сами подумайте, как бы они это сделали? По телефону нельзя, в Дорсвуде общая линия, так что любой может подслушать. Записочки передавать? Свечку на окне оставлять? Нет, у них наверняка есть условленный день для встреч. Думаю, понедельник.

– Опять умозаключения? – Инспектор тяжело вздохнул и побарабанил пальцами по колену. – Каким же образом вы к ним пришли?

– Сопоставила, – развела руками я. – У полковника была жена, у мисс Миллер – строгий брат. Нужно было найти время, когда наша парочка оказывалась свободна от присмотра.

В глазах инспектора прорезалось нечто вроде уважения.

– И вы нашли.

Вопросом это не было, однако я ответила просто:

– Да.

Не зря же я битый час расспрашивала миссис Харрис!

– Сдаюсь. – Инспектор хмыкнул и покачал головой. – Выкладывайте уже все. Где, когда...

– С шести до девяти, – сказала я с уверенностью. – Леди Хэлкетт-Хьюз по понедельникам всегда играла в бридж с подругами, а викарий еженедельно проводил собрание матерей и репетиции церковного хора. Так что наши голубки были предоставлены самим себе. Где именно они встречались, я могу лишь предположить...

– Уж будьте так любезны, поделитесь.

Я пропустила язвительность инспектора мимо ушей. Кому будет приятно, когда какая-то провинциальная старая дева тебя, скажем так, обскакала?

– В деревенском доме собраний.

Инспектор выглядел так, будто сомневался, в здравом ли я рассудке.

– Не очень-то подходящее местечко для любовного гнездышка.

– Где же еще? Рядом только церковь и кладбище. Никакого охотничьего домика или сторожки, ничего такого. Домой бы она его, разумеется, не привела... А в возрасте полковника даже самый пылкий влюбленный не станет встречаться с девушкой в каком-нибудь склепе, рискуя подхватить подагру или что похлеще.

Лицо у инспектора было такое, словно он никак не мог решить, заплакать или расхохотаться.

– Действительно, – согласился он сдавленно. – Кстати, с чего вы взяли, что они не отменили свидание?

– Повторюсь, у них вряд ли была такая возможность. Дело ваше, верить мне или нет, – сказала я чопорно, встала и отряхнула юбку от коры. – Сами решайте, пойдете ли со мной.

Густые брови инспектора поползли вверх.

– А вы, значит, для себя все уже решили?

Я посмотрела на него сверху вниз.

– Для вас это всего лишь одно из многих дел. А для нас с Роуз – возможное пятно на всю жизнь. Так что с вами или без вас, а я найду, кто это сделал.

Он тоже поднялся, подумал немного и протянул руку.

– Почту за честь прогуляться с вами вечером. Мы ничего не теряем, ведь так? Только Чарльзу лучше не говорить.

– Бойтесь, что он устроит сцену ревности?

Инспектор дернул щекой, не поддержав шутку.

– Боюсь, что он увяжется с нами.

Я хмыкнула. Останется только пригласить оркестр.

– Не беспокойтесь, буду нема как рыба.

И сжала его сухие горячие пальцы.

Он широко улыбнулся и слегка наклонил голову.

– Значит, возле дома свиданий... тьфу, собраний! В шесть.

Глава 4

Женщине, конечно, положено опаздывать, но только если нет риска пропустить самое интересное. Так что к дому собраний я пришла загодя.

Конечно, я не кралась – нет ничего подозрительнее, чем когда кто-то таится и скрывает лицо, – просто делала вид, что прогуливаюсь. Хотя каменистая пустошь с видом на кладбище к этому не очень-то располагала. Унылая равнина, унылый дом священника, унылая полуразрушенная церковь... Странно, что тут не завелись какие-нибудь призрачные псы, воющие по ночам. Было бы очень уместно.

Дом собраний вполне подходил к этому мрачному пейзажу. Должно быть, архитектор был в ужасной депрессии. Это была одноэтажная бетонная коробка с высоким цоколем, поросшей мхом черепичной крышей и узкими окнами-бойницами под потолком. Я остановилась, оценила перспективы и едва не выругалась. Надо было прихватить стремянку!

Окна? Вскарabкаться по гладкому бетону не выйдет, а ряд унылых кипарисов вдоль одной из стен, тщетная попытка хоть немного оживить убогий вид, вряд ли предоставит опору. Дверь? Слишком массивная и наверняка душераздирающе скрипит. Хотела бы я знать, зачем деревенскому дому собраний этот монстр, больше подходящий для какого-нибудь старинного замка. Чтобы жители не разбежались с очередного благотворительного концерта?

Одна радость: заметить мое серое платье на фоне этих стен нелегко, так что о маскировке можно не волноваться.

– Псс! – прервал мои нерадостные мысли тихий свист. – Мисс Райт!

Я огляделась и обнаружила в тени кипарисовой аллеи знакомую фигуру. Значит, инспектор пришел еще раньше.

К дальней стене была прислонена стремянка, почти невидимая в надвигающихся сумерках, а в тени кипарисов расстелен плед, на котором со всеми удобствами расположился инспектор Баррет. В углу дожидались своего часа корзинка для пикника и термос.

На редкость предусмотрительный тип!

– Хотите кофе? – гостеприимно предложил он, отвинчивая крышку.

– Неужели вам не перебьет аппетит соседство с кладбищем? – Я кивнула на близкую ограду, за которой виднелись кривоватые ряды крестов.

– А вам? – вопросом на вопрос ответил инспектор.

– Ничуть, – вынуждена была признать я, принимая чашку с восхитительно горячим и крепким кофе. Вечер выдался прохладным и ветреным, к тому же я изрядно устала. – Надеюсь, дождь не пойдет.

Зонтик я прихватила, но хороша же я буду, балансируя с ним на стремянке!

– Констебль Догсли уверяет, что нет, а у него нюх. – Инспектор похлопал ладонью по пледу. – Присаживайтесь, мисс Райт. Нам еще долго тут скучать.

«Особенно если вы ошиблись», – явно хотел сказать он.

Я была уверена в своей правоте, но от промашек никто не застрахован.

– Можете называть меня Мэри, – разрешила я, делая первый восхитительный глоток. – Думаю, сейчас не до условностей.

– Я – Этан, – согласился инспектор, немного поколебавшись.

Кажется, ему не нравилось то подобие близости, которое создавала ситуация.

– Очень приятно, – хмыкнула я, взяла чашку в левую руку и протянула ему правую. – Будем знакомы, напарник. Кажется, так говорят в кино?

В сумерках трудно было разглядеть его лицо, но мне показалось, что он улыбнулся.

– Взаимно... напарник. Думаю... – внезапно он осекся, встрепенулся и приложил палец к губам. – Кто-то идет. Полковник!

И впрямь, в округе только полковник Хьюз маршировал, как на параде. И это тайное свидание? Он разве что в барабаны не бил.

Инспектор взглянул на меня. На языке крутилось: «А я вам что говорила?» – но я мужественно промолчала.

Полковник даже не притворялся, будто случайно шел мимо. Очевидно, смерть жены избавила его от опасений раскрыть свою тайну. Или он попросту не умел иначе? В своей солдафонской манере

он прошагал до дома собраний, уверенно нашарил спрятанный за наличником ключ и скрылся внутри.

Инспектор сказал мне на ухо:

– Он тут явно не впервые.

Я не стала это комментировать и взялась за лестницу. Инспектор перехватил мою руку.

– Нет уж, полезу я.

– Но! – возмутилась я, а он отбрил:

– Это моя стремянка, Мэри. Надо было брать свою.

– А как же правило «леди вперед»?

Мы перешептывались, как школьники на уроке.

– Считайте меня ужасно невоспитанным, – хмыкнул он и поставил ногу на нижнюю перекладину.

Лестница закачалась и опасно накренилась.

– Черт! – тихо выругался он, разглядывая колдобины под ногами.

– Боюсь, придется все-таки мне. – Я очень старалась не рассмеяться, но инспектор... Этан косился на меня подозрительно. – Вы меня удержите, а я вас – нет.

Я подобрала юбку и быстро полезла вверх.

Насколько все-таки было удобнее в те времена, когда я запросто могла надеть брюки! Увы, в Альбионе на женщину в штанах, мягко говоря, посмотрели бы косо. Пришлось взбираться так, понадеявшись, что инспектор не станет подглядывать.

– Ну как? – шепотом поинтересовался он снизу.

Даже придерживаемая инспектором, стремянка оказалась шаткой. Я вцепилась руками в откос, заглянула внутрь и пожаловалась:

– Видно плохо.

Оконце было слишком узким, пыльным, к тому же затянутым паутиной. Зато кто-то – ручаюсь, дальновидный инспектор, – заботливо его приоткрыл. Так что тихое бормотание полковника, вышагивающего из угла в угол, слышно было превосходно.

– Разве у вас нет бинокля? – подколол Этан чуть слышно. – Я думал, у всех старых дев они есть. Чтобы наблюдать за птичками, конечно.

Захотелось сбросить туфлю ему на голову, но я превозмогла это изменное желание. Вдруг полковник расслышит шум?

Вряд ли, конечно. Он бы и канонады не заметил, вон как мечется. Что-то крепко его угнетало, и вряд ли это была печаль из-за безвременной кончины жены.

Тихо скрипнула дверь, впуская мисс Миллер, и полковник обернулся. Какое мрачное у него лицо! С таким на свидания к любимым не ходят.

– Здравствуй, Рут, – хмуро проронил полковник, даже не делая попытки ее обнять.

Он стоял, засунув руки в проймы жилета, и смотрел на нее исподлобья. Она наклонила голову к плечу, застыв в двух шагах от него. Не слишком похожи на пылких влюбленных.

– Ты так холоден, дорогой... – В ее голосе вместо ожидаемой боли звучала насмешка.

Рут не подкрасилась, не приделалась, даже украшениями пренебрегла. Будто ей все равно, как она выглядит. Или она уверена, что желанна ему в любом виде? Со счастливыми женщинами такое бывает.

– Еще бы, черт возьми! – вспыхнул полковник и поглубже спрятал руки. – Как я могу? Мою жену еще не похоронили.

– То есть живую обманывать можно, а мертвую – нет? Барт, не будь смешным!

Он вдруг порывисто шагнул вперед, схватил ее за плечи.

– Рут, перестань!

Лицо у него налилось краснотой, губы кривились.

– Перестать что? – Она странно улыбалась.

– Говорить ерунду! Нам... – Он отвел взгляд. – Думаю, нам пока не надо встречаться.

– То есть ты собираешься со мной порвать, – заключила она ровно и запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо.

На ее щеках горели пятна румянца, но не похоже было, что Рут собирается устроить скандал.

– Послушай! – гаркнул он, хорошенько ее встряхнув. – Я всего лишь пытаюсь объяснить, что теперь не время... Я не могу на тебе жениться! Не сейчас. Полиция подумает, что...

Полковника было не узнать. Он отводил глаза и мямлил, как всякий мужчина, вдруг обнаруживший, что в пылу страсти наобещал лишнего.

– Ба-а-арт, – протянула Рут и вдруг погладила его по щеке. – Милый, а с чего ты решил, что я хочу за тебя замуж?

Он вытаращил глаза и открыл рот.

– Но... как же?... Мы же...

Она громко рассмеялась. Волосы ее выбились из пучка и рассыпались по плечам, в свете лампы отливая рыжиной. Такая, разгоряченная, она была необыкновенно хороша. Как львица в саванне. А олень, вообразивший себя львом, глазел на нее ошарашенно.

– Мы любовники, Барт. Не больше. И не смей вести себя со мной, как с навязчивой дурочкой. Я не хочу за тебя замуж. Да я вообще не хочу замуж!

Он с глупым видом смотрел на нее.

– Не хочешь замуж? – повторил он недоуменно, будто она всерьез взялась утверждать, что земля квадратная.

– Не хочу! – решительно заявила она, тряхнув головой. – Хватит с меня хозяйства, пересчета круп, простыней и всего в этом духе. Я собираюсь открыть свое дело и...

На этом драматическом моменте с крыши вдруг что-то сорвалось – не то сова, не то летучая мышь – и спикировало мне прямо в лицо.

Я слепо отмахнулась... И, не удержавшись, повалилась вниз.

Стремянка рухнула следом, по счастью, немного в стороне. А я лежала, зажмурившись, и пыталась сообразить, целы ли кости. Опасливо пошевелила сначала руками, потом ногами. Кажется, все в порядке. Повезло, приземлилась на что-то мягкое.

– Мисс Райт, – сдавленно сказала «мягкое». – Мэри! Прошу вас, слезьте. Иначе я как джентльмен вынужден буду жениться.

– Боже упаси! – ужаснулась я и кое-как с него сползла.

Инспектор, кряхтя, сел на покрывале.

– Что вы тут делаете? – потрясенно спросила Рут, стоящая рядом с полковником на пороге.

Яркий свет обрисовывал их фигуры, словно на сцене. Сестра викария куталась в шаль. Полковник Хьюз, багровый и жалкий, силился что-то сказать, но только открывал и закрывал рот.

– У нас... пикник, – нашла я.

Плед на травке, термос, корзинка – все сходится. А что место странное, так вкусы у всех разные. И уж не Рут с полковником нас попрекать!

– Свидание, – поддакнул инспектор и нервно дернул глазом.

Рут перевела взгляд на компрометирующую лестницу.

– Да неужели? – выговорила она сдавленно.

Инспектор опомнился, поднялся на ноги и заговорил совсем иным тоном, отрывистым и официальным:

– Полковник Хьюз, кажется, вы в своих показаниях о многом умолчали.

– Не понимаю, о чем это вы, – набычился полковник.

Жалкая попытка.

– Перестаньте, – поморщился инспектор. – Я уже направил запрос в магазин «Стокс и сыновья», где вы покупали оборудование для мисс Миллер. У них наверняка сохранились ваши чеки. Мисс Миллер, что скажете?

– Глупо отрицать, – пожала плечами Рут, теребя кисти шали. Полковник дернулся и попытался что-то сказать, но она лишь поморщилась. – Не будь дураком, Барт. Разве ты не понял, что нас подслушивали?

– Безобразие! – взревел полковник, однако голос его заметно дрожал, лишая рев привычной мощи. – Без ордера! Личное дело!

– Это общественное место, сэр, – напомнил инспектор очень вежливо. – Для доступа к нему мне не нужен ордер.

Получив этот щелчок по носу, полковник побагровел еще сильнее.

– Кроме того, – продолжил инспектор, убедившись, что противник нокаутирован, – не может быть никаких личных дел, когда речь идет об убийстве.

Полковник затравленно покосился на Рут. Сообразил, видимо, что в случае огласки жениться все-таки придется. Рут от такой перспективы тоже в восторг не пришла.

– Это не имеет никакого отношения к убийству, инспектор, – заявила она и принялась на ощупь закалывать волосы.

– Разве? – усомнился полицейский. – По-моему, это дает вам превосходный мотив.

Я поспешно отвернулась, чтобы не выдать себя улыбкой. Вот как заговорил! А каких-то три часа назад он убеждал меня, что не стоит

верить слухам.

– Чушь! – прогремел полковник.

Его поддержал отдаленный грозовой раскат. Что там утверждал констебль Догсли насчет дождя?

– Мы не убивали. – Рут опустила руки, позабыв о том, что хотела привести себя в порядок. – Послушайте, инспектор. Раз вы... э-э-э... были свидетелем, то должны понять. Барт вовсе не рвется на мне жениться, и я тоже не хочу замуж. Зачем нам убивать его жену?

Умная женщина. Нашла логичные аргументы в свою защиту, в то время как ее мужчина лишь задыхался от гнева и орал.

– Дойди дело до развода, полковник Хьюз остался бы ни с чем, – напомнил инспектор, покосившись на меня. Вспомнил, кто раздобыл эти сведения. – Если бы леди Хэлкетт-Хьюз узнала...

– Но она не знала! – вскричал полковник, резко махнув рукой. – Хелен думала...

Он осекся, а инспектор закончил тихо и безжалостно:

– Думала, что у вас второй медовый месяц?

Полковник убито кивнул и отвернулся, пряча взгляд.

Рут посмотрела на него с презрением и шагнула в сторону.

– Дом Хьюзов вы уже осмотрели, – сказала она, обращаясь к инспектору. – Можете обыскать наш дом и лабораторию. Ручаюсь, вы не найдете там ни следа «пыльцы фэйри».

Это было сказано с такой уверенностью, что инспектор проникся.

– Кхм. – Он задумчиво почесал бровь. – Что же, мисс Миллер, полковник, пока вы можете быть свободны.

Рут Миллер вежливо попрощалась с нами и, даже не взглянув на полковника, быстро ушла. Полковник Хьюз несколько раз порывался что-то сказать, но так и не смог.

– До свидания, – буркнул он, заложил руки за спину и сердито зашагал прочь.

Вряд ли он что-то замечал на своем пути, иначе не ломился бы сквозь заросли, как дикий кабан.

Мы с инспектором переглянулись. Застигнутые любовники впопыхах забыли выключить лампу и запереть дверь, так что света теперь было достаточно.

– Кофе? – предложил он быстро. – Признаюсь, я страшно голоден.

– Спасибо. – Я благосклонно приняла чашку и сэндвич с анчоусами. – Что скажете?

Мы устроились на покрывале. Инспектор полулежал, опираясь на локоть, а я чинно сидела, держа чашку на коленях.

– Не думаю, что это они, – сказал он, покачав головой. – Свои соображения насчет полковника я уже высказал. А мисс Миллер, выходит, устранять леди Хэлкетт-Хьюз тоже ни к чему. Не похоже, что ее интересует брак. Как думаете, она не соврала насчет своего дела?

– Не соврала, – согласилась я, понемногу отпивая кофе. – Она собирается изготавливать косметику и предложила мне стать компаньоном. Хотя, может, и передумает.

Он поднял брови.

– Надо же... И кого вы считаете убийцей теперь?

Насмешка в его голосе была мягкой и необидной.

– А вы кого подозревали? – парировала я. – Раз не верили, что убийца – полковник Хьюз или Рут Миллер?

Инспектор помолчал, тщательно пережевывая сэндвич. Хмыкнул и сказал просто:

– Вас.

Я подавилась кофе и закашлялась. Он терпеливо ждал, не отводя от меня внимательных серых глаз.

– Вы с ума сошли? – наконец осведомилась я, совладав с кашлем. – Зачем мне убивать леди ХХХ? Я была с ней едва знакома!

Он принялся загибать пальцы.

– Во-первых, сразу заметно, что у вас очень теплые отношения с племянницей, а леди Хэлкетт-Хьюз была категорически против брака сына с ней.

– Знаете, инспектор, – фыркнула я, наливая себе еще кофе. Проглотить такие разговоры всухомятку было бы непросто. – Если бы я вздумала позаботиться о счастье Роуз, то убила бы я вовсе не леди ХХХ.

Не говоря уж о том, что убивать глупо. С неугодным человеком можно разделаться куда проще, не рискуя притом собственной шеей.

– Это во-вторых, – согласился он серьезно. – Трудно не заметить, что покушения на Родерика Хьюза были совершены аккуратно после того, как вам стало известно о его нечестных намерениях.

Я хотела язвительно поинтересоваться, не боится ли инспектор оставаться наедине с опасной преступницей, но прикусила язык. Не время проявлять характер.

– Продолжайте, – разрешила я и поскорее заткнула себе рот очередным сэндвичем.

– В-третьих, свидетели утверждают, что леди Хэлкетт-Хьюз позволила себе некоторые оскорбительные намеки о вашей семье. Вряд ли это могло служить мотивом, однако последней каплей – вполне.

Он слишком догадлив.

– Очень логично, – одобрила я, борясь с недостойным леди желанием облизать пальцы. – Я скоро и сама поверю, что ее убила. Очевидно, «пыльцу фэйри» я привезла с собой из дальних стран?

Инспектор развел руками.

– Вы сами это говорите. Это в-четвертых. И, наконец, в-пятых. Мало кому достанет хладнокровия отравить леди за завтраком. Яд в овсянке, тем более такой яд, – это... не по-альбионски.

Меня разобрал смех. У нас, альбионцев, придуманы условности почти на любой случай. Но неужели есть правило даже о том, какую отраву допустимо подсыпать, в какое время суток и как проделать это с должным тактом?

– Как видите, – спокойно сказал он, дождавшись, пока я успокоюсь, – у меня были основания для подозрений. Хотя, между нами говоря, мое начальство считает виновной мисс Карпентер. У нее был веский мотив, была и возможность. Я слышал, некоторые врачи выписывают небольшие дозы «пыльцы фэйри» безнадежным больным, чтобы облегчить неминуемый уход.

– Леди Присцилла – первая пациентка Роуз, – возразила я. – А ей таких сильнодействующих средств не выписывали.

Инспектор покачал головой, как мне показалось, с сожалением.

– После медицинских курсов мисс Карпентер проходила стажировку в Стоунском королевском госпитале. – Он не повышал голоса и не отводил глаз. – И, как скрупулезная и ответственная медсестра, имела доступ к шкафчику с опасными лекарствами.

– Послушайте, – я глубоко вздохнула, пытаюсь мыслить логически, – это же нонсенс. Мотив, возможность... Я не поверила бы даже, что Роуз способна дать Родерику Хьюзу пощечину. Хотя у меня,

видит бог, чесались руки. Она отравила несчастную леди? Подстроила смертельную ловушку бывшему возлюбленному? Ерунда!

Инспектор улыбнулся чуть заметно, уголками губ, и попросил мягко:

– Успокойтесь, я вам верю. Трудно представить, что мисс Карпентер запаслась ядом задолго до знакомства с будущей жертвой. К тому же зачем использовать такой узкоспециальный препарат, как «пыльца фэйри»? Она вполне могла бы позаимствовать из того же шкафчика куда более распространенный морфий или, скажем, снотворное. Словом, лекарство, которое используют повсеместно. Понимаете, о чем я?

– Понимаю, – кивнула я, отряхивая юбку от крошек. – Значит, мы опять возвращаемся к моей кандидатуре?

– Вовсе нет, – возразил он неожиданно и вытер пальцы салфеткой. – Будь вы убийцей, постарались бы сделать все так, чтобы на мисс Карпентер не пало и тени подозрения.

У меня голова пошла кругом. Как только детективы постоянно разбираются во всех этих хитросплетениях?

– Тогда кто?

– Хороший вопрос, – вздохнул инспектор и принялся убирать следы нашего пиршества. – Мэри, уже поздно. Я провожу вас.

Спорить я не стала. Час и впрямь поздний, а в округе шастает убийца. Вряд ли ему взбрело бы в голову избавляться от меня, но как знать?

К «Ивам» мы шли в молчании, но оно не было ни напряженным, ни неловким. Скорее... приятным? Не знаю, о чем думал инспектор Баррет, я же прикидывала, какие клумбы распланировать на будущую весну. Мысли о цветах всегда меня успокаивают.

Остановились мы у ворот.

– Доброй ночи, – пожелал инспектор.

Вид у него был очень уютный, почти домашний. Волосы растрепаны, галстук развязан, через локоть переброшен плед, а в руке – корзинка для пикника. Жаль, стремянка осталась там, а то можно было бы вообразить, что инспектор вздумал штурмовать мое окно. А так ему пришлось бы петь серенады под балконом.

Какая же чушь лезет в голову!

Я услышала краем уха шорох, повернула голову и встретила взглядом с садовником, который замер под деревом с охапкой инструментов. Что ему не спится? Джоунс окинул меня взглядом и скривился. В самом деле, второй поклонник за день. И у кого?

Не знаю, какой черт меня дернул. Такое зло взяло! Я вовсе не собиралась оправдываться. Вместо этого поднялась на цыпочки и поцеловала инспектора в колючую щеку.

– Доброй ночи, Этан.

Развернулась и ушла в дом, спиной чувствуя его взгляд.

Когда утром я спустилась вниз, то обнаружила, что завтракать мне придется в одиночестве. К одиночеству я давно привыкла и не находила его утомительным, однако это было странно.

– А где леди Присцилла? Роуз? – спросила я у почтительной Сисси, которая принесла поднос с яичницей и почту.

– Хозяйка изволили завтракать в постели. – Сисси веско кивнула и продолжила скороговоркой: – А мисс Карпентер доктор обещал покормить в городе. А еще заходил тот важный человек, профессор. Только мисс не застал!

Тишайшая горничная вдруг хихикнула и стрельнула в меня глазами. Это было так неожиданно, что я чуть не выронила вилку.

– Так-так-так... Выкладывай!

Кажется, пока я занималась всякой ерундой, в доме плелись интриги и кипели страсти.

Сисси робко мне улыбнулась и помотала головой с аккуратной кружевной наколкой.

– Да не было ничего такого, мисс. Вроде как наша леди решила купить авто, а доктор обещал ей помочь. Вот они все вместе с самого утра и укатили, чуть ли не на рассвете.

Леди Присцилла взялась за дело всерьез!

Мне же предстояло отрабатывать вчерашний день, когда я, пусть и с позволения хозяйки, манкировала своими обязанностями. Твердо решив пересадить наконец фикусы в более просторные горшки (давно собиралась), устроить нагоняй Джоунсу (не повредит) и переделать еще кучу дел, я наскоро перекусила и отправилась в сад...

Работа кипела в руках, а голова кипела от мыслей. Наиболее вероятные подозреваемые – Рут Миллер и полковник Хьюз – отпали.

Во всяком случае, отодвинулись в конец списка. Потому что если это было игрой, то самой талантливой из всех, какие мне доводилось видеть.

Тогда кто?

Разумеется, себя я не рассматривала, Роуз тоже. Профессор Фаулер с сестрой, как ни прискорбно, вне подозрений. Кто у нас остается? Чарльз Гилмор, Родерик Хьюз, леди Сибил и викарий Миллер. Глупо даже спрашивать, на кого я поставлю...

К пятичасовому чаю леди Присцилла с Роуз еще не вернулись. Очевидно, к выбору автомобиля они подошли со всем тщанием.

Я как раз намазывала булочку маслом, когда в столовую заглянула Сисси.

– Мисс, там вас спрашивают. Мистер Гилмор, мисс.

– Проводите его сюда, – обрадовалась я и поднялась навстречу гостю.

Чарльз появился почти сразу, ослепительный в своем тюрбане и блеске драгоценностей. Хорош, словно языческий бог!

– Мэри, – заулыбался он, отвешивая полный достоинства поклон, – очень рад вас видеть.

– Здравствуйте, Чарльз. – Я протянула ему руку. – Хотите чаю?

Он поцеловал мои пальцы.

– Не откажусь.

Чарльз устроился напротив, а я занялась чаем, гадая о причине неожиданного визита.

– Отбросим условности, – решительно сказала я, передавая ему чашку. – Скажите сразу, что стряслось?

В темных, чуть раскосых глазах что-то мелькнуло.

– Почему сразу стряслось? Быть может, я просто захотел вас увидеть.

Я молча подняла брови, и он сдался.

– Ну хорошо. Я не хотел вас с ходу огорчать.

– Чарльз, – сказала я мягко, – еще немного, и меня хватит сердечный приступ.

Он отставил чашку и поднял руки.

– Сдаюсь. Вчера я решил посидеть в деревенском пабе.

Я прикусила щеку, вообразив это явление падишаха народу. Представляю, какой фурор произвел там Чарльз в сиянии своих

бриллиантов!

Он понимающе усмехнулся.

– Конечно, я оделся попроще. Зачем дразнить гусей? Тем более что я собирался не столько выпить, сколько разжиться местными слухами.

Чарльз умница. Приличной женщине в пабе делать нечего, а послушать, что болтают местные, может быть полезно. Вдруг кто-то что-то видел или слышал, но не пошел в полицию?

– Там было что-то новое?

Кроме свеженьких, с пылу с жару, разговоров о моем легкомысленном поведении, без которых наверняка не обошлось. Вряд ли Джоунс смолчал о моих «поклонниках». И сплетницы с почты тоже не промолчали.

Чарльз слету разгадал намек и сдвинул брови.

– О вас при мне никто болтать не рискнул. Жаль, я был бы не прочь оторвать кое-кому языки.

Приятно, когда мужчина готов за тебя вступиться, пусть даже в этом нет нужды.

– Не томите, – попросила я.

Чарльз так внимательно изучал картину на стене, что дурное предчувствие окрепло. Вряд ли заурядная мазня кисти малоизвестного художника была достойна столь пристального интереса. Не знаю, чем она приглянулась леди Присцилле, вообще-то у нее неплохой вкус.

– Много говорят о... романе вашей племянницы и Родерика Хьюза.

– И что говорят? – поинтересовалась я сухо.

– По правде говоря, многие делали ставки. Насколько быстро... – Он замялся.

– Младший Хьюз уложит ее на спину, – закончила я мрачно. – Я не настолько плохо осведомлена о подобных вещах, как принято думать о старых девах.

Он тонко улыбнулся.

– Вы самая необыкновенная из старых дев, каких я встречал.

– Сомнительный комплимент, – хмыкнула я.

Чарльз вздрогнул, провел рукой по черным волосам.

– Что я говорю! Мэри, вы заставляете меня терять голову.

Я лишь отмахнулась, не придав особого значения этому пылкому признанию. Обычный флирт.

– Чарльз, вряд ли обычные пари, сколь угодно рискованные, заставили бы вас примчаться ко мне. Выкладывайте!

Он откинулся на спинку кресла и пожевал губами.

– Родерик Хьюз похвастался, что крепость пала.

– Что?! – От злости у меня потемнело перед глазами. – Роуз с ним порвала!

– Я так и подумал, – Чарльз поднял на меня темный взгляд, – что Хьюз мстит за разрыв. Но разговоры пошли.

– Спасибо, Чарльз.

Он взял меня за руки и осторожно сжал.

– Простите, Мэри. Я не хотел быть черным вестником, но решил, что вам нужно знать.

– Спасибо, Чарльз, – повторила я и на миг прикрыла глаза. – Вы бы не могли меня оставить? Мне нужно...

– Побывать одной. – Он поочередно поднес к губам сначала одну мою руку, затем вторую и поднялся. – Надеюсь, вы позволите завтра сопровождать вас с племянницей?

– Завтра? – моргнула я. – Ах да! Дознание.

– И похороны. Но на них вы, очевидно, не пойдете?

– Не пойду, – эхом откликнулась я и мотнула головой. – Конечно, Чарльз. Я буду очень рада.

– И пообедаете со мной? – поспешил он развить успех.

Я невольно рассмеялась.

– Хорошо. Я ведь обещала.

– Тогда до завтра, Мэри.

Он ушел, а я зачем-то взяла чашку с остывшим чаем и посмотрела в подернутый пленкой напиток.

Родерик Хьюз перешел черту. Спустить ему такую гнусную выходку? Невозможно! Но что я могу поделать?

Разумеется, в саду есть тис, лавровые деревья, клещевина, наперстянка, красавка. Страшно представить, сколько из привычных нам растений на самом деле ядовиты. Немного экстракта в чай – и проблема решена. Жаль только, что инспектор сразу догадается!

Они появились только к вечеру. Стоя за занавеской, я смотрела, как по подъездной аллее бодро катил автомобиль доктора. Старенький, неказистый, но удивительно шустрый и вместительный. Похоже, доктор Пэйн и впрямь неплохо разбирается в машинах и не позволяет обмануть себя красивой оберткой.

Роуз выпорхнула из авто, довольная и веселая. Улыбнулась доктору, отчего он мгновенно расцвел, и помахала ему рукой на прощанье.

Я вообразила, как ее сияющее лицо потускнеет от боли и обиды, и покачала головой. Не могу! Просто не могу. Роуз все равно ничего не в силах изменить. Оправдываться? Чем яростнее опровергаешь слухи, тем больше им верят. Лучшее оружие против сплетен – загадочная улыбка и гордо поднятая голова. И пусть гадают, что за этим стоит!

Только Роуз слишком мягкая. Вряд ли она выдержит такой гнет.

Я продолжала размышлять, и с каждой минутой идея подлить Родерику Хьюзу в чай добрую порцию яда становилась все привлекательнее. Хорошо, что теперь нас к Хьюзам не приглашают, иначе тяжело было бы удержаться.

Роуз ворвалась в мою комнату, размахивая яркими шарфиками. Зеленый, голубой, алый и серебряный шелк переливался в ее руке, словно праздничные флаги.

– Тетя, дорогая, смотри, что я тебе привезла! Примерь... – Она запнулась на пороге и надула губы. – Фу, ты опять надела это ужасное платье. Ты в нем похожа на...

Она прикусила язык.

– Старую деву, – закончила я с иронией, проводя рукой по ряду мелких пуговок от горла до талии. – Дорогая, я и есть старая дева.

– Нет! – Роуз запальчиво топнула ногой. – За тобой ухаживает мистер Гилмор. И еще инспектор... Ну, так говорят.

Неозвученный вопрос «Неужели правда?» заставил меня рассмеяться. Ох уж эти слухи!

– Дело тут совсем не в сердечных склонностях, и ты это знаешь.

– Не верю! – сказала она упрямо. – Мистер Гилмор так на тебя смотрит...

Соблазн спросить: «Как?» – был таким исконно женским, что я улыбнулась. Надо же, я ведь была уверена, что давно к такому неспособна.

– Дорогая! – Я шагнула к ней и обняла. – Ты добрая девочка и, конечно, желаешь мне счастья.

В воздухе повисло «но...»

Она порозовела и упрямо вздернула подбородок.

– Разве это плохо?

– Это хорошо, – вздохнула я. – Но, боюсь, наше с тобой представление о счастье разное. Поверь, роль старой девы меня вполне устраивает.

Роуз округлила глаза.

– Ты не хочешь замуж?!

На мгновение она стала удивительно похожа на полковника Хьюза, который задавался тем же вопросом.

– Не хочу. И мистер Гилмор далек от подобных намерений, он рассчитывает лишь немного поразвлечься.

Роуз вспыхнула и открыла рот для гневной тирады. Такие вещи она с недавних пор принимала близко к сердцу.

– Не в этом смысле, дорогая. – Я приложила палец к ее губам. – Всего лишь подразнить местных кумушек.

– Но профессор говорит... – начала Роуз запальчиво.

– Профессор? – нахмурилась я. – Разве вы виделись?

Она так выразительно порозовела, что я лишь вздохнула. Ничего не оставалось, кроме как взять ее под локоть и спросить:

– И что же он говорит? Кстати, хочешь чаю?

– Скоро обед, – отмахнулась она, опустилась на стул и сообщила с придыханием: – Что у женщин особое предназначение.

Я хмыкнула. Тоже мне, откровение.

– Дом, церковь, дети? Дорогая...

– Забота, поддержка и продолжение рода! – поправила она запальчиво.

По мне, невелика разница.

Если Роуз это проглотила, то дело плохо. Она ведь мечтала лечить людей, а теперь готова променять призвание на идею всецело раствориться в муже. Ох уж эти юные максималистки!

Когда мы спустились к обеду, леди Присцилла уже восседала за столом и просматривала почту. Утром она, по-видимому, сделать этого не успела.

На белоснежной скатерти справа от пустой тарелки возвышалась горка уже прочитанных писем, слева дожидались своего часа еще несколько посланий и местные газеты. Впрочем, леди Присцилла их не читала, ограничиваясь колонкой объявлений о рождениях, свадьбах и похоронах. Мол, значение имеют лишь жизнь и смерть, остальное волновало старую леди не больше, чем тараканьи бега.

– Кхм, – только и сказала она, вскрыв очередной конверт.

Горло у меня сдавил спазм, стоило заметить криво наклеенные печатные буквы. Обратного адреса не было.

– Мисс, – испуганно прошелестела горничная и положила передо мной такой же дешевый конверт, еще и в жирных пятнах. – Это не я испачкала, клянусь!

– Не волнуйся, – отмахнулась я, брезгливо разглядывая анонимку. Узнать бы, кто так развлекается!

Роуз тихонько вскрикнула.

– Тетя Мэри, это же!..

Осеклась и испуганно покосилась на леди Присциллу, которая отбросила свое письмо.

– Именно, – подтвердила я мрачно и отодвинула конверт ножом.

Прикасаться к нему не хотелось. Казалось, стоит вскрыть, изнутри полезет какая-нибудь мерзость вроде пауков.

Старая леди усмехнулась.

– Какие жирные у вас грехи! Не хотите посмотреть?

Точно, прямо сочатся. Только бы скатерть не испортили.

– Зачем? – пожалала плечами я. – Нельзя влезть в лужу и не испачкаться. Лучше отнесу конверт в полицию. Пусть поищут отпечатки или что там они обычно ищут.

Я вдруг заметила, что горничная вся побелела и дрожит.

– Сисси, по-моему, ты заболела.

– А? – вздрогнула она и замотала головой, теребя передник. – Нет, нет, все хорошо, мисс!

Леди Присцилла окинула ее взглядом и скомандовала:

– Выпей чаю и приляг.

– Спасибо, – пролепетала горничная и выбежала из столовой.

Во взгляде леди Присциллы прорезалось нечто, напоминающее задумчивость. Она подцепила свое письмо столовым ножом и подвинула ко мне.

– Вы правы, милая моя. Что же, тогда отнесите и это. Думаю, им пригодится.

Я понятливо кивнула и осторожно завернула письма в носовой платок.

– Прошу меня извинить, – поднялась я из-за стола. – Мне срочно нужно позвонить.

Завтра ведь дознание, инспектору будет не до меня.

– Постарайтесь их вернуть, – напутствовала леди Присцилла мне вслед. – Я раздобуду на днях санкцию на отличное проклятие.

Ой-ой-ой. Кажется, об анониме можно больше не беспокоиться. Или, наоборот, пора беспокоиться?..

Соединили почти сразу. С трубкой в руках я вышагивала туда-сюда по крошечной комнатке, теперь приспособленной под телефонную. Могу поспорить, раньше тут был чулан.

– Мисс Райт? Что случилось? – В голосе инспектора звучала неприкрытая тревога.

Я решила быть краткой:

– Надо поговорить. Мы можем встретиться?

Думала, он снова предложит дуб на вершине холма, чтобы быть у всех на глазах. Но инспектор сказал, хмыкнув:

– Через час на месте пикника вас устроит?

– Конечно, – заверила я с облегчением. – До встречи.

Прежде чем опустить трубку на рычаг, я услышала смешок и негромкое:

– В конце концов, надо ведь забрать лестницу...

Когда я оказалась в условленном месте, инспектор меня уже поджидал. Но не один, а с констеблем Догсли, ужасно серьезным в своей форме и сползающем на нос шлеме. Портупея его сияла, карие глаза блестели, на длинной физиономии был написан восторг.

– Надо же кому-то таскать тяжести вместо старого больного начальника, – пошутил инспектор, заметив мое удивление.

Он вновь прихватил корзинку и плед. Ежевечерние посиделки рядом с кладбищем превращались в традицию.

Только констебль Догсли, который застыл навтыжку рядом со злополучной лестницей, несколько портил расслабленную атмосферу.

– Констебль будет очень кстати, – ответила я со вздохом. – И я не о тяжестях.

Инспектор прищурился и как-то разом подобрался.

– Вот как?

– Взгляните. – Я вытащила из кармана злополучные письма, к которым присовокупила и вчерашнее, адресованное Роуз. – Только осторожно, постарайтесь не смазать отпечатки.

Он бросил на меня острый взгляд и принялся за дело. Начал с письма леди Присцилле, состоящего всего из двух фраз: «Зло надо наказать. Грехи взывают!»

На редкость невнятно, зато весьма загадочно. Несколько грубых ошибок вроде бы указывали на человека малограмотного, хотя их вполне могли сделать намеренно.

Инспектор отложил первое письмо в сторону, так же внимательно прочитал второе, для Роуз, и взялся за грязный нераспечатанный конверт. Осторожно подцепил край перочинным ножом и вытряхнул лист.

Я встала у полицейского за плечом. В конце концов, это ведь адресовано мне.

– «Это сделала ты!» – прочитал инспектор вслух и скосил глаза на меня. – Весьма загадочно.

– Пусть жертва сама придумает, в чем виновата?

Три письма – и все полны лишь туманных намеков.

Порывшись в памяти, любой отыщет пару-тройку грешков. Такое впечатление, что этот аноним палит наугад.

– Интересно, зачем ему это? – почесал бровь инспектор. – Денег он пока не требует, а жаль. Было бы проще отследить.

Констебль, о котором мы позабыли, громко откашлялся и шагнул вперед.

– Сэр! – выпалил он срывающимся от волнения голосом. – Я могу попробовать унюхать след, сэр!

Ни дать ни взять восторженный щенок. Только что хвостом не машет.

Инспектор одобрительно кивнул.

– Отлично, Догсли. Приступайте! Мисс Райт, давайте присядем. Не будем мешать.

Кхм, а куда подевалось «Мэри»? То ли сомнительная близость с подозреваемой инспектора тяготила, то ли он избегал демонстрировать ее низшим чинам.

Констебль Догсли как-то по-особому встряхнулся, опустил на четвереньки и пошевелил носом, на который немедленно сполз шлем. Залившись краской, констебль стащил шлем, аккуратно пристроил его на покрывале и вновь принялся. Пегую макушку золотили лучи заходящего солнца.

– Пахнет пирожками, сэр!

Так вот от чего были те жирные пятна!

– Больше ничего интересного? – уточнил инспектор без тени недовольства.

Констебль сокрушенно качнул головой и неловко поднялся на ноги. Отряхнул испачканные травой брюки.

– Простите, сэр. Пирожки с ливером, вот и все. – Он хлопнул белесыми ресницами и уточнил: – Свежие. И специи еще.

Желудок у него выразительно забурчал, и констебль стал похож на напрудившего лужу щенка.

– Давайте перекусим, – улыбнулся инспектор, – а вы, мисс Райт, выкладывайте подробности.

Констебль садиться с нами не хотел ни в какую. В конце концов инспектор выдал ему несколько сэндвичей и отослал караулить гипотетических врагов. Вдруг кто-то вознамерится подслушать? Или, чего доброго, покусится на мирно жующего инспектора. Такой потери полицейский департамент не переживет.

– Рассказывайте, – вздохнул инспектор, с аппетитом принимаясь за еду.

Очевидно, поесть он не успел. Весь в трудах, в заботах.

Как-то само собой получилось, что я выложила ему не только о письмах, но и о слухах, распущенных Родериком Хьюзом. Никогда не имела привычки жаловаться на свои неприятности, но мне требовалось поделиться хоть с кем-то. А инспектор оказался слушателем на редкость понимающим.

– Вот... пакостник! – не удержался он.

Очевидно, ему хотелось выразиться покрепче, но воспитание не позволяло.

– Еще какой, – поддержала я с чувством.

У меня тоже на языке вертелись куда более емкие обороты.

– Вы, конечно, этого так не оставите? – поинтересовался он, запивая очередной сэндвич чаем. – Что вы намерены делать?

– Подсыпать яду? – ляпнула я и прикусила язык.

Не стоило демонстрировать полицейскому столь явные преступные наклонности, пусть даже в шутку.

– Как инспектор полиции, я не могу этого одобрить, – сказал он строго, но лукавые морщинки у глаз его выдавали. – Хотя как человек – понимаю.

– Вряд ли Роуз понравится быть родственницей убийцы, – вздохнула я. – Так что придется отплатить Родерику Хьюзу как-то иначе.

– То есть? – заинтересовался он и склонил голову к плечу.

Солнце почти зашло, ограда кладбища за спиной инспектора смотрелась очень живописно. Как жаль, что у меня не было при себе фотоаппарата!

Я вздохнула и созналась:

– Пока ничего толкового не придумала. В голову лезут только мелкие пакости, а тут нужно что-то... – я пошевелила пальцами, – соразмерное.

Мы переглянулись и сказали хором:

– Сплетня!

Единственный способ заставить местных жителей перестать говорить о Роуз – подsunуть им новую тему для пересудов.

Я мысленно потеряла руки и предложила с азартом:

– Пьянство? Карты? Непристойное поведение?

Хорошая сплетня всегда должна опираться на реальную основу, иначе в нее никто не поверит. Благо праведником Родерик отнюдь не был, так что грешков у него найдется с лихвой.

Инспектор пожевал губами и сокрушенно качнул головой:

– Не годится. Это ему простят.

Я потеряла переносицу. Увы, он прав. Родерик ведь богат и знатен, как-никак, будущий пэр. Такому многое позволено.

– Тогда что? Тайная жена? Внебрачный ребенок?

– Вы начитались романов, Мэри, – фыркнул инспектор и с сомнением посмотрел на последний сэндвич. – Будете?

– Ешьте, – отмахнулась я. Отчего-то слышать это его «Мэри» было приятно. – Выкладывайте. Я же вижу, что у вас есть идея.

– Не шовшем, – возразил он с набитым ртом, прожевал и уточнил: – Не совсем. Знаете, часто бывают случаи, когда непутевые сыновья подделывают чеки родителей. Таким делам редко дают ход, но...

Я нахмурилась. Это он к чему?

Инспектор молча ел, поглядывая на меня со значением.

Я прищелкнула пальцами.

– Родерик состряпал фальшивый чек?

Очевидно, ту историю замаяли, но в полицейских архивах она осталась. А инспектор Баррет, конечно, выяснил подноготную всех фигурантов.

– Я ничего такого не говорил.

Зато очень прозрачно намекнул.

Я порывисто протянула ладонь.

– Спасибо, Этан.

– Будем считать, – улыбнулся инспектор, – что таким образом я предотвратил убийство.

Встала я спозаранку. Стояли жаркие летние дни, когда поливать цветы надо или на рассвете, или на закате. Вечером я собиралась пообедать с Чарльзом, так что все дела в саду и оранжерее пришлось переделать утром. Леди Присцилла очень снисходительна, но не стоит без конца испытывать ее терпение. Благо Джоунс наконец смирился и больше не устраивал диверсий, только бурчал что-то себе под нос.

Я отнесла на кухню корзинку с первыми огурцами и только поднялась к себе, как в мою комнату ворвалась запыхавшаяся Роуз.

– Тетя, смотри, что у меня есть! – выкрикнула она и потрясла в воздухе нежно-голубым платьем. – Миссис Боллитл расстаралась.

– Думаешь, это уместно надеть на дознание? – осведомилась я скептически.

– На свидание! – поправила Роуз лукаво. – Ты ведь сегодня обедаешь с мистером Гилмором?

Я только глаза закатила. Что быстрее скорости света? Сплетни в деревне.

– Кто тебе сказал, дорогая?

– Какая разница? – уклонилась Роуз. – Я принесла чулки, сумочку, перчатки и...

– Пощади! – взмолилась я со смехом. – Мистер Гилмор подумает, что я открыла на него охоту.

– Это он на тебя охотится, – фыркнула Роуз, придирчиво меня рассматривая. Голубой шифон она аккуратно повесила на плечики. – А на дознание...

– А на дознание я надена серое, – перебила я. – И не спорь.

Роуз надулась.

– Тетя Мэри, ну нельзя же так! В том платье ты выглядишь как гувернантка из прошлого века.

Вот и отлично. Впрочем, Роуз этого не объяснить. Я и не пыталась, просто мягко настояла на своем. Племянница заставила-таки меня надеть серебристый шарф, который подарила накануне. Шарф немного умерил строгость наряда, зато мои глаза словно поблекли и посерели. Глаза у меня голубые, но не такие яркие, как у племянницы.

Роуз огорчилась почти до слез.

– А я думала, тебе будет к лицу.

– Дорогая, – сказала я, целуя ее в лоб. – Не расстраивайся, мне нравится.

– Правда?

– Истинная! – Я, дурачась, надавила пальцем на кончик ее носа. – А теперь беги одеваться. Там ведь соберется вся деревня.

И не только.

Роуз просияла и убежала, а я критически осмотрела себя в зеркале. Гувернантка пыталась принарядиться, но вышло так себе. Отлично!

Чарльз пунктуальностью своего друга-инспектора не отличался. Он даже немного опоздал.

Когда к «Ивам» подкатил серебристый лимузин (сегодня Чарльз предпочел его), была уже четверть второго. Впрочем, времени оставалось с запасом.

– Мэри, вы чудесно выглядите! – немедленно заявил Чарльз, смерив меня одобрительным взглядом.

Я притворилась, что поверила. Не зарделась, конечно – это было выше моих сил, – но опустила ресницы.

– Спасибо. Мы готовы, можем ехать.

Чарльз кивком поприветствовал Роуз, которая по моему примеру оделась очень скромно, и леди Присциллу в сложном густо-фиолетовом наряде.

– Леди, – сказал он с поклоном, – общество таких прекрасных дам делает мне честь.

– Лъстец, – заулыбалась леди Присцилла, делая вид, будто собирается огреть его тростью.

Чарльз со смехом уклонился и поднял руки. Он, очевидно, был в прекрасном настроении.

– Сдаюсь! Нам нужно поспешить, иначе лучшие места будут заняты.

Он распахнул дверцу и протянул руку леди Присцилле.

– Только не говорите, что ваш друг-инспектор не придержит для нас скамью в первых рядах, – прищурилась старая леди, величаво принимая его помощь.

– От вас ничего не скроешь, – с показным смирением склонил голову он. – Леди, я потрясен и нокаутирован. И все же поторопиться стоит. Хотя бы для того, чтобы воочию наблюдать прибытие остальных.

– Какой умный мальчик. – Леди Присцилла одобрительно потрепала его по руке и уселась в авто.

Роуз округлила глаза. В ее понимании сорокалетний холостяк едва ли мог именоваться мальчиком, но для восьмидесятитрехлетней ведьмы его возраст был сущим пустяком.

Пресловутый дом собраний стал мне уже почти родным. При ярком солнечном свете здание выглядело еще более хмурым и неказистым.

Зато жители Дорсвуда были разодеты как на праздник. У входа прохаживались почтенные матроны с семьями, под кипарисами хихикали парочки, а чуть поодаль ушлая миссис Шилдс продавала лимонад и сладости. «Хлеба и зрелищ», как завещали нам ромеи.

Появление лимузина встретили сдержанным гулом. Под перекрестьем любопытных взглядов мне стало не по себе, а шепотки «Говорят, они...» и «Да ты что!» вызывали давний страх и острое желание спрятаться.

Я лишь распрямила плечи. Нельзя выказывать слабость. Толпа этого не прощает.

– Последний раз дознание проводили три года назад, – тихо сказал Чарльз, помогая мне выйти из авто. – Из-за местного пьяницы, который утонул в реке.

– Вот уж не знала, что вы так долго тут живете.

Он ничуть не походил на деревенского жителя, хотя старый дом принадлежал его семье чуть ли не двести лет.

– Нет, конечно. За три года тут я бы умер от тоски. Хотя в вашем обществе, Мэри, я скучать не стану.

Чарльз задержал мою ладонь в своей, и шепотки за спиной стали громче. Было что-то донельзя волнующее в том, как он флиртовал со мной на глазах у всех.

– Чарльз, вот ты где. – Голос инспектора звучал сухо.

Мистер Гилмор неохотно выпустил мою руку и повернулся к другу.

– Зачем я тебе вдруг понадобился? – поинтересовался он, растягивая слова.

Смотрелись они забавно. Чарльз Гилмор, одетый с варварской роскошью – и инспектор Баррет в скромном светло-сером костюме с неброским галстуком.

– Коронер хочет с тобой поговорить.

– О чем же? Впрочем, ладно. Пойдем. – Он улыбнулся мне и сказал нежно: – Не скучайте, Мэри. Я скоро вернусь.

Инспектор увел Чарльза, а меня подхватила под локоть Роуз.

– Ты видела? Видела? – прошептала она восторженно. – А ты говоришь, он к тебе равнодушен!

– Роуз, – сказала я с укором.

Не время и не место для таких разговоров. В толпе всегда найдутся длинные уши.

Счастье еще, что в Дорсвуде нет ни одного оборотня! (Констебль Догсли не в счет.) Вот кто расслышал бы даже писк летучей мыши или шорох мушиных лапок. Потомки темных фэйри и не на такое способны, мне ли не знать.

Роуз скорчила гримаску.

– Ладно-ладно, молчу.

По счастью, за поворотом приглушенно заурчал мотор, и к дому собраний подкатило сразу три автомобиля.

Из старомодного «крайслера» вышел полковник Хьюз, как никогда багровый и напыщенный. Он выглядел так, словно галстук передавил ему шею. За рулем спортивного авто был Родерик Хьюз, который любезно подвез леди Сибил. А в алом кабриолете прикатили профессор Фаулер и Леона Фаулер. Леди Сибил была неотразима в черном, профессор строг и как никогда прекрасен в темно-синем, а кинозвезда нарядилась в роскошное серебряное платье.

Толпа в один голос ахнула, и вовсе не от восхищения красотой дам. Общее внимание привлек синяк – чтобы не сказать фингал! – под заплывшим глазом Родерика Хьюза.

Мои губы сами собой расплылись в улыбке. Так его!

Роуз рядом ахнула и стиснула мои пальцы.

– Тетя, кто?..

Хороший вопрос. Что-то мне подсказывало, что вряд ли Родди в темноте загремел с лестницы. Похоже, он все-таки доигрался.

Роуз выглядела слишком потрясенной и радостной, чтобы это не вызвало кривотолков.

– Дорогая, – шепнула я, – давай отойдем.

Она молча кивнула, позволяя мне увлечь себя в сторону.

– Роуз, возьми себя в руки! – велела я ей на ухо. – За нами наблюдают.

Еще как наблюдают! Даже лопатки зачесались. Чудо еще, что в спине дыру не прожгли.

– Да, прости... – Она опустила голову и принялась зачем-то рыться в сумочке.

Достала платок и тут же обронила, а подошедший доктор его поднял.

– Возьмите, мисс Карпентер.

Он вложил в ее ладонь кусочек батиста. Роуз, не поднимая глаз, тихо поблагодарила.

Хм, а это еще что?.. Под моим взглядом доктор Пэйн быстро убрал руки за спину.

– Доктор, – сказала я решительно, – могу я оставить племянницу на вашем попечении? Мне нужно отлучиться.

Вышло, пожалуй, чересчур высокопарно, зато доктор воспрянул духом.

– Конечно! – заверил он с жаром. – Не беспокойтесь, я позабочусь о мисс Карпентер.

И покраснел так, что глазам стало больно...

К столику с лимонадом выстроилась небольшая очередь. Продвигалась она медленно, поскольку милейшая миссис Шилдс щедро оделяла покупателей и напитками, и порцией сплетен на десерт. Я не вмешивалась – сейчас это было мне на руку.

– Будьте добры, два стакана лимонада и две булочки с корицей, – попросила я, когда до меня дошел черед.

Миссис Шилдс слегка смутилась, но смущение ее было мимолетным, как полет мотылька.

– Видели синяк Родерика Хьюза? – выпалила она, протирая стаканы.

– Конечно, – кивнула я, вынимая из сумочки мелочь. – И поделом!

Острый носик миссис Шилдс дернулся, почуяв тайну. Она подалась вперед.

– Вы что-то об этом знаете?

– Не то чтобы... – ответила я обтекаемо. – Но одна подруга рассказала мне по секрету...

– Да-да! – подбодрила она, еле дыша от нетерпения.

– Только это тайна.

– Буду нема как могила! – заверила миссис Шилдс пылко.

Я с трудом сдержала усмешку. Театрально огляделась по сторонам и сообщила громким шепотом:

– Муж моей подруги Элизабет работает в банке.

– Ну-ну?

– Так вот, он рассказывал, что однажды у них было громкое дело. Мошенничество, вы понимаете?

– Неужели поддельный чек? – прошептала миссис Шилдс, глаза которой сияли от любопытства.

– Именно, – веско кивнула я. – Не хочу возводить на человека напраслину, но...

– Но?

– Стивен Флетчер – это тот самый муж подруги – в общем, он говорил, что дело едва удалось замять. Леди Хэлкетт-Хьюз лично умоляла начальника полиции... Вы меня понимаете?

– Леди Хэлкетт-Хьюз? – повторила она заворуженно. – Значит, Родерик Хьюз подделал чек и дело едва не дошло до суда? Но зачем ему...

– Разные ходят разговоры, – ответила я уклончиво. – Другая моя подруга, Банни, рассказывала, что молодой мистер Хьюз ведет очень *невоздержанный* образ жизни.

И пусть каждый понимает в меру своего разумения.

Она прижала руки к груди.

– А что вам известно о...

Я торопливо оглянулась.

– Простите, меня зовет племянница.

Я ловко выхватила из рук миссис Шилдс заказанный лимонад и была такова.

Чарльз Гилмор оказался прав. Нам достались лучшие места, первый ряд напротив присяжных и коронера. Компания рядом подобралась знакомая: полковник Хьюз с сыном, викарий Миллер с сестрой, леди Сибил, профессор Фаулер с Леоной, Чарльз Гилмор и, конечно, мы с Роуз и леди Присциллой. Как будто инспектор позаботился собрать всех подозреваемых в одном месте.

В трауре были лишь леди Сибил и полковник с сыном, остальные не стали демонстрировать фальшивую скорбь и обошлись уместными скромными нарядами, а Леона Фаулер и вовсе разоделась как на праздник. Впрочем, никакой траур не мог приглушить вызывающий шарм леди Сибил, черное платье и шляпка лишь подчеркивали капризный изгиб ее губ и плавные очертания фигуры. Леоны то и дело косилась на нее с завистью, которую леди Сибил игнорировала самым оскорбительным образом. Наша кинодива злилась все сильнее и уже с трудом держала себя в руках. Зато Рут Миллер отчего-то выглядела усталой и, кажется, заплаканной. Неужели полковник все-таки задел ее сердце?

Коронер, худощавый мужчина с лошадиным лицом, долго рассусоливать не стал. Он очень сухо и коротко изложил суть дела, обвел присяжных внимательным взглядом и осведомился:

– Все понятно?

Если у кого-то и были вопросы, то сознаться в этом никто не рискнул.

Первым свидетелем вызвали инспектора Баррета. Он вкратце описал, кто убит, как и где. Сведения о покушениях на Родерика Хьюза инспектор попридержал.

– Есть ли у полиции основания для ареста кого-либо? – поинтересовался коронер.

– Нет, сэр! – отчеканил инспектор, вызвав гул среди зевак.

– Тишина в зале! – потребовал коронер, постучав по столу. – Иначе я прикажу очистить помещение. Спасибо, инспектор. Будьте добры, пригласите доктора Пэйна.

Доктор явился сразу, бледный и спокойный. В строгом костюме ему явно было неловко, а воротничок слегка жал. Однако держался доктор уверенно.

– Опишите, – попросил его коронер, когда с формальностями было покончено, – что вы обнаружили при осмотре леди Хэлкетт-Хьюз.

– К сожалению, я не успел помочь леди. К моменту осмотра она уже была мертва.

– Что же стало причиной смерти?

– Отравление! – отчеканил доктор, вызвав очередной всплеск шепотков. – Ядом *faeries ego*, более известным, как «пыльца фэйри».

– Значит, – подался вперед коронер, – вы убеждены, что смерть не была вызвана естественными причинами? Насколько я знаю, отравление этим ядом по симптомам напоминает сердечный приступ.

– Убежден, – не дрогнул доктор. – Большие дозы «пыльцы фэйри» действительно провоцируют смерть от острой сердечной недостаточности. Однако при нормальном, если так можно выразиться, сердечном приступе у пациента изо рта не идет пена, что мы наблюдали в данном случае. Кроме того... – Он переждал разговоры в зале и очередную попытку коронера их утихомирить и повторил с нажимом: – Кроме того, я присутствовал при вскрытии, которое делал мой коллега, полицейский врач доктор Мортон, и оно подтвердило первоначальный диагноз.

Коронер прищурился.

– А какова летальная доза? И можете ли вы определить, сколько яда получила леди?

– В медицинской практике используются дозы не более половины грана. Летальная доза – примерно два грана.

Немного же нужно этой «пыльце», чтобы убить человека!

Доктор продолжил после паузы:

– В организме леди Хэлкетт-Хьюз, – сложную фамилию он отчеканил без запинки, – обнаружено около пяти гран.

– То есть вы полагаете, что случайная передозировка исключена?

– Делать выводы не в моей компетенции, сэр. Я лишь привожу медицинские факты.

Коронеру явно понравился ответ. Он сказал с улыбкой:

– Благодарю вас, доктор. Можете быть свободны.

Со своего места поднялся инспектор Баррет. И сейчас его никто не назвал бы незаметным. Ровная осанка, широкий разворот плеч, уверенный взгляд.

– Ваша честь, полиция ходатайствует о переносе слушания для производства дополнительного расследования.

Коронер, с которым этот ход был, по-видимому, заранее согласован, кивнул.

– Ваше ходатайство удовлетворено. Полиции предоставляется две недели, по истечении которых присяжные вновь соберутся для вынесения окончательного вердикта. Слушание завершено.

Он поднялся и вышел, следом гуськом потянулись присяжные.

Зрители с задних рядов выходили первыми. Терпеливо выждав, пока зал опустеет, мы с Роуз и леди Присциллой собрались проследовать к выходу, когда дорогу нам заступил Родерик Хьюз.

Руки он сложил за спиной и вид имел до крайности мрачный.

Что ему понадобилось? Неужели уже прослышал о свеженькой сплетне?

– Мисс Карпентер, – выдавил младший Хьюз, откашлявшись. Губы у него тоже припухли, на нижней запеклась кровь. – Мне нужно с вами поговорить.

– Слушаю вас.

Роуз побледнела, но держалась мужественно. Зато взгляд Родерика вихлял, как пьяный матрос.

– Я... Я прошу прощения... – Он сглотнул и закончил громко: – За ложь, которая запятнала ваше доброе имя!

Я выронила сумку.

Зеваки, которые еще не успели выйти, застопорились у дверей и вытягивали шеи.

Долгую минуту Роуз смотрела на бывшего возлюбленного. Он глаз не поднимал.

– Я принимаю ваши извинения, – сказала она сухо и добавила, помолчав: – Я рада, что не вышла за вас замуж! Пойдем, тетя.

Она взяла меня под руку.

Родерик кивнул и попытался ретироваться. Не тут-то было!

– Так-так-так. – Леди Присцилла рукояткой трости уцепила его за локоть. – Молодой человек, я ведь вас предупреждала.

– Тетя! – страдальчески простонал он.

Дергаться, впрочем, благоразумно не стал. И правильно: от старой ведьмы даже на автомобиле не удерешь.

Леди Присцилла покачала головой.

– Запомни, Родерик Хьюз. Еще одна такая выходка – и я тебя прокляну.

Роуз судорожно вздохнула, а Родерик дернулся и неверяще поднял голову.

– Вы не можете! Это же противозаконно.

– Заплачу штраф, – отмахнулась она. – А вот ты, милый мой...

И прошептала ему на ухо несколько фраз, от которых Родди Хьюза прошиб холодный пот.

– Надеюсь, мы друг друга поняли, – закончила леди Присцилла, отпуская жертву. – А теперь – брысь!

Родерик, спотыкаясь, рванул к выходу.

Леди Присцилла отряхнула руки в перчатках и процедила:

– Слизняк! Прошу прощения, милые мои. Я тороплюсь на похороны бедной Хелен.

Погребение должно было состояться в четыре, но на кладбище пригласили только членов семьи. Хьюзы делали все, чтобы избежать лишней огласки.

Леди Присцилла отбыла, величественная, как каравелла, а я восхищенно покачала головой. Потрясающая женщина!

У дверей Роуз перехватил профессор Фаулер, который предложил свозить ее на ленч.

– Тетя Мэри, ты не обидишься?

Взгляд у нее был такой умоляющий, что я не нашла в себе сил отказать.

– Прогуляйся, дорогая. Это пойдет тебе на пользу.

– Спасибо, тетя! – Роуз слабо мне улыбнулась и пошла следом за профессором к его авто.

Родерик Хьюз, изо всех сил сохраняя подобие спокойствия, уселся в свою машину и завел мотор.

А меня догнал инспектор.

– Интересно, как ему это удалось? – негромко поинтересовался он, глядя вслед отъехавшему автомобилю Родерика.

– Ему? – повторила я, чуть повернув голову. – Вы знаете, кто?..

«Вправил мозги юному Хьюзу», – хотела я сказать, но была слишком благоразумна, чтобы выражаться так на публике. Что позволено леди Присцилле, то не позволено ее скромной компаньонке.

Уголки губ инспектора дрогнули.

– А вы разве нет?

И выразительно покосился на доктора Пэйна, который потерянно смотрел Роуз вслед. Сбитые костяшки пальцев доктора от взора инспектора явно не укрылись.

– Интересно, чем он ему пригрозил? – проговорил Этан задумчиво. – Что?.. Вряд ли Родерика Хьюза настолько испугала парочка синяков.

Я замаялась. Как ни хотелось мне считать Родди трусом, инспектор был прав.

– Какая разница? Главное, что это подействовало.

Инспектор посмотрел на меня как-то странно.

– Неужели вы настолько нелюбопытны?

– Я предпочитаю не лезть, куда не просят.

Когда получается.

– Кстати, – спохватился инспектор, отводя меня в сторону. – Помните, вы упомянули, что горничная испугалась, когда увидела анонимные письма?

– Помню, – нахмурилась я. – И что с того?

– У нее были причины нервничать.

– Не томите же!

– Чувствую себя фокусником, вынимающим кроликов из шляпы. Так вот, ваша Сисси запаниковала, потому что письма должны были отдать в полицию для снятия отпечатков.

Я потеряла занывший висок.

– Сисси рассылает эти грязные письма? Не верю!

– И правильно делаете. Ее отпечатки в изобилии имеются на конверте, но отсутствуют на самом письме. Зато они нашлись в полицейской картотеке.

– Сисси – преступница? Да быть не может!

Я вспомнила робкую некрасивую горничную, всегда готовую услужить.

– Может, – развел руками инспектор. – Хотя судима она была давным-давно, еще в шестнадцать лет. За кражу.

Вот не было печали! Как я могла так оплошать? А ведь считала себя неплохим знатоком человеческих душ.

Я спросила мрачно:

– Хотите сказать, леди Присцилле следует проверить свои украшения?

– По мне, едва ли. Сесилия Питерс попалась лишь однажды, когда обнесла продуктовую лавку. Она набрала сыров и колбас, к тому же повредила дорогой замок. Хозяин был в бешенстве и требовал самого строгого наказания. Подсудимая плакала и клялась, что украла еду для больной матери. Избитая уловка, но суд ей поверил. Угадаете, почему?

– Потому что она не тронула кассу, – ответила я, не задумываясь.

Инспектор улыбнулся мне.

– Именно!

– О чем это вы тут болтаете? – Подошедший ко мне со спины Чарльз собственническим жестом обнял меня за талию.

Инспектор кривовато улыбнулся.

– Тайна следствия.

– Пфф! – выразил свое отношение Чарльз. – Мэри, позвольте мне украсть вас у этого занудного полицейского, раз уж он не нашел другой темы для разговора с прекрасной женщиной.

– Вы мне льстите, Чарльз, – сказала я, осторожно высвободившись.

Что за штучки? И так сплетен с лихвой.

– Отвезти вас домой? – предложил он.

Хватать меня он больше не пытался, однако держался так близко, как только возможно.

Отказаться я не успела. Из-за поворота, громко фырча мотором, выкатил ярко-синий кабриолет. Водитель был без шляпы, и на солнце его роскошная грива переливалась всеми оттенками рыжего.

Автомобиль эффектно затормозил в шаге от меня. Водитель, не утруждаясь распахиванием дверцы, попросту через нее перемахнул. И пошел прямо на меня, на ходу распахивая объятия. Худощавый, жилистый и крепкий, как никогда похожий на льва.

– Дорогая! Как чертовски долго мы не виделись.

Почти три года, если быть точной.

– Патрик! – Мне хотелось завизжать и броситься ему на шею, но я ограничилась тем, что протянула руки. – Где ты пропадал?

Он рассмеялся, сжимая мои ладони.

– Моя матушка обычно говорит: «Где тебя носило?» А я отвечаю...

– То тут то там! – закончили мы хором.

– Милая, – посерьезнел он, заглянув мне в лицо, – как ты?

Ярко-зеленые глаза Патрика были полны нежности. Он и впрямь был рад меня видеть.

– Все хорошо, – отмахнулась я.

– Ты стала еще красивее, знаешь?

– Глупости. – Я шутливо толкнула его в грудь.

Патрик поиграл бровями.

– Представишь меня своим друзьям?

– Конечно. – Я обернулась к Чарльзу с инспектором и напоролась на два совершенно одинаковых недовольных взгляда. Это что за новости? – Дорогой Патрик...

Чарльз от этого скривился еще сильнее, а лицо инспектора, напротив, окаменело.

– Позволь тебе представить, – продолжила я, делая вид, что ровным счетом ничего не замечаю, – инспектора Баррета из Ярда. Инспектор расследует дело об убийстве леди Хэлкетт-Хьюз.

– Наслышан, – кивнул Патрик, с неприкрытым любопытством рассматривая полицейского, которого был на голову выше. Зато инспектор превосходил его шириной плеч.

– И мистера Чарльза Гилмора, друга инспектора. Мистеру Гилмору принадлежит особняк неподалеку.

– Мэри, – вставил Чарльз, сверкнув глазами, – смею надеяться, я и ваш друг тоже.

– Джентльмены, – сказала я, проигнорировав эту реплику, – позвольте представить вам капитана Патрика Галлахера, льва-

оборотня, знаменитого путешественника и моего близкого друга.

В черных глазах Чарльза проступила такая нехорошая задумчивость, что я поторопилась добавить:

– Патрику я обязана жизнью. Если бы не он, я бы не вернулась из той экспедиции.

Чарльз отвел взгляд, поняв намек.

Инспектор протянул руку первым.

– Рад знакомству, капитан Галлахер.

– Взаимно, инспектор, – мурлыкнул Патрик. – Должно быть, это очень увлекательно – расследовать убийство.

– Не увлекательнее, чем путешествовать в джунглях, – вернул комплимент инспектор.

Чарльз Гилмор подал ладонь жестом магараджи, снизошедшего к распоследнему уборщику.

– Польщен, – процедил он.

Улыбка Патрика стала шире.

– Рад, премного рад! – Он так сдавил руку Чарльза, что тот кисло поморщился.

Когда со знакомством было покончено, я взяла Патрика под локоть.

– Давай прогуляемся? Мне так много нужно тебе рассказать!

Патрик прищурился, совсем как кот при виде оставленной без присмотра сметаны.

– Позволь я угощу тебя обедом.

– Мэри уже обещала сегодняшней вечер мне, – вмешался Чарльз.

– Тогда ленч? – легко согласился Патрик. – Джентльмены, надеюсь, мы еще увидимся.

Я сделала вид, что не услышала скрежета зубов Чарльза и негромкого «Дружище, не кипятись!» инспектора...

– Кто из них? – осведомился Патрик, едва автомобиль вырулил на шоссе.

– Не понимаю, о чем ты, – ответила я сухо.

– Да брось. – Он тряхнул рыжей гривой. – Они оба готовы были меня растерзать.

– Глупости! – отрезала я.

– Уж поверь. – Оборотень выразительно почесал нос. – В таких вещах я не ошибаюсь.

Я вовсе не собиралась поддерживать скользкую тему.

– Зачем ты приехал, Патрик?

– Разве я не могу провести старую подругу?

– Впервые за три года? Брось, Патрик. Выкладывай начистоту.

– Вообще-то я навещал маму. – Скулы Патрика чуть покраснели. –

И прочитал в газетах об убийстве.

Почтенная миссис Галлахер даже в преклонном возрасте вполне могла надрать непутевому сынуле уши. Патрик нежно любил свою грозную мамочку и старался ее не огорчать. Зачастую, увы, чисто по-кошачьи: «Чего ты не знаешь, то тебя не опечалит». Зато когда до миссис Галлахер доходили отголоски разговоров об очередном – всегда крайне опасном – приключении сына, тому оставалось лишь поджимать хвост. С его покойным отцом, от которого Патрик и унаследовал пару капель крови темных фэйри, а вместе с ними и звериную ипостась, миссис Галлахер тоже когда-то управлялась играючи.

Отчасти поэтому он никогда не помышлял о романе со мной. Маме бы это не понравилось!

– И решил заглянуть ко мне? Ностальгия одолела?

– Решил предупредить, – посерьезнел Патрик, глядя на меня искоса. Теперь зеленые глаза были серьезны. – Уильям попал на след.

– Вот нейдет ему! – сказала я в сердцах.

– Ты натянула ему нос, – напомнил Патрик, ухмыляясь. – До тебя это никому не удавалось.

Настроение мгновенно испортилось. И чтобы не портить его еще больше, я вновь сменила тему:

– Кстати, что скажешь о профессоре Фаулере? Вы ведь знакомы?

– Лично – нет... Только не говори, что он тоже за тобой приударил!

Я поморщилась. Патрик неисправим.

– Не за мной – за моей племянницей.

Он громко присвистнул.

– Той самой?

– У меня одна племянница. Не томи! Судя по тому, как ты увливаешь, дело нечисто?

– Не то чтобы... – Патрик побарабанил пальцами по рулю. – Репутация у него безупречная. Правда, в личной жизни бедняге не

везет. Или везет, тут как посмотреть.

– Ты о чем? – нахмурилась я.

– Поговаривают, он несколько раз собирался жениться, но свадьба так и не состоялась.

– Почему?

– Без понятия. Упоминали даже проклятие, но я не особо интересовался.

– Профессор Фаулер тебе не нравится, – поняла я.

А ведь чутье у Патрика кошачье...

Когда Патрик высадил меня у ворот, расцеловал в обе щеки и умчался, несчастный Джоунс окончательно уверился, что мир сошел с ума.

– И что они все в ней находят? – проворчал он, качая головой. – Ведь ни кожи ни рожи!

Я помахала ему на ходу и ускорила шаг. Нужно успеть привести себя в порядок и переодеться...

Чарльз прикатил загодя.

– Мэри, это вам. – Он вручил мне коробку очень дорогих конфет и букет роз.

Я поморщилась про себя – не люблю срезанные цветы. Ладно, пушу на черенки.

– Благодарю. Едем?

– Мэри, – сказал Чарльз очень тихо и шагнул ко мне. – Вы на меня сердитесь?

В пустом холле мы были одни. Роуз еще не вернулась, леди Присцилла отправилась на кладбище, Сисси возилась с постелями, а кухарка ушла пораньше, раз обедать никто не будет.

– Что вы, как я могу?

– Сердитесь. – Он вздохнул и пригладил волосы рукой. – Признаю, я вел себя невежливо. Я ревновал.

Искренность Чарльза меня обезоружила.

– Для этого нет оснований. Патрик просто друг.

Чарльз улыбнулся, из черных глаз пропало затаенное напряжение.

– Тогда я намерен вас похитить. Сразу говорю, что отпущу только за выкуп.

– Какой же?

Взгляд Чарльза остановился на моих губах, но вслух он сказал:

– Вы потанцуете со мной. Пять танцев, не меньше!

Я рассмеялась. Давно на душе у меня не было так легко.

– Ваша взяла! Едем...

Обед был восхитителен. Чарльз повез меня далеко, в шикарный ресторан на побережье. Мы ели устрицы, пили шампанское, болтали о ерунде. А после танцевали, и я позволила себе расслабиться.

– Знаете, моя дорогая, – шепнул мне Чарльз, когда последняя песня угасла в ночном воздухе. – Для старой девы вы преступно хорошо танцуете!

– Тетя! – Звонкий голос Роуз вырвал меня из приятного сна, в котором я парила над морем. – Неужели ты еще спишь? Посмотри, какой прекрасный день!

Она рывком раздвинула шторы, отчего я застонала и прикрыла глаза рукой. Как невыносима по утрам чужая бодрость! Особенно если накануне вы легли спать за полночь и уже давно не так юны, чтобы это прошло безнаказанно.

– Дорогая, ты не могла бы зайти попозже? Часа через два.

– Уже начало десятого, – возмутилась племянница. – Вставай скорее, через полчаса леди Присцилла ждет нас к завтраку.

Пришлось покориться. Позднее возвращение домой – в будний день! – конечно, не извиняло опоздания на работу.

Роуз, уже полностью одетая, устроилась на постели и наблюдала, как я торопливо собираюсь. В моей спальне была собственная ванная, но ради этого пожертвовали частью комнаты. Теперь в ней впритык помещались кровать и шкаф, не оставляя места для прочей мебели. Так что Роуз пришлось сесть на постель.

Хотя лучше бы она, право, вышла. Потому что племянница изнывала от любопытства и твердо решила все у меня выпытать.

– Ты вчера поздно вернулась? – поинтересовалась Роуз небрежным тоном.

Я была не расположена откровенничать.

– Не очень.

И принялась одеваться.

Роуз обняла подушку и спросила почему-то шепотом:

– Как тебе мистер Гилмор?

– Он очень мил, – ответила я сдержанно.

Она закатила глаза.

– Это все, что ты можешь сказать? Хочешь, чтобы твоя единственная племянница умерла от любопытства?

Я рассмеялась и вооружилась щеткой для волос.

– Роуз, что ты хочешь услышать?

Она мечтательно посмотрела в потолок.

– Например, что он без ума от тебя, а ты от него. Что... Не знаю!

– Дорогая. – Я присела рядом и обняла ее за плечи. – Мне не восемнадцать лет, чтобы безоглядно влюбляться с первого взгляда.

Роуз надула губы. Пахло от нее яблоками и шампунем – чистый, почти детский запах. Она и впрямь еще почти дитя.

– Не с первого! У вас уже было два свидания. По-моему, этого вполне достаточно.

С Чарльзом легко и весело, но любовь?.. Это было бы чертовски глупо!

– Значит, – я заправила светлый локон ей за ухо, – я в него не влюблюсь.

– Жаль, – пробурчала племянница. – Тетя, я так хочу, чтобы ты тоже была счастлива!

– Тоже?

Она кивнула и подняла на меня ярко блестящие глаза.

– Вчера Арнольд Фаулер сделал мне предложение.

Когда успел? Они ведь только вместе сходили на ленч. Объясниться в чувствах в перерыве между кексом и сэндвичами – это надо уметь!

– И? – Я затаила дыхание.

Порадоваться за Роуз не получалось.

– Я пока не ответила, – созналась она, ковыряя пальцем покрывало. – Думаю, соглашусь. Просто это все так быстро...

– Быстро, – повторила я эхом и сглотнула ком в горле.

Роуз кивнула и отвела взгляд.

– Представляешь, он не желает разлучаться даже ненадолго. Хочет, чтобы я поехала с ним.

– С ним? – не поняла я. – Погоди, в экспедицию? Куда?

Она потрянула волосами.

– Я не знаю, куда. Арнольд сказал, что уезжать нужно через неделю, поэтому он так поспешил с предложением.

– Как это ты не знаешь – куда? – Я взяла ее за плечи и легонько встряхнула. – Роуз, будь же серьезна!

– Тетя, перестань. – Она высвободилась из моих рук. – Что тут такого? Какая разница, куда мы поедем? Главное, что вместе!

По-моему, она больше убеждала себя, чем меня. Согласиться на такую авантюру – и я не про экспедицию! – всего через несколько дней после знакомства?

– Роуз, – начала я мягко, – я понимаю, что ты хочешь, кхм, утереть нос Родерику Хьюзу, но...

– Тетя! – Она хлопнула ладонью по покрывалу. – Не упоминай больше о... о мистере Хьюзе. Я не хочу о нем слышать после тех мерзких слухов, которые он распускал!

– Кто тебя просветил? – спросила я, помолчав.

Ручаюсь, вчера Роуз об этом не знала. Она-то считала, что Родерик извиняется всего лишь за «разрыв помолвки»!

– Профессор. – Она закусила губу. – Я хотела сказать, Арнольд. Он не мог слушать, как Родерик этим похваляется, и... Ты знаешь, что это он... ну, побил Родерика Хьюза?

В душе моей вскипела ярость. Не выношу, когда кто-то приписывает себе чужие заслуги!

– Да неужели? – переспросила я медленно. – Это он тебе сообщил?

– Не совсем. То есть прямо он не признался. Родерик ведь может подать на него в суд, так?

– Тогда с чего ты взяла?

Роуз пожала плечами.

– Профессор рассказал, что занимался боксом. В колледже даже получал за это призы.

И у наивной глупышки, конечно, сложилось вполне определенное впечатление. Хитер профессор, ничего не скажешь!

Хуже всего, что любую попытку ее переубедить Роуз теперь воспримет как нападки на своего кавалера.

Поэтому я отвернулась и сказала задумчиво:

– Кхм, странно. Признаюсь, я не очень разбираюсь в боксе, но разве после боя у спортсмена не должны быть разбиты руки?

– Да нет же! Для этого они носят специальные перчатки, – объяснила Роуз снисходительно и тут же застыла.

Я очень старалась не улыбаться. Боксерские перчатки? Вне ринга? Серьезно?

– Странный вчера был день, – заметила я, качая головой. – Надо спросить у леди Присциллы, не случилось ли какого-нибудь затмения.

– Почему? – спросила Роуз машинально.

Мысли ее явно были заняты феноменом целых кулаков профессора.

– Потому что доктор Пэйн накануне тоже ввязался в драку. На дознании я заметила, что у него ссадины на костяшках пальцев.

– Но с кем?.. – Роуз осеклась.

Ключнула! Теперь главное – не подсекать слишком резко.

Я бросила взгляд на часы и поднялась.

– Надо спешить.

Это был один из тех редких в Альбионе сухих и солнечных дней, когда можно завтракать в саду, не опасаясь найти в чае лягушек или ухверток.

Леди Присцилла приказала накрыть на веранде.

– Наконец-то! – брюзгливо поприветствовала она нас, барабня пальцами по подлокотнику.

Горничная Сисси суетилась вокруг, трясясь мелкой дрожью. Не знаю, каким чудом ей удавалось не уронить посуду.

Старая леди не в духе? С чего бы? Или тоже... затмение?

Хотя убийство, дознание и похороны хорошего настроения никому не прибавляют.

– Доброе утро, леди Присцилла! – хором поздоровались мы с Роуз.

Узкие губы старой леди дрогнули в неохотной улыбке.

– Доброе, доброе. Садитесь же! – Она вперила в горничную острый взгляд, от которого та совсем побелела. – А ты, милая моя, поторопись.

– Д-да, мэм! – пролепетала Сисси.

Поднос в ее руках ходил ходуном, так что я молча принялась помогать. Роуз тоже кинулась на выручку, отважно заслонив спиной несчастную горничную.

Только леди Присцилла не дала себя одурачить.

– Сисси, милая! – позвала она, когда мы закончили сервировку.

– Д-да, мэм!

Кажется, с испугу она позабыла все другие слова.

Леди Присцилла сцепила пальцы.

– Скажи, милая моя, я что же, превратилась в крокодила?

Сисси выглядела так, словно вот-вот хлопнется в обморок.

– Н-нет, мэм.

– В людоеда?

– Нет, мэм!

– Так отчего же ты шарахаешься от меня так, словно я сейчас тебя съем?

Некрасивое лицо горничной плаксиво скривилось.

– П-простите, мэм!

Она закрыла лицо передником и выбежала с плачем.

– Что это с ней? – проворчала леди Присцилла, проводив Сисси долгим взглядом.

– Я объясню, – предложила я со вздохом. – Только давайте сначала перекусим.

Мы жевали и глотали в напряженной тишине. Роуз попыталась было заикнуться, что леди Присцилле вредно волноваться, но получила такую отповедь, что больше не открывала рта до конца завтрака.

Леди Присцилла налила себе вторую чашку чаю и велела:

– Рассказывайте!

Я повиновалась. Леди Присцилла, впрочем, слушала не слишком внимательно, она заинтересованно разглядывала что-то в саду.

Когда я закончила, она не стала метать громы и молнии, вместо этого перегнулась через балюстраду и позвала:

– Джоунс, идите-ка сюда!

Садовник нехотя приблизился. В руках у него были здоровенные садовые ножницы, шило и восковая свечка, а из нагрудного кармана торчала подозрительного вида брошюрка, изукрашенная оккультными знаками.

– Да, мэм? – проворчал он, насупив седые брови и всем своим видом демонстрируя, как много у него дел и как неблагоприятно его от них отрывать.

– Что это у вас? – Леди Присцилла небрежно ткнула концом своей неизменной трости в его оттопыренный карман.

И – я глазам не поверила! – Джоунс густо покраснел.

– Ничего, мэм! – Он для верности прихлопнул брошюрку ладонью, будто опасался, что она попытается сбежать.

– Джо-о-оунс! – протянула леди Присцилла с угрозой и прищурилась. – Не злите меня.

Он еще пару мгновений противился, потом стиснул зубы и выложил на стол книжицу в яркой суперобложке. Где только раздобыл?

Леди Присцилла бросила на нее взгляд и высоко подняла брови.

– Любовная магия для начинающих? Вы что же, влюбились?

Садовник вздрогнул и перекрестился.

– Упаси господи!

И бросил на меня такой взгляд, что догадалась бы даже распоследняя дурочка.

– Джоунс, если не секрет, – сказала я, кашлянув, – вы хотите отвадить от меня поклонников или наоборот?

– Наоборот? – удивилась Роуз.

– Поскорее выдать замуж, – хмыкнула я.

Леди Присцилла спрятала улыбку в чашке с чаем, а Джоунс призадумался. Очевидно, он и сам пока не определился.

– Получить тюремный срок, – сухо поправил инспектор с порога. – И привороты, и отвороты противозаконны.

Джоунс посерел и схватился за сердце, а леди Присцилла усмехнулась.

– Можете быть спокойны, с помощью этого, – она ткнула тростью в сомнительное «учебное пособие», как будто брезговала к нему прикасаться, – невозможно отвадить даже таракана.

– Это ничего не значит, – пробормотала я, мелкими глотками прихлебывая чай, чтобы не расхохотаться в голос. – От тараканов избавиться потруднее, чем от целой армии поклонников.

Инспектор приподнял бровь, его серые глаза смеялись.

– Доводилось?

– Наслышана, – ответила я ему в тон.

– О поклонниках или о тараканах?

– А есть разница?

Роуз прыснула, даже леди Присцилла сдержанно улыбнулась.

– Джоунс, можете быть свободны, – махнула рукой она. – И *это* заберите.

Садовник цапнул брошюрку и дал деру в заросли, как испуганный кролик.

Инспектор шагнул вперед и слегка поклонился.

– Прошу прощения, если помешал. Ваша горничная открыла мне дверь и тут же сбежала.

– Очевидно, – леди Присцилла отставила трость и взяла чашку, – она сочла, что вы пришли ее арестовывать.

Я встревожилась. В таком состоянии бедная Сисси может и руки на себя наложить. Без рекомендаций хорошего места ей не найти, тем более с таким камнем на шее.

– Я из отдела по расследованию убийств, – напомнил инспектор Баррет сдержанно.

– Полагаете, милый мой, Сисси разбирается в таких нюансах?

«Милого» инспектор проглотил, не дрогнув.

– Как знать... – пробормотал он, пожимая плечами.

Очевидно, закоренелые преступники подобные тонкости должны понимать. Вот только Сисси, хоть убейте, закоренелой преступницей я не считала. На преступление ее толкнуло отчаяние.

– У полиции есть претензии к Сисси? – поинтересовалась я напрямик.

– Нет, – ответил инспектор, не колеблясь. – Конечно, если леди Присцилла не подаст заявления о пропаже каких-то вещей.

Очевидно, он не испытывал к Сисси особого сострадания, хоть и не рвался увидеть ее на скамье подсудимых. Полицейский, что с него взять?

Леди Присцилла покачала головой и позвонила в колокольчик.

Сисси появилась не сразу и выглядела ужасно несчастной.

– Да, мэм, – прошелестела она, не поднимая глаз.

Кончик носа у нее покраснел, а лицо опухло от слез.

– Мне стало известно о твоём прошлом, милая моя, – сразу взяла быка за рога леди Присцилла.

– О, мэм... – Голос Сисси совсем угас.

– И я хочу сказать, – продолжила леди Присцилла, – что мне нет до этого дела.

Горничная вздрогнула и воззрилась на хозяйку.

– Правда, мэм? Но я ведь... я же воровка!

Леди Присцилла пожала плечами.

– Ты служишь у меня семь лет. За это время у тебя была масса возможностей украсть мои бриллианты или еще какие-нибудь ценные безделушки. Если этого не случилось до сих пор, то почему я должна чего-то опасаться дальше?

– О, мэм! – выдохнула Сисси.

Роуз от избытка чувств захлопала в ладоши, а леди Присцилла добавила с усмешкой:

– Если даже изредка с кухни пропадет кусок колбасы, то урона от тебя все равно меньше, чем от любимого кота моей кухарки. Только не смей падать в обморок! Я шучу.

– О, мэм! – повторила Сисси с чувством, молитвенно сложив руки.

Глаза ее сияли, и в этот миг она была почти хорошенькой.

Леди Присцилла отмахнулась.

– Инспектор, присаживайтесь. Хотите чаю?

– Спасибо, с удовольствием, – сказал он очень почтительно.

С леди Присциллой он держался как с особой королевских кровей.

– Подай еще один прибор, – велела старая леди горничной. – А вы, инспектор, к нам какими судьбами?

– Да я, собственно, к мисс Райт.

Роуз стрельнула в меня глазами.

– Вот как? – Леди Присцилла склонила голову набок.

Столько смысла было в этой короткой реплике, что скулы инспектора слегка покраснели, и он поспешил объяснить:

– Этой ночью совершен акт вандализма.

Голос его был сух, но у глаз собрались смешливые морщинки.

– И какое же отношение это имеет к *моей компаньонке*? – поинтересовалась леди Присцилла с нажимом.

Инспектор усмехнулся, уловив предостережение.

– Не волнуйтесь, мэм. Я даже в мыслях не имел подозревать мисс Райт, напротив, пришел просить ее о помощи.

Леди Присцилла смягчилась, даже соизволила собственноручно наложить на тарелку гостя всякой снеди.

– Угощайтесь.

Он сказал смиренным тоном:

– Благодарю вас, мэм.

– Дерзкий мальчишка! – хмыкнула старая леди. – Рассказывайте.

Инспектор не отказал себе в удовольствии немного нас потомить, пока расправлялся с пирожками и чаем.

– Сегодня ночью, – начал он, видя, что терпение леди Присциллы на исходе, – неустановленные лица пробрались в сад Хьюзов и...

– И? – повторила Роуз заворуженно.

Очевидно, в ее головке бродили самые пугающие картины.

Инспектор поднял палец и сказал замогильным голосом:

– Повредили душистый горошек!

Роуз заливисто рассмеялась, и я была недалеко от того, чтобы последовать ее примеру. Леди Присцилла сохраняла невозмутимость, но уголки ее губ подрагивали.

– Беспрецедентное преступление! – провозгласила она насмешливо.

– Полковник рвет и мечет, – сообщил инспектор, откинувшись на спинку стула. – Он очень рассчитывал на первый приз.

– Разве полковник – страстный садовод? – поразила я.

Из разговора с садовником у меня не сложилось такого впечатления. Полковник в саду почти не появлялся, даже сигары предпочитал курить в кабинете, а не на террасе.

Леди Присцилла усмехнулась, а инспектор объяснил:

– За первое место полагается внушительная сумма.

– Конкурс учредил прадед Хелен, который положил в банк достаточно, чтобы за такой куш передрались все окрестные садоводы. Включая, кстати, его потомков. Разве что я никогда не участвовала. – Леди Присцилла одним глотком допила чай и поморщилась. – Остыл... Так зачем вам, инспектор, понадобилась наша милая Мэри?

Инспектор вздохнул.

– Садовник утверждает, что дело не обошлось без фей. – Он поднял руку, останавливая возражения. – Знаю, глупо звучит. Я сам, признаюсь, в это не верю, но мы обязаны рассмотреть все возможности. Как будто полиции больше нечем заняться!

В голосе его звучала досада профессора, вынужденного решать задачки для школьников.

– Чем же я могу вам помочь, инспектор? – вмешалась я, потому что леди Присцилла, похоже, уже настроилась на лекцию о быте и нравах волшебных существ.

Он, кажется, несколько растерялся.

– Вы ведь видящая, пусть и слабая.

Я выронила ложечку и закашлялась. Что он еще себе вообразил?

– Помилуйте, инспектор, какая из меня видящая?

– На лестнице, когда пострадала леди Сибил... – напомнил он осторожно. – Вы тогда воспользовались своей силой.

– Сравнили! – фыркнула леди Присцилла. – Истинных видящих нет уже лет сто, с тех пор, как фэйри ушли в свои холмы. В их потомках память крови почти угасла. Не так ли, милая моя?

Я кивнула, крутя в пальцах чашку.

– На вашего злоумышленника я не укажу.

Говорят, светлые фэйри могли и не такое. Увы, мне до них, как светлячку до солнца. Мои возможности лишь чуть-чуть выходят за рамки банальной интуиции. Про себя я этому радовалась. «Неправильность» мира, искажения в нем – раны, мучения или смерть живого – я ощущаю, словно надоедливый писк комара. Неприятно, прямо скажем, но можно перетерпеть. Причем я до сих пор не понимаю, почему иногда спокойно прохожу мимо бойни, а иногда не могу пересечь недавно заасфальтированную лужайку.

Зато в головах настоящих видящих, надо думать, это гремело набатом. Не зря же фэйри ушли в свой мир, когда люди стали переделывать под себя этот. Слишком много в нем стало бетона, угля и железа.

– И не надо, – отмахнулся инспектор. – Это уже наша забота. Скажите только, дело в волшебных созданиях или там поработали обычные люди.

– Это – с радостью.

– Вот и прекрасно! Пойдем? – Инспектор вскочил, но был остановлен повелительным жестом леди Присциллы.

– Не торопитесь. Инспектор, вы умеете водить авто?

– Умею, – сознался он, моргнув. – А что?

Леди Присцилла, опираясь на трость, тяжело поднялась на ноги.

– Сегодня доставили мой новый автомобиль. Мне тоже нужно к Хьюзам, и ваше присутствие при разговоре будет очень кстати.

Я нахмурилась. С чего бы леди Присцилле звать на беседу с родственниками полицию? Неужели что-то выяснила об убийстве?

Очевидно, инспектора посетила та же мысль.

– Простите, мэ, – сказал он, прищурившись. – Могу я узнать, что случилось?

Брови леди Присциллы сошлись на переносице. Вид у нее сделался донельзя мрачный.

– Я вызвала ювелира для оценки драгоценностей Хелен.

– И? – насторожился инспектор.

– Часть ее бриллиантов – подделки.

У инспектора вырвалось сдавленное восклицание. Кажется, он хотел спросить: «Вы уверены?!» – но вовремя одумался. Леди Присцилла не была любительницей дешевых эффектов и не стала бы взрывать такую бомбу просто ради шутки.

– Могла ли леди Хэлкетт-Хьюз сама их заменить? – предположил он наконец.

– С какой стати? – нахмурилась старая леди.

– Возможно, у нее были... временные трудности? – деликатно выразился инспектор.

– Ерунда! – Леди Присцилла пристукнула тростью. – У Хелен не было никаких проблем с деньгами. Ее дела в идеальном порядке.

Инспектор кивнул, принимая информацию к сведению.

– Тогда кто?

– Ювелир говорит, что фальшивка высочайшего качества, – сообщила старая леди неохотно. – Следовательно...

– Следовательно, – подхватил инспектор, – заменить их мог лишь тот, у кого был свободный доступ к оригиналам. Это, полагаю, горничная, муж и сын?

– Верно, – подтвердила леди Присцилла сумрачно, и ее пальцы на набалдашнике трости побелели. – Кто-то из них обманывал Хелен.

Я вспомнила убитую горем Лиззи. Или вовсе не горем? Вдруг горничная боялась, что теперь ее проделки выйдут наружу?

Инспектор бросил на меня короткий взгляд и сказал задумчиво:

– Вряд ли горничная. Для такого нужны отличные связи в преступной среде, которых у нее не выявили.

Остаются полковник и младший Хьюз. У светских людей так много знакомств, что среди них могли найтись и нечистые на руку

ювелиры.

За мотивом тоже дело не станет. Полковнику нужны были деньги на подарки любовнице, а Родерик Хьюз жил на широкую ногу и не чурался карточных игр. И это вполне могло стать причиной убийства.

– Значит, муж или сын... – Инспектор пожевал губами и пообещал: – Разберемся!

В поместье Хьюзов мы покатали на новеньком авто. Роуз ехать с нами отказалась наотрез, и даже раздраженная реплика леди Присциллы: «А вдруг мне станет плохо?» – не заставила ее передумать.

– Я сейчас же свяжусь с доктором Пэйном, – пообещала она, провожая нас до ворот. – Уверена, он охотно заедет к Хьюзам.

Только вряд ли они – особенно Родерик! – будут ему рады. Мы с инспектором понимающе переглянулись.

– Отличная мысль, дорогая, – одобрила я, похлопав племянницу по руке. – Заодно пусть осмотрит меня.

Нужно же поддерживать легенду. А то я напрочь забыла о своей «болезни».

– Тетя, – встревожилась Роуз, и глаза у нее стали большими и испуганными. – Ты же не...

– Я – не! – Я поцеловала ее в щеку и попросила мягко: – Не тревожься. Просто чтобы убедиться, что со мной все хорошо.

И заодно спросить у доктора, что он вообще себе думает?..

Инспектор сел за руль, я устроилась рядом, а леди Присцилла с комфортом разместилась на заднем сиденье.

Любопытно, а кого леди Присцилла планирует сажать за руль после? Роуз с автомобилями дела не имела, о горничной, кухарке и приходящей прислуге речи не идет, Джоунс тоже вряд ли справится.

Я, конечно, водить умею, но консервативное местное общество такого попрания приличий не переживет. Подозреваю, впрочем, что для леди Присциллы это скорее будет аргументом «за».

Инспектор гнал по проселочным дорогам так, словно это было ровное шоссе. Он водил в той напористой манере, которая заставляет всех встречных, от людей до цыплят, в ужасе разбегаться из-под колес. Поля и рощи мелькали за окном, а один раз я чуть не потеряла на повороте шляпку.

Наконец вдали показался внушительный Хэлкетт-холл, который после свадьбы наследницы Хэлкеттов с полковником из вежливости стали называть «домом Хьюзов».

Инспектор затормозил чуть ли не у ног оторопевшего дворецкого и помог нам выбраться из салона.

– Вот уж не думала, что вы такой лихач! – высказалась леди Присцилла одобрительно, похлопав его по плечу.

Для меня это тоже стало открытием. Мне-то представлялось, что люди с таким спокойным и уравновешенным характером обычно избегают всякого риска.

Инспектор не ответил.

– Мисс Райт, – повернулся он ко мне. Вид у него был несколько смущенный. – Вы сами найдете дорогу? Боюсь, у меня возникло более срочное дело.

Его можно понять. Душистый горошек, может, сейчас и на вес золота, но все-таки подешевле бриллиантов.

– Конечно, – заверила я. – Только разве вы не хотите присутствовать?

Инспектор отвел взгляд.

– Я занимаюсь убийством, – сказал он, кашлянув. – А душистый горошек – в компетенции деревенской полиции.

Зачем же в таком случае инспектор отправился за мной лично? Мог бы отрядить одного из констеблей.

Леди Присцилла отвернулась, скрывая улыбку. Похоже, садовые «вредители» оказались лишь предлогом? Ну и ну!

– Понятно, – только и сказала я. – Тогда я пойду.

– Сообщите мне о результатах, хорошо? – попросил инспектор поспешно.

Я кивнула, а леди Присцилла бросила дворецкому:

– Уильямс, мы хотим видеть ваших хозяев.

– Да, леди, – поклонился старый дворецкий. – Извольте следовать за мной.

Не скажу, что меня не грызло любопытство – еще как грызло! – но деваться было некуда. Обещала ведь помочь решить шараду с душистым горошком, хотя загадка поддельных бриллиантов влекла меня куда больше.

Я вздохнула про себя и поплелась в сад. И первое, что увидела на месте преступления, – оттопыренный зад, обтянутый форменным синим сукном. Деревенский констебль ползал вокруг на коленях, осторожно соскабливая с земли перочинным ножом розовые и золотые блески. Очевидно, осыпавшиеся с крыльев фей? На треноге рядом стоял фотоаппарат, в сторонке виднелись разложенные на газоне пакеты с лаконичными надписями: «Образец № 1. Особняк Хьюзов. 4 июня 1927 года», «Образец № 2...» и так далее. К своей миссии констебль подошел со всей ответственностью.

– М-да, – только и сказала я, увидев раскуроченную цветочную арку.

Часть плетей была варварски ободрана, по другим будто слон потоптался. От былой разноцветной красоты не осталось и следа. Кто же тут буйствовал, хотела бы я знать?

В сторонке застыл садовник, являвший собой воплощение скорби. Лицо у бедного мистера Гроувера было такое, словно ему только что сообщили о кончине всех близких родственников, которые вдобавок оставили ему в наследство одни долги.

Услышав мой возглас, полицейский дернулся, едва не повредив залитые гипсом отпечатки, слишком маленькие даже для детских ног.

– А вы что тут делаете, мисс? – прикрикнул он, с кряхтеньем поднявшись. – Это место преступления, посторонним сюда нельзя!

– Я не посторонняя, – объяснила я, досадуя, что инспектор не догадался меня представить или хотя бы черкнуть записку. – Инспектор Баррет прислал меня на помощь.

– Вот как? – переспросил констебль недоверчиво, буравя меня маленькими глазками. – И чем же вы можете помочь, мисс?

Он так важничал, словно ему предстояло раскрыть загадку века. Скажем, вернуть похищенные у леди Пирсон знаменитые черные бриллианты. Хотя не будем о бриллиантах.

– Инспектору лучше знать, – осадил я, не горя желанием разглашать кое-какие семейные тайны.

Люди в деревне суеверны и к потомкам фэйри относятся с превеликим недоверием. Зачем усложнять себе жизнь?

Констебль побагровел и поправил шлем.

– Ну, знаете ли, мисс! Если окажется, что вы небылиц насочиняли...

– Не окажется. Если не секрет, констебль, что вы об этом думаете?
Констебль приосанился.

– Похоже, и впрямь феи, мисс! – сказал он важно.

Волшебный народец, конечно, еще кое-где встречается, хотя без фэйри источники природной магии почти иссякли. Только слабо верится, что феи не нашли себе более увлекательного занятия, чем хулиганить в частных владениях.

– Что делать феям в саду Хьюзов?

Констебль почесал в затылке.

– Может, их приманили? С целью... э-э-э... устранения конкурентов.

И вздернул нос, довольный столь гениальной мыслью.

Садовник судорожно вздохнул, и я осторожно тронула его за рукав.

– Что тут произошло, мистер Гроувер?

– Это были феи. – Он поднял на меня мутный взгляд и сгорбился. – Феи, понимаете?

– Вы уверены? – переспросила я скептически.

– Феи! – повторил мистер Гроувер угрюмо. – Я сторожил, как и положено, но где уж мне... Да вы только гляньте!

И он устремил полные слез глаза на поруганный душистый горошек, плоды своего многодневного труда.

Увы и ах, мое чутье твердило, что никаким волшебством тут и не пахло. Вопрос лишь: заблуждался садовник или лгал?

Я отвернулась от гневно сопящего констебля и принялась оглядываться. Искомое нашлось чуть в стороне, под пышным кустом жасмина.

Не будь констебль так зациклен на своей версии, непременно бы тоже это обнаружил.

Я обернула руку носовым платком и подняла свою находку.

– Констебль, взгляните-ка на это!

Садовник, кажется, даже дышать перестал.

Полицейский шагнул ко мне и удивился:

– Виски?

– Улика, – кивнула я, – которую нужно срочно передать инспектору.

– Глупости какие, – отмахнулся констебль. – Мало ли сколько она тут валяется?

– Вчера утром был дождь, а на ней ни следа грязи, – напомнила я. – К тому же не поверю, что в таком ухоженном саду подолгу валяется мусор. Вы ведь часто убираете, мистер Гроувер?

Он смотрел на меня исподлобья, не решаясь сказать ни «да», ни «нет».

– И что с того? – не сдавался констебль.

Спорить с тупоголовым полицейским не хотелось.

– Инспектор приказал срочно доложить! – отрезала я, распрямив плечи. – Вы, констебль, и вы, мистер Гроувер, пойдете со мной.

– Я не могу оставить место преступления! – возмутился констебль.

– Я не могу, я в грязных сапогах, – вторил ему садовник.

Редкостное единокорие.

– В интересах правосудия! – выдала я, стараясь не рассмеяться.

Садовника это не убедило, но против объединенных сил – меня и констебля – он устоять не смог.

Так мы и пошли гуськом: впереди бодро шагала я с бутылкой наперевес, следом еле волочил ноги садовник, а замыкал шествие бравый констебль.

Даже невозмутимость старого дворецкого при виде такого шествия дала трещину. Костистое лицо Уильямса вытянулось, и дворецкому пришлось откашляться, чтобы вернуть себе дар речи.

– Прошу прощения, мисс... – Опытный слуга мгновенно уловил, кто тут главный. – Могу ли я осведомиться, куда вы направляетесь?

– К инспектору Баррету. У нас важная улика.

Я предъявила бутылку виски, но дворецкий уже достаточно овладел собой, чтобы и глазом не моргнуть.

– Очень хорошо, мисс. Сюда, мисс.

И наша процессия пополнилась еще одним участником.

Дворецкий привел нас к библиотеке.

При виде сурового Уильямса горничная, которая делала вид, что протирает перила лестницы, пискнула и испарилась. Дворецкий проводил ее долгим многообещающим взглядом, однако догонять не стал.

Из-за неплотно прикрытых дверей доносился хорошо поставленный голос инспектора:

– Во-первых, вы ранее уже были уличены в мошенничестве, мистер Хьюз. Да-да, мне известно о поддельных чеках. А во-вторых, констебль Догсли унюхал на украшениях ваш запах.

Запах? На бриллиантах? Врал инспектор уверенно, но не особо складно. Если Родерик Хьюз проглотит эту наскоро состряпанную сказочку, то он болван.

– Что с того? – быстро возразил младший Хьюз. Умом он и впрямь не отличался. – Конечно, я брал в руки мамины украшения.

– Зачем, мистер Хьюз?

Родерик хохотнул и огрызнулся:

– Любовался! Это что, запрещено?

Дворецкий постучал и сказал громко:

– Простите, инспектор. Мисс Райт хочет срочно вас видеть.

Выглянувший инспектор комически поднял брови.

– Что же, проходите.

И посторонился, приглашая нас в библиотеку.

Я кашлянула.

– Быть может, лучше здесь?

Что бы ни натворил садовник, выдавать его хозяевам мне хотелось меньше всего.

Инспектор кивнул, вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Дворецкий не ушел, шагнул в сторону и застыл истуканом. Оказывается, даже старик Уильямс не чужд любопытства.

Я торжественно протянула инспектору бутылку, предупредив:

– Осторожно, не смажьте отпечатки.

– Виски? – удивился он.

– Причем дорогой. – Я повернула бутылку, демонстрируя этикетку. – Хороши феечки!

Инспектор просчитал все в два счета.

– Могу вообразить заголовки в газетах! – усмехнулся он, бережно забирая улику. – «Пьяные феи устраивают дебош неподалеку от места убийства». Каково, а?

Я хмыкнула.

– Намного лучше, чем «Садовник прошляпил хулиганов» или даже «Садовник продался конкурентам».

– Да как вы!.. – Мистер Гроувер вздрогнул всем телом. – Да я никогда!..

Констебль лишь таращил глаза.

Инспектор строго обратился к садовнику:

– Мистер Гроувер, вам известно, что препятствовать правосудию – преступление? Или вы объясните, откуда взялись эти, с позволения сказать, следы фей, или я упеку вас за решетку.

– Думаю, – вмешалась я, потому что садовник угрюмо молчал, – это следы кукольных ног. А у мистера Гроувера, к слову, есть маленькая внучка.

Надо думать, садовник был в ужасе, когда после небольшой отлучки обнаружил разгром. Драгоценный горошек погиб, а конкурс уже на носу! И тут его осенило. Свалить все на волшебных существ, и дело с концом. С садовника-то при таком раскладе взятки гладки.

Гениальная идея. Если бы не бутылка, которую он, должно быть, просто не заметил в предутренних сумерках, кое-кто мог бы и попасться... Констебль Греггсон, например.

Инспектор благодарно кивнул и вперил в садовника острый взгляд.

– Будете говорить? Или мне потолковать с полковником?

– Все равно, – буркнул садовник, отводя взгляд. – Так и так уволят.

– Рекомендации, мистер Гроувер, – напомнила я тихо. – Вам ведь понадобится новая работа. Дела у вашего сына не ладятся, так что выйти на пенсию вы пока не можете.

Я успела навести справки, думала переманить мистера Гроувера к леди Присцилле. Кстати, а ведь теперь может и получиться!

Он зло посмотрел на меня.

– Женщины! Все бы вам нос совать, куда не просят.

– Мистер Гроувер, – сказал инспектор с укором, – не усугубляйте.

– Ладно, – буркнул садовник и сунул руки в карманы. – Ваша взяла. Ну да, это я.

– Повредили горошек? – уточнил инспектор, почесав бровь.

Судя по скептической mine, он не очень-то в это верил.

– Не уследил, – помрачнел садовник. – Внучка у меня болеет, а сын овдовел недавно, и дел у него по горло. Долгов набрал, пока

жену лечил. Думал, вытянут ее доктора, да толку... Схоронили полгода назад.

Он безнадежно махнул рукой.

– Значит, вы отлучились и не видели, что произошло?

– Ну да. – Садовник шмыгнул носом. – Пришел утром, а тут... Сколько трудов, и все псу под хвост! Простите, мисс.

– Все ясно. – Инспектор сумрачно покачал головой. – Что же, пока можете быть свободны. Но вы же понимаете, что придется все рассказать полковнику?

– Да валяйте, что уж теперь.

Мистер Гроувер побрел прочь.

– Пойдемте, Греггсон, – вздохнул инспектор. – Нужно снять отпечатки. Хотя я догадываюсь, чьих рук это дело.

И я догадываюсь.

При всех недостатках полковника его трудно представить расхаживающим пьяным по саду и швыряющим бутылки в кусты. Еще трудней вообразить кого-нибудь из слуг распивающим виски стоимостью в свое полугодное жалованье. Так что, если только это не был какой-нибудь эксцентричный богач, который не нашел иного места, чтобы напиться, то все указывало на Родерика Хьюза. Вот неугомонный тип!

– Мисс Райт, хотите поприсутствовать? – неожиданно предложил инспектор. – В конце концов, вы это заслужили.

– С радостью, – заверила я, улыбаясь.

Родерик Хьюз встретил мое появление досадливой гримасой. Он как раз раскуривал сигарету.

– А что, теперь всем подряд можно сюда приходить? – поинтересовался он, чиркнув спичкой, и закинул ногу на ногу.

Огонек осветил красивое лицо с глубоко запавшими глазами и сухими губами. Синяк, кажется, стал еще эффектнее. Зато галстук, как всегда, был повязан безупречно.

– Мисс Райт – свидетель, – сухо одернул его инспектор.

Родерика это не впечатлило.

– Свидетель чего? Неужели она что-то вынюхивала о матушкиных бриллиантах?

– Леди Присцилла, вы не возражаете? – обратился инспектор к старой ведьме, которая тихо сидела в кресле у камина и походила на

пожилую кошку, любящую погреть у огня старые косточки.

Хотя лично мне почему-то вспомнилась кошка, терпеливо караулящая мышь. Кажется, ей и дела нет ни до каких мышей, а потом цап-царап – и добыча у нее в когтях.

В дальнем углу с блокнотом на коленях устроился нескладный констебль Догсли, конспектировавший разговор.

– Ничуть. – Леди Присцилла взмахнула рукой и прикрыла тяжелые веки. – Присаживайтесь, милая моя.

– Кажется, я в меньшинстве? – хохотнул Родерик и глубоко затынулся. – Ну и ладно. Так что у вас есть против меня, инспектор? За исключением просто возмутительных измышлений, а?

Он усмехнулся и неторопливо выдохнул в потолок клуб дыма.

Инспектор помог мне сесть и поманил к себе констебля.

– Прежде чем мы продолжим, мистер Хьюз, я хотел бы знать, это ваша бутылка? Учтите, мы снимем с нее отпечатки пальцев.

– А что, теперь выпить в собственном доме – противозаконно? – поинтересовался Родерик с вызовом.

– Если я не ошибаюсь, мистер Хьюз, это дом вашего отца, – поправил его инспектор очень вежливо.

На губах его играла отстраненная улыбка, но взгляд был жестким.

– Какая разница? – отмахнулся Родерик.

– Разница большая, мистер Хьюз. Вы повредили принадлежащий полковнику душистый горошек и тем самым лишили его возможного дохода. Полковник вправе подать на вас в суд.

Звучало не очень-то впечатляюще. Все мы понимали, что до суда дело не дойдет. Даже если полковник выгонит сына из дома, тот вряд ли очень уж огорчится.

– На меня? – Родерик ткнул себя пальцем в грудь. – А я слышал, что это сделали феи. По-вашему, я похож на маленькую феечку?

– Прекратите паясничать! – потребовал инспектор жестко.

– Разве? – отозвался Родерик безмятежно. – А мне-то казалось, что это вы паясничаете. Обвиняете меня все утро невесть в чем. Ума не приложу, чем я заслужил такие нападки.

Чуть слезу не пустил.

– Что вы, мистер Хьюз, какие нападки? – Инспектор улыбался так светло, что у меня засосало под ложечкой. – Я уверен, что вы готовы

всячески помогать следствию в поисках преступника, который украл бриллианты вашей матери.

Родерик призадумался, ища подвох, не нашел и сказал настороженно:

– Конечно. Это ведь мое наследство.

– Уточним для ясности, мистер Хьюз. Вы готовы написать заявление о краже и в дальнейшем всячески содействовать полиции?

Пепел с сигареты падал Родерику на брюки, однако он этого не замечал. Он почуял ловушку, но пойти на попятный уже не мог.

Родерик громко прочистил горло и выдавил:

– Да, конечно.

– Благодарю вас, мистер Хьюз, – сказал инспектор прочувствованно. – Замечательная гражданская позиция. Думаю, газеты не откажутся о ней написать.

– Что? – встревожился Родерик. – Эй, постойте! Вы же не можете!.. Я не хочу, чтобы вы что-то говорили журналистам!

– Разумеется, – тонко улыбнулся инспектор, откидываясь в кресле. – Я не вправе разглашать что-либо без вашего согласия.

– Уф. – Родерик выдохнул.

Рано обрадовался. Инспектор добавил с той же спокойной улыбкой:

– Зато мисс Райт – вполне. Если вы, леди Присцилла, не возражаете.

И он, встав, поклонился старой ведьме.

– Ничуть, – отозвалась она безмятежно, только глаза на миг блеснули колдовским зеленым огнем.

– Благодарю, – склонил голову инспектор. – Значит, мисс Райт сегодня же сообщит газетчикам, что вы готовы помочь нам найти вора. Возможно, это недобросовестный ювелир подменил камни в украшениях, которые привезли ему на чистку? Конечно, в таком случае вы, мистер Хьюз, ни в чем не виноваты. Вы тоже были жестоко обмануты, ведь так?

Я прикусила губу, чтобы не испортить все неуместным смешком. Таковую версию ювелир станет трактовать однозначно: как попытку Родди переложить вину на сообщника. И уж точно не станет молчать.

Родерик дернул кадыком.

– Послушайте, чего вы добиваетесь?

– Я ищу вора, мистер Хьюз. Это моя работа.

Забытая сигарета обожгла пальцы Родерика, и он яростно раздавил окурочок в хрустальной пепельнице.

– Ну хорошо, хорошо! Ваша взяла. Да, это я подменил бриллианты. И что? Они ведь теперь мои!

– Дал же бог родственничка, – прокомментировала леди Присцилла язвительно.

Инспектор чуть прищурился.

– Теперь – да. Но если бы ваша мать узнала, что вы заменили ее украшения стекляшками... Дело могло дойти до лишения наследства, ведь так?

– Я не убивал! – выкрикнул Родерик, вскакивая. – Вы слышите? Не убивал!

Он выбежал из комнаты, оглушительно хлопнув дверью.

Леди Присцилла проводила его задумчивым взглядом.

– Что до наследства – вряд ли, инспектор. – изрекла она. – Хелен бы на такое не пошла. Разве что наконец надрала бы мальчишке уши, как я давно ей советовала.

– Мистер Хьюз мог считать иначе, – заметил инспектор сдержанно, однако по лицу было видно, что он засомневался.

И впрямь, покойная души не чаяла в сыне. Да и кому она могла все оставить? Мужу? Смешно. Отписать все на благотворительность? Еще смешнее.

– Я поговорю с полковником, – пообещала леди Присцилла, поднимаясь. – Мои поздравления, инспектор. Я-то уже подумывала и впрямь проклясть дурного мальчишку, но вы блестяще справились сами.

– Благодарю. Буду очень вам признателен.

– Тогда жду вас у авто через полчаса, моя милая, – обратилась ко мне леди Присцилла.

– Боюсь, я не смогу отвезти вас обратно, – повинился инспектор. – Жду важного звонка.

Леди Присцилле это ничуть не огорчило.

– Ничего, мы сами доберемся.

– А кто сядет за руль? – спросила я, лелея слабую надежду, что леди Присцилла сделает это лично.

Ведьмам некоторая эксцентричность простительна.

Она устремила на меня лукавый взгляд и покачала седой головой.
– Конечно, вы, моя милая. Вы как-то обмолвились, что умеете.
И впрямь, обмолвилась. Язык мой – враг мой!

Глава 5

– Я провожу вас, – вызвался инспектор, когда леди Присцилла отбыла просвещать бедного полковника (сама не верю, что мне его жаль!) насчет художеств сына.

– Вы ведь не думаете, – сказала я с сомнением, – что убийство – дело рук Родерика?

– Не думаю, – вздохнул он. – У мистера Хьюза, так сказать, кишка тонка. Он мог бы убить во время ссоры, но отравить жертву и спокойно наблюдать за агонией? Нет, в такое я не поверю. А вы?

Я покачала головой. Тут он прав, Родерик Хьюз совсем не похож на хладнокровного отравителя.

– Она собиралась изменить завещание.

– Поверенный говорит, что сын потерял бы не так много, – возразил он. – Риск не стоит того, чтобы в случае неудачи болтаться в петле. Разве что ему были отчаянно нужны деньги... Но нет, ничего такого.

Инспектор толкнул дверь, и горничная с той стороны отпрянула с криком.

– Подслушиваете, мисс? – Он вперил в пронырливую девицу фирменный пронзительный взгляд, и та пошла пятнами.

Однако она быстро оправилась и вздернула подбородок.

– Я вытираю пыль.

И в доказательство предъявила перьевую метелку.

Неужели? Откуда же? С замочной скважины?

Спорить с наглой служанкой инспектор не стал, лишь сказал мне громко:

– Надо спросить у дворецкого, кто из горничных мог услышать – случайно конечно же! – интересные разговоры.

– Лучше у экономки, – предложила я, краем глаза видя, как побледнела нахалка.

Миссис Уайльд умела держать своих девушек в кулаке, хотя в последнее время они слегка распустились. Неудивительно: трудно уследить за персоналом, когда в доме такое творится. И вдобавок полно гостей!

При мысли о гостях Хьюзов настроение у меня поползло вниз, как столбик барометра перед бурей. Инспектор покосился на меня, однако в коридорах, где любой мог подслушать, приставать с расспросами не стал.

Лишь когда мы вышли на улицу, он заметил негромко:

– Вы хмуритесь. Мэри, что-то случилось?

Мы остановились на крыльце, наблюдая, как слуга возится с авто леди Присциллы.

Я заставила себя улыбнуться.

– Вы как всегда проникательны, Этан. Я тревожусь о Роуз.

Что-то мелькнуло в его сумрачных серых глазах. Он взял меня за руку и заверил серьезно:

– Вам не о чем беспокоиться, Мэри. Рано или поздно преступник будет найден.

– Преступник? – нахмурилась я. – А, вы об этом.

Он заглянул мне в лицо.

– Вас беспокоит не убийство?

– Меня беспокоит замужество!

Он рассмеялся.

– Я мог бы догадаться. Женщины! Что бы ни происходило вокруг, вас заботят только свадьбы.

– Не только, – заверила я, невольно улыбнувшись. – Но ведь кому-то надо думать и об этом, пока мужчины размышляют об экономике и политике.

Инспектор поддразнил:

– Война войной, а венчание по расписанию?

– Главное, чтобы оно состоялось! – вырвалось у меня.

Почему-то с Этаном у меня совсем не получалось следить за языком.

Брови его поползли вверх.

– Еще один беспринципный соблазнитель?

– Хуже.

Я выложила ему все: о предложении руки и сердца профессора, о возможном проклятии, о своей попытке удержать Роуз от поспешной помолвки.

– Значит, проклятие... – проговорил инспектор задумчиво. – Надеюсь, вас утешит, что об отъезде через неделю и речи не идет?

– Профессор вне подозрений, – напомнила я.
– Как знать? Вдруг у него был сообщник? И я, разумеется, не могу допустить, чтобы возможный убийца скрылся в дебрях... кстати, чего? Я вздохнула.
– Понятия не имею. Роуз тоже не в курсе.
Инспектор бросил на меня короткий взгляд.
– Занятно. Зачем держать пункт назначения в такой тайне?
– Ради разрешения на раскопки? – предположила я с сомнением. – Археологи всегда соперничают за лучшие места.
– Скажите лучше, глотки друг другу готовы перегрызть, – хмыкнул он. – Но не думаю, что это объясняет такую скрытность. Раздобыть эту информацию в Королевском географическом обществе нетрудно. Хотите, я наведу для вас справки?
– Буду очень вам благодарна! – обрадовалась я. – И, если можно... Я замялась, думая, как изложить щекотливую просьбу.
Он закончил, глядя на меня с пониманием.
– Разузнать о прошлых невестах профессора?
– Этан, вы прелесть! – заверила я порывисто.
Губы его дрогнули.
– Правда? – сказал он и взял меня за руку. – Настолько, что вы не откажетесь куда-нибудь со мной сходить?
Это что же, приглашение на свидание?
Должно быть, он неправильно понял заминку: выпустил мою ладонь и отступил на шаг.
– Не подумайте, – сказал он отрывисто, разглядывая лепных ангелочков на фасаде, – что моя помощь к чему-то вас обязывает. Так что если не хотите...
– Что вы, Этан! – перебила я, пока он не напридумывал невесть чего. – Я просто удивилась. Охотно принимаю ваше приглашение. Кстати, куда?
В серых глазах на мгновение мелькнула растерянность. Инспектор потер шею.
– Кажется, я болван. Как насчет рыбалки?
– Рыбалки?
Я-то ожидала, что он поведет меня на танцы или в кино.
– В ручье неподалеку водится форель, – объяснил он. – Я люблю поудить, когда выпадает возможность. Хотя вам это, должно быть,

покажется скучным.

– Ничуть. Всегда мечтала научиться.

Кажется, он не поверил, но кивнул.

– Тогда я заеду за вами сегодня. В семь?

В «Ивах» было так тихо, что это навевало нехорошие мысли про затишье перед грозой. Едва успев снять перчатки и шляпки, мы вышли на террасу.

Джоунс куда-то подевал компрометирующую книжицу и вместо сомнительных занятий кустарной магией затеял уборку в оранжерее. Сисси порхала по дому, наводя такую сияющую чистоту, что глазам становилось больно. Повариха священнодействовала на кухне, покрикивая на двух приходящих помощниц. Восхитительный запах бифштексов и карри дразнил обоняние. Роуз штудировала в саду книгу, которую при нашем появлении быстренько захлопнула.

Глаза леди Присциллы сверкнули, и она навалилась на неизменную трость. По мне, помощь при ходьбе ей не требовалась. Зато как эффектно!

– Что-то мне нехорошо, – выдавила она, задыхаясь.

Как будто расстояние от дома Хьюзов она преодолела даже не пешком, а бегом.

– Где болит? – встревожилась Роуз.

– В боку колет, – заявила старая леди и тяжело опустилась на предложенный стул. – И знобит...

Она подмигнула мне, когда Роуз отвернулась. Я совершенно успокоилась. Все ясно, очередной коварный план!

Пока Роуз суетилась вокруг, растирая виски хозяйки ароматическим уксусом и укрывая ее колени пледом, я взглянула на обложку ее книги. «Учебник по оказанию первой помощи в экстремальных условиях», – прочитала я и с трудом удержалась от едкого комментария. Похоже, она всерьез вознамерилась ступить на стезю жены-подвижницы.

– Принеси горячего чаю, – попросила я Сисси. – С эклерами.

– Но... – хлопнула бесцветными ресницами горничная, держа на изготовку поднос с валериановыми каплями, нашатырем и еще какими-то подозрительного вида склянками. – Леди Присцилла...

– Для леди Присциллы это будет лучшим лекарством. Я подержу. – Я отобрала поднос, пристроила на столик и взяла племянницу за локоть. – Роуз, присядь. Леди Присцилле уже лучше.

– Да-да! – поддакнула старая леди, решив не переигрывать. – Садитесь, милая моя.

– Надо позвонить доктору, – насупилась Роуз, и не подумав послушаться. – Эти приступы – очень настораживающий симптом!

Она убежала к телефону, а я поинтересовалась вполголоса:

– Что это было?

Леди Присцилла усмехнулась и расправила плечи.

– Надеюсь, совесть не позволит нашей милой Роуз бросить беспомощную пациентку. Мы же тем временем еще что-нибудь придумаем.

Я приободрилась – поддержка леди Присциллы немало значила! – но развить тему не успела. Роуз примчалась обратно и выпалила:

– Доктора я не застала. Он как раз уехал к нам!

– Превосходно, – резюмировала леди Присцилла хладнокровно, позабыв о роли страдающей больной.

Будем надеяться, что Роуз припишет чудесное исцеление своевременной медицинской помощи.

Тут подоспела и Сисси с пирожными. Пахло восхитительно, тем более что Хьюзы на чай не расщедрились. Увы, Сисси шепнула мне:

– Вас спрашивает джентльмен, мисс. Мистер Гилмор.

– О... – Леди Присцилла, кроме острого языка, обладала не менее острым слухом. – Милая моя, поговорите с ним в беседке. В гостиной обстановка не та... я имею в виду, для романтических сцен.

И недрогнувшей рукой отправила в рот кусочек эклера.

подавив желание сообщить старой леди, что ей стоило бы подумать о карьере сводни, я отозвалась сухо:

– Слушаюсь, мэм.

В спину мне донесся ее дребезжащий смех.

Беседка радовала глаз клематисами белого и густо-фиолетового цветов, а вокруг пышно цвели розовые петунии и анютины глазки.

Чарльз поджидал меня у входа.

– Мэри, рад вас видеть. Должен сказать, что в деревне вы произвели фурор. Не знал, что вы умеете водить!

Я вздохнула. Надо же, прошло не больше часа, а уже только и разговоров, что о женщине за рулем.

– Взаимно, Чарльз, – ответила я, уклоняясь от попытки меня обнять. – Что привело вас сюда?

Полные губы Чарльза растянулись в насмешливой улыбке, и он посторонился, давая мне пройти.

– Я принес вам цветы. – Он кивком указал на сверток. – Меня заверили, что в округе таких ни у кого нет.

– Спасибо, – пробормотала я озадаченно.

Сверток никак не походил на букет.

Я развернула оберточную бумагу и ахнула, обнаружив внутри цветочные луковицы. Тюльпаны и нарциссы! Судя по приложенным карточкам, и впрямь очень редкие.

– Это слишком ценный подарок, – сказала я, подняв взгляд на Чарльза.

– Пустяки. Должен же я загладить промашку со вчерашними розами.

– Кхм, – кашлянула я, отводя взгляд. – Розы тоже очень красивые... были.

– Были? – поднял брови он и тут же взмолился: – Только не говорите, что вы их выбросили.

В темных глазах читались насмешка и какое-то настороженное ожидание. Пожалуй, чего Чарльзу не доставало, так это присущей альбионцам сдержанности. Манеры у него превосходные, но за милую видно иностранца. Слишком живая мимика, слишком непринужденно он держится. Впрочем, мне и самой можно поставить это в упрек. Годы жизни в колониях сказывались.

– Хуже, – созналась я шепотом. – Я их... посадила!

Мгновение – и он мягко рассмеялся.

– Что же, старина Этан оказался прав.

Я моргнула и непонимающе нахмурилась, и Чарльз пояснил, не дожидаясь вопроса:

– Он сказал, что вы предпочтете живые цветы срезанным.

Вот как.

– Инспектор очень наблюдателен, – заметила я ровно и принялась складывать луковицы обратно.

Надо же было чем-то занять руки.

– Бросьте, Мэри. – Чарльз взял меня за плечи и развернул лицом к себе. – Я знаю, что вы сегодня идете на свидание с ним. Старина Этан всегда играет честно.

– Чарльз, я...

Он не дал мне договорить. Наклонился так низко, что от поцелуя нас отделяла доля дюйма, и сказал тихо:

– Будьте осторожны. Баррет прежде всего полицейский, а после уж все остальное.

Как будто я могла об этом забыть!

– Спасибо.

Чарльз мягко обхватил ладонями мое лицо.

– Не думайте, что я говорю так из ревности. Я без ума от вас, но не стал бы очернять соперника.

– Правда? – хмыкнула я, пытаюсь разрядить атмосферу.

Хотя он стоял слишком близко, чтобы этот маневр удался.

– Правда, – ответил он, против ожиданий, серьезно. – Вы пообедаете со мной завтра?

– Чарльз, я не могу в будние дни задерживаться допоздна. Я ведь на службе, и леди Присцилла в прошлый раз была недовольна.

Он прижал руку к сердцу.

– Клянусь привезти вас домой ровно в десять! Я мог бы заехать за вами пораньше. Хотите заглянуть в магазины? Или в парикмахерскую?

От неожиданности я рассмеялась.

– Мужчина, готовый добровольно ходить за покупками? Так не бывает.

– Я не альбионец, – напомнил он с улыбкой. – Я слеплен из другого теста. Кстати, вам не помешает... немного освежить прическу.

Я приоткрыла рот, но подходящий ответ все не находился. Мысли роились, как пчелы у разоренного улья. Это намек? Или...

Додумать он мне не дал. Прижал меня к себе и крепко поцеловал.

Громкий кашель заставил нас отпрянуть друг от друга.

– Простите. – Доктор Пэйн не знал, куда девать глаза. – Мисс Карпентер попросила... Я мог бы...

– Вы могли бы пойти... – начал Чарльз, едва сдерживаясь.

Подозреваю, что закончить он собирался чем-то вроде: «К черту». Ну и темперамент!

– Да, конечно, – твердо перебила я. – Нам с вами нужно поговорить, а мистер Гилмор уже уходит.

– Вовсе нет, – возразил Чарльз жестко и сверкнул глазами. – Я подожду снаружи.

Подозреваю, он не хлопнул дверью лишь потому, что в беседке никакой двери не было.

Доктор проводил его взглядом и поставил врачебный чемоданчик на стол.

– Так о чем вы хотели поговорить? – спросила я нетерпеливо.

Он сморщил усыпанный веснушками нос.

– Мисс Райт, скажите честно, почему вы одобряете меня? Профессор Фаулер молод, красив, богат и успешен. Он куда лучшая партия для вашей племянницы, чем скромный сельский врач. И, в отличие от Родерика Хьюза, он уже сделал предложение.

Вопрос был, что называется, не в бровь, а в глаз.

– Как посмотреть, – вздохнула я, прислонившись спиной к подпирающему крышу столбу. – Боюсь, Роуз ждет очередное разочарование. И хорошо, если этим обойдется.

– Обойдется? – насторожился доктор Пэйн. – Вы что-то знаете? Говорите яснее.

Я сжато обрисовала ситуацию, слегка сгустив краски для пущей драматичности. Впрочем, история и без того выглядела весьма мутной. Все невесты профессора куда-то пропали. Проклятие или злой умысел – какая разница?

– Значит, Роуз грозит опасность? – проронил доктор, выслушав мой рассказ. – И вы ничего не предпринимаете!

– Что я могу предпринять? – вопросом на вопрос ответила я. – Роуз совершеннолетняя, она вправе сама решать, за кого выйти замуж.

– Вы могли бы рассказать ей.

– Думаете, она поверит?

– Нужно попытаться! – заявил он упрямо. – Мы должны что-то сделать.

Я спрятала улыбку. «Мы» звучало обнадеживающе.

– Вот именно, доктор.

Он вновь покраснел, уловив прозрачный намек.

– Спасибо за откровенность, мисс Райт. Кстати, я чуть не забыл. – Доктор вынул из кармана печально знакомый конверт. – Не знаете, кто

это так развлекается?

О, нашего полку прибыло!

– Откуда мне знать? – протянула я неопределенно.

Доктор пожал плечами.

– Моя экономка, миссис Бромли, обмолвилась, что в «Ивах» получали подобные. – Он подумал и добавил: – По-моему, она отреагировала как-то странно.

– Неужели? – заинтересовалась я.

Доктор передернул плечами.

– Она заявила, что это ерунда, что не стоит обращать внимания и что тут многие такие письма получают, взять хотя бы вас. Вот я и подумал, вдруг это какой-то местный клуб?

– Жертв шантажа? – Я против воли улыбнулась. – Вы позволите мне показать письмо... одному хорошему человеку?

Я намеренно не упомянула полицию. Получая анонимки, многие боятся, что их секреты – настоящие или мнимые – станут известны общественности.

– Конечно, пожалуйста. – Он с готовностью отдал мне письмо и уточнил несколько смущенно: – Поймите меня правильно, здесь написана полная ерунда. Но люди моей профессии вынуждены заботиться о репутации.

– Я понимаю, – заверила я серьезно. – Сделаю все возможное, чтобы эта информация не стала достоянием публики.

– Спасибо. И вот еще что... Вы можете добиться, чтобы Роуз не давала ответа профессору хотя бы два-три дня? Я кое-что предпринял, но пока жду результата.

Я сгорала от любопытства, однако ясно было, что из доктора даже под пыткой не вырвать подробностей. Так что я сказала лишь:

– Постараюсь.

Он взглянул на часы и подхватил свой чемоданчик.

– Боюсь, мне нужно идти. До свидания!

– До свидания, доктор. – Я проследила, как он широко шагает к веранде, и пожаловалась: – Ободрить влюбленных определенно не мое амплуа.

– О да. – Чарльз затянулся сигаретой. Он явно все слышал. Впрочем, мы не пытались шептать. – Кстати, почему вы так настроены

против профессора? Согласен, история с невестами выглядит странно, но у нее может быть невинное объяснение. В жизни всякое случается.

– Потому что не верю в чувства на пустом месте! – объяснила я раздраженно. – Нельзя за несколько дней настолько влюбиться.

Он смотрел на меня сквозь сигаретный дымок.

– Правда?

Я с досадой поморщилась.

– Ох, да перестаньте, Чарльз!

– Ни за что! – заявил он и отшвырнул сигарету. – Мы с вами знакомы не дольше, а мое сердце уже принадлежит вам, Мэри.

Чарльз улыбался, но черные глаза были серьезны.

– Надеюсь, его можно заложить в ломбард? – брякнула я и спохватилась: – Простите, неуместная шутка.

А он, запрокинув голову, расхохотался.

– Вы – потрясающая женщина!

И шагнул вперед с явным намерением вновь меня обнять.

– Не надо. – Я предупреждающе выставила ладонь. – Вы ставите меня в сложное положение, Чарльз.

Джоунс наверняка рыщет неподалеку, а язык у него без костей.

– Чем же? – поднял брови он. – Разговорами о чувствах?

– Чарльз, прошу вас.

– Хорошо, – легко согласился он. – Отложим до завтрашнего обеда. О чем бы вы хотели поговорить сейчас?

Я усмехнулась. Чарльз сумел подать все так, будто наше завтрашнее свидание – дело решенное.

– У меня к вам просьба.

– Что угодно, – заверил он, улыбаясь. – За поцелуй.

– Будем считать, что вы получили его авансом.

– Э, нет! Так не пойдет. Поцелуй – или я в этом не участвую.

– Ваша взяла, – вздохнула я притворно тяжело. – Завтра.

Глаза Чарльза вспыхнули.

– Договорились. Так о чем вы хотели попросить?

– Вы можете навести справки в Хиндустане? Насколько я понимаю, профессор часто там бывал.

Он тонко улыбнулся.

– Вы не намерены отступить? Хорошо, я сегодня же телеграфирую своему управляющему. А как продвигается ваше расследование? Или

теперь вы обсуждаете его только с моим другом инспектором?

Я пропустила едкое «моим другом» мимо ушей и созналась со вздохом:

– Никаких подвижек. Были основания подозревать полковника и Родди Хьюза, но это ничего не дало. А что вы сами об этом думаете, Чарльз? Только начистоту.

– Ну, если начистоту... – Он криво улыбнулся. – Хелен была жесткой и безжалостной. Она любила только власть и своего сына, а на остальных ей было наплевать.

– Хотите сказать, вам безразлично ее убийство?

– Не совсем. Но я не могу осуждать убийцу. Вы знаете, что на Востоке этот яд зовут горькой смертью? Не за вкус, он почти неощутим. Просто в малых дозах это вещество заставляет вас вспомнить все свои мечты...

– А в больших – напоминает, что им никогда не осуществиться, – подхватила я. – Неудивительно, что у человека не выдерживает сердце.

Он кивнул.

– Вот именно. Так что, думаю, убийца ее ненавидел. Он хотел, чтобы жертва по-настоящему мучилась.

Я вздохнула.

– Не скажу, чтобы это что-то проясняло. Если отбросить мужа и сына, остаются подруга и викарий с сестрой. Кто из них мог ее ненавидеть? У профессора с сестрой не было возможности, а мы с Роуз, конечно, не в счет.

– Вы забываете обо мне, – напомнил Чарльз, усмехаясь. Казалось, это доставляло ему удовольствие.

– У вас нет мотива.

– Почему же? – возразил он. Рубин в его тюрбане бросал странные алые отблески в глубину темных глаз. – На самом деле у меня был самый веский из мотивов.

– Только не говорите, что леди Хэлкетт-Хьюз разбила вам сердце! – взмолилась я полушутя.

– Хуже: я ее родственник по отцу. Совсем дальний, конечно, но с ближними у Хэлкеттов негусто. Леди Присцилла – родня Хэлкеттов по женской линии, так что она не в счет. Остались только я и какой-то троюродный кузен, кажется, Оскар Бэйн. Он ближе меня в очереди

наследования, но он давно болел, и я не слышал, чтобы у него были дети.

У меня закружилась голова.

– Значит, случись что с Родериком Хьюзом...

– Я мог бы претендовать на титул, – подтвердил Чарльз с той же странной кривой улыбкой. – Ну как, Мэри, займетесь слезжкой за подозреваемым? С радостью предоставлю вам такую возможность.

– Инспектор знает? – только и спросила я.

Он покачал головой и предложил насмешливо:

– Можете осчастливить старину Этана. Он наверняка будет не прочь разделаться сразу и с делом, и с соперником.

– Перестаньте! – вспыхнула я. – Сами же говорите, что он не стал бы вести грязную игру.

Чарльз шагнул вперед и быстро поцеловал меня в губы.

– Знаю. Но я ревную... Я заеду за вами завтра в четыре.

Я провозилась в оранжерее до самого пятичасового чая. С трудом отмыла руки от въевшейся грязи и устало поплелась в дом. Надо хоть ненадолго прилечь, иначе вечером буду похожа на забытую на солнцепеке рассаду.

Леди Присцилла пила чай у себя. Роуз спустилась ко мне, но была так тиха и молчалива, что мы не обменялись и десятком слов. Что с ней творится, хотела бы я знать?

От попыток исподволь выведать у племянницы, что ее гнетет, меня отвлекла Сисси.

– Мисс, – тихим голосом сказала она, склонившись ко мне, – можно вас на минуточку?

– Меня? – удивилась я. – Что-то случилось?

– Нет-нет. – Сисси замотала головой в белом чепчике. – Просто я думаю, что вам нужно это услышать!

– Как таинственно, – пробормотала я, поднимаясь, и поцеловала Роуз в щеку. – До завтра, дорогая. Я сегодня вернусь поздно.

– Хорошо, тетя, – отозвалась она рассеянно, кроша хлеб. – Я тоже пообедаю в городе.

– Тебя пригласили в гости? – поинтересовалась я легким тоном.

Она чуть покраснела.

– Арнольд с Леоной. Все очень пристойно, не беспокойся!

Как раз это меня и беспокоило. Чтобы влюбленный мужчина не попытался остаться с девушкой наедине? Значит, вряд ли речь о пылком чувстве. Жаль, для объяснений не время и не место.

– Тогда встретимся за завтраком.

Надеюсь, до утра ничего непоправимого Роуз не натворит...

Сисси привела меня на кухню. Совсем молоденькая девушка, лет семнадцати на вид, при моем появлении вскочила, чуть не расплескав недопитый чай, и отерла ладони о платье. Глаза у нее слегка косили.

– Вот, мисс, – Сисси легонько подтолкнула ее в спину, – это Энн.

– Кажется, я тебя знаю, – сказала я мягко. – Ты ведь служишь у Хьюзов?

– Я горничная, мисс! – пискнула она. – Только...

– Ты о чем-то хотела мне рассказать, Энн?

– Д-да, мисс, – выдавила она чуть слышно и вновь умолкла.

– Энн, это твой долг! – нахмурилась Сисси. – Ты должна рассказать мисс все, что знаешь.

– Но... – Она чуть не плакала. – Я не хочу, чтобы узнала полиция!

– Почему? – Я взяла ее под локоть и усадила. – Разве ты сделала что-то плохое?

– Нет-нет! – Она отчаянно замотала головой, безостановочно теребя оборку на скромном платье. – Ничего такого, мисс. Клянусь!

– Тогда чего ты боишься?

– Меня вызовут свидетельницей, мисс! – воскликнула она, вся дрожа. – И мои портреты напечатают в газетах. А мой Сэм... он такого не любит. Он говорит, грех это.

– Я тебе сто раз говорила, – нахмурилась Сисси, – что грех – это когда ты хочешь, чтобы про тебя в газетах напечатали! А если ради справедливости – так это, наоборот, дело богоугодное.

Надо же, даже не подозревала в нашей горничной такого здравомыслия.

– Так и есть, – подтвердила я веско. – Если хочешь, можем спросить у викария Миллера.

– Не надо викария! – испугалась она.

Сисси подошла к ней сзади, положила руки на плечи и потребовала:

– Тогда повтори мисс все, что сказала мне.

– Это может оказаться совсем не важно, – подбодрила я. – И тебе не придется свидетельствовать на суде.

– Да как же не придется? – всхлипнула Энн. – Когда она мед попросила!

Я с трудом удержала восклицание, боясь испугать Энн еще больше.

– Она?

– Леди Сибил. – Горничная прикусила губу. – О мисс! Я совсем не хотела ничего плохого! Но леди так просила... Говорила, ей для красоты надо. Маску, мол, хочет сделать. Я подумала, что не будет ничего страшного, если я принесу ей...

Она всхлипнула и прижала к глазам уголок платка.

– Ну-ну, не надо так расстраиваться. Уверена, ты не сделала ничего плохого.

– Это правда, мисс! Я же не знала!..

И она тихо заплакала.

Она все твердила сбивчиво, что не хотела дурного. Что собирает каждую монетку на приданое, чтобы они с Сэмом могли пожениться. Что всегда готова угодить.

– Скажи, Энн, – осторожно спросила я, когда она выпила две чашки чаю и немного успокоилась. – Леди Сибил попросила чистый мед?

Она моргнула и пролепетала немного в нос, который от долгих рыданий заложило:

– Нет, мисс. Еще сметану, и желток, и оливковое масло.

– Ты принесла леди готовую смесь? – допытывалась я.

Она моргнула.

– Д-да, мисс.

– Спасибо, Энн. Ты очень помогла.

Она зарумянилась и бросила быстрый взгляд на Сисси.

– Я должна была, мисс. Как иначе? Ведь хотели отравить сына хозяев! Мы все любим мистера Родерика.

А я – нет!

Хотя сознаваться в этом благоразумно не стала.

Первейшее достоинство леди – всегда и везде выглядеть уместно. Но как, скажите на милость, уместно выглядеть на рыбалке?! Что

надеть? Удобное старое платье и галоши? Ничего не скажешь, соблазнительнее некуда. Очаровательный шифоновый наряд и изящные туфли? Не хватало только поминутно увязать каблуками в песке и глине! Повседневный костюм, даже облагороженный скромной брошью, тоже решительно не годился.

Я перебрала весь свой нехитрый гардероб. М-да, задал мне Этан задачку...

Когда Сисси постучала ко мне в комнату, я все еще рассматривала себя в зеркале.

– Мисс, там вас... – начала Сисси бойко, осеклась и вытаращила глаза. – Мисс!

Вовсе незачем так пугаться. Короткий жакет и свободные брюки скрывали куда больше, чем позволяли себе вечером многие леди.

Женщинам неприлично носить штаны? Ерунда! Зато двигаться в них – одно удовольствие. Леди Присцилла наверняка бы одобрила, но она отправилась на обед к Хьюзам, а Роуз упорхнула к профессору.

Я покрутилась, рассматривая себя с разных сторон. Опасение, что пуговицы не сойдутся, оказалось зряшным. Костюм сидел так же хорошо, как и пять лет назад.

Что же, надеюсь, инспектор не лишится чувств!

Этан нетерпеливо расхаживал перед домом. В своем поношенном твидовом костюме и клетчатом джемпере он не походил на полицейского даже отдаленно. У ворот дожидался старенький автомобиль.

– Мэри, добрый... – У него сделался такой вид, будто ему хотелось себя ущипнуть, да воспитание не позволяло. Наконец инспектор убедился, что глаза его не обманывают, и громко прочистил горло. – Кхе-кхе. Отлично выглядите.

– Отлично – от других? – хмыкнула я.

Могу поспорить, в части оригинальности у меня не было конкуренток на добрых сто миль. Если даже в столице женщина в брюках вызывала ажиотаж, то что говорить о замшелой провинции?

Надеюсь, мы не попадемся на глаза викарию, иначе меня предадут анафеме на веки вечные. Остаться в Дорсвуде я не планировала – что мне тут делать после отъезда Роуз? – но лишние проблемы ни к чему.

Этан вновь откашлялся, не без труда отвел взгляд от моих, скажем так, ног и поправился:

– Превосходно. Вам очень... э-э-э... к лицу.

Смущенный инспектор выглядел так забавно, что я с трудом сдержала смех.

– В колониях более свободные нравы, – объяснила я и взяла его под руку. – Надеюсь, вы не слишком шокированы?

Этан скосил на меня глаза. Теперь, когда ему не видны были мои ноги, он вздохнул с явным облегчением.

– Как полицейский, я должен бы вас арестовать за нарушение общественного порядка.

– За чем же дело стало?

Этан распахнул передо мной дверцу авто.

– Знаете, я не должен был вас приглашать. Формально вы все еще одна из подозреваемых.

Я молчала, и он добавил со вздохом:

– Но, видит бог, я не смог удержаться.

Давно мне не приходилось так теряться. Я отвела взгляд и сказала с принужденным смешком:

– Надеюсь, вам не грозят неприятности?

– Серьезные – нет. В крайнем случае... – Он прервался, чтобы занять водительское место, и закончил после паузы: – Уволюсь.

Я не нашла ничего лучшего, как свести все к шутке:

– Вы же не станете отбирать хлеб у бедного викария Миллера? – Он удивился, и я уточнила: – Говорят, раньше вы собирались стать приходским священником.

Кстати, пасторское облачение Этану было бы к лицу. Или полицейская форма – зря он ее не носит.

– Чарльз проболтался? – Он с досадой провел рукой по волосам. – Ну да, кто же еще. Не беспокойтесь, я давно оставил эту идею. Видите ли, Мэри, мне оказалось не под силу прощать чужие грехи. Карать их мне больше по вкусу.

– Так вы идеалист?

– Был им когда-то.

– Служба в полиции быстро избавляет от иллюзий?

Он бросил на меня острый взгляд.

– Именно так. А вы, Мэри, о чем мечтали в юности?

– Трудно сказать, – пожала плечами я. – Обо всем сразу. Сначала воображала, что стану знаменитой волшебницей... пока мне не

растолковали, что полноценная магия доступна только чистокровным.

– Надеюсь, вам объяснили это достаточно деликатно? – Этан бросил взгляд на мое лицо и покачал головой. – Понятно, недостаточно.

– Потом я грезил о карьере певицы.

– Тоже не сложилось? Печально.

– Отец был очень строг. Он не хотел даже слышать о пении, разве что в церковном хоре. – Я потерла лоб. – Знаете, в детстве я грызла ногти, но меня быстро от этого отучили... Линейкой по пальцам.

– Простите, – сказал он, помолчав.

– За что же? – удивилась я.

О своей последней мечте – домик на берегу, муж, дети и собака – я предпочла не распространяться. Слишком это будет жалко.

– Что напомнил, – ответил он серьезно. – Некоторых людей надо топить... хотя бы в воспоминаниях.

Не выдержав, я рассмеялась. Почему-то меня в его обществе все время тянуло улыбаться.

– Этан, вы слишком кровожадны для полицейского!

– Напротив, – не согласился он. – Я ведь расследую убийства и должен быть готов, что моих арестованных могут повесить. Вам не кажется, что лучше сменить тему?

– Кажется, – согласилась я мрачно. – Но боюсь, не выйдет. Я должна кое о чем вам рассказать.

– Завтра, – попросил он быстро и заложил резкий поворот. – Даже если вы собираетесь признаться, пусть это будет завтра.

– Никаких признаний, обещаю.

Этан свернул на обочину, затормозил и посмотрел мне в глаза.

– Тем более. Это наш вечер.

– И пусть убийства подождут? – рассмеялась я и протянула ладонь. – По рукам.

Он осторожно сжал мои пальцы и улыбнулся.

– Надеюсь, рыба не в счет? Или вы против убийств любых тварей божьих?

– Ничуть, – заверила я.

По мне, так от некоторых тварей – и я не о животных! – следует избавляться без жалости. Да и против доброго куска мяса или рыбы я никогда не возражала.

Этан помог мне выйти. Местечко было уединенным и очень живописным. Ручей весело звенел по камням. От дороги его заслоняли деревья, а от дома Хьюзов – поросший вереском холм. Солнце почти скрылось за ним, но воздух был теплый. Удивительно приятный вечер.

Я присела на корточки и опустила руку в прохладную воду.

– Как хорошо!

– Кхм. – Этан за моей спиной кашлянул. – Мэри, вам лучше пересесть. Хотите, я расстелю плед?

Я обернулась.

Пожалуй, с нарядом я все-таки промахнулась. Слишком провокационный. Не стоило испытывать терпение Этана. Он смотрел на меня, явно стараясь не опускать взгляд ниже лица. Скулы у него заметно покраснели. В руках он держал охапку вещей, от удочек до корзинки для пикника.

– Позвольте я помогу! – воскликнула я, стремясь погасить неловкость, и взяла у него складные стулья, термос и плед. – Где вы все это раздобыли? Неужели полицейские повсюду возят с собой столько всего?

О да. Особенно удочки – видимо, для ловли преступника. Хотя больше, наверное, пригодились бы ружья.

Краска на щеках Этана стала гуще.

– По правде говоря, за снаряжением я съездил в город. Можно сказать, злоупотребил служебным положением.

– О, – только и сказала я.

– Вы ни разу не были на рыбалке? – поинтересовался он, кашлянув, и сгрузил вещи под сенью дуба.

– Охота на крокодилов считается? – уточнила я с нервным смешком.

Прямо скажем, не лучшее мое воспоминание.

Этан поднял брови, в серых глазах блеснул огонек.

– Надеюсь, нет. Во всяком случае, форель еще ни разу не пыталась вылезти из реки и подзакусить мной.

– О, вы многое потеряли! – заверила я с чувством. – Впечатления незабываемые.

– Спасибо, обойдусь. – Он картинно передернул плечами. – Хотите научиться ловить? Или просто посидите на берегу?

– Научиться, конечно.

Не затем я сюда пришла, чтобы тихонько устроиться в стороне.

– Тогда идите сюда. – Он ловко разложил у кромки воды два парусиновых стула и поставил их бок о бок.

Я опустилась на хлипкий стул, вытянула ноги и улыбнулась Этану.

– Что дальше?

– Держите. – Он вручил мне удочку поменьше. – Знаете, с чего начинать?

– С наживки? – предположила я, вытащила из кармана заранее припасенную банку и похвасталась: – Добыты в неравном бою. Я все-таки заставила Джоунса накопать червей.

Инспектор расхохотался.

– Мы с вами два сапога пара, Мэри! – Он поставил рядом с моей вторую банку. – Мистер Гроувер тоже не слишком обрадовался моему поручению, но деваться ему было некуда. Полковник сейчас предпочитает со мной дружить.

Ничего удивительного. Полковнику приходится быть осмотрительным. Ему несдобровать, если пойдет слух о его романе с сестрой викария.

– Значит, садовника он не уволил?

– Скажете тоже, – хмыкнул Этан и сел рядом. – В Дорсвуде хорошими садовниками не разбрасываются.

– А жаль, – вздохнула я, неохотно расставаясь с мыслью переманить Гроувера к леди Присцилле.

Этан сидел так близко, что я ощущала запах его табака и лимонный аромат одеколona. Волосы Этана слегка вились на шее, и он даже не пытался прилизать их бриолином. Захотелось вдруг разгладить их пальцами, и я быстро отвела взгляд.

Что за мысли, Мэри? Порядочной старой деве это не пристало!

Я перехватила поудобнее удочку и отвинтила крышку банки. Червяки на ее дне вяло зашевелились.

– Сумеете насадить наживку на крючок? – поинтересовался Этан, склонившись ко мне.

Поплавок его удочки уже весело прыгал среди водных струй.

– Попробую, – пообещала я с сомнением, вздохнула и запустила пальцы в банку.

На ощупь червяки оказались не настолько мерзкими, как я опасалась, но какое-то глубинное отвращение заставило меня передернуться.

Тем не менее я мужественно поднесла извивающегося червяка к крючку.

– Не могу на это смотреть, – пробормотал Этан, забрал у меня эту пакость и одним движением нанизал на стальное острие. – Держите.

– Спасибо, – храбрясь, улыбнулась я. – Мужественные вы все-таки люди.

– Полицейские? – уточнил он с необидной насмешкой.

– Рыболовы! Погоня за убийцами в сравнении с этим – суцая ерунда... Ну, что дальше?

– Закидывайте в воду, – велел он, весьма неохотно отодвинувшись.

Я поежилась – солнце садилось, и воздух стремительно остывал, – и размахнулась. Поплавок в воде не появился, хотя леска натянулась.

– Поздравляю, – судя по голосу, Этан очень старался не рассмеяться, – меня вы уже поймали. Попробуйте теперь поймать рыбу.

Он осторожно отцепил крючок от своего джемпера. Червяк, кажется, не пострадал, насчет джемпера не уверена.

Я смущенно рассмеялась.

– Простите, я ужасная неумеха.

– Глупости. Давайте я помогу.

Теплые руки Этана легли поверх моих, направляя. В этот раз замах вышел плавным, и ярко-красный поплавок заплескал на воде.

Этан не торопился меня отпускать, и от объятий это отличалось лишь... Да ничем уже не отличалось.

Стоит мне только повернуть голову – и наши губы встретятся.

– Кажется, клюет, – пробормотала я, заметив судорожные рывки поплавка.

Мной владела досада пополам с ошметками здравого смысла.

– Клюет? – повторил Этан таким тоном, словно впервые слышал это слово.

– Рыба! – Я заставила себя отстраниться.

Иначе бог весть, до чего мы тут дорыбачим...

Клевало, как назло, превосходно. Форель только что не выпрыгивала из воды и сама не насаживалась на крючки. Мы еле успевали выдергивать очередную рыбку и менять наживку, на разговоры – не говоря уж о чем-то большем – времени не оставалось.

– По-моему, это заговор! – в сердцах заметил Этан, когда банка с червяками показала дно.

Я прикусила щеку, чтобы не расхохотаться.

– Рыба строит козни против инспектора полиции? Недурной заголовок для бульварной газетки.

И зябко поежилась. Легкий жакет не спасал от прохладного ветра, от не по-летнему стылой воды тянуло холодом.

Этан выудил откуда-то плед и набросил мне на плечи.

– Для сенсации хватит нашего свидания, – заметил он, не торопясь убирать руки.

Я осторожно пристроила удочку на камнях и согласилась:

– И впрямь. Знаете, Этан... – Я повернулась к нему. В конце концов, мое самообладание тоже небезгранично! – Какая-то унылая выходит сенсация. Без огонька.

Зато в глазах инспектора огоньков было с лихвой.

– Вы правы, – шепнул он, почти касаясь моих губ. – Как думаете, делу помогла бы парочка пикантных снимков?

– Определенно, – выдохнула я и прикрыла глаза...

Поцеловать он меня не успел.

– Кхе-кхе, – громко сказал кто-то за спиной Этана.

От неожиданности я дернулась и едва не свалилась в ручей. Этан меня удержал.

– Простите великодушно, – продолжил знакомый голос не менее знакомой скороговоркой. – Я не хотела мешать, нет-нет! Помню, мой дорогой мистер Харрис всегда говорил, что вежливее было бы сделать вид, что ничего не видишь. И я бы сделала, клянусь! Но я не могу. Викарий Миллер считает, что долг выше совести и даже выше приличий. И я с ним согласна, хотя мой дорогой мистер Харрис так не считал. Только не могу же я поступать не по совести!

А сама так и шарит взглядом.

– Миссис Харрис... – Судя по тону Этана, ему ужасно хотелось арестовать ее за... за... ну хоть за что-то! – Что вас сюда привело?

Я восхитилась. Какое превосходное воспитание! Похоже, мой дорогой инспектор, ударив себя молотком по пальцу, скажет только: «Ах, какая досада».

– Вот! – обрадовалась миссис Харрис и за шкирку выволокла на свет... рыжего сенбернара. – Вы же понимаете, я бы никогда не стала мешать вашему уединению... Милочка, какой удивительный наряд!.. Но я бы никогда! Ни за что! Только не могла же я оставить у себя вашего песика! Ведь это же ваш, правда? То есть констебля Догсли, конечно, тут так написано, – она ткнула пальцем в бляху на ошейнике, – но я нигде не могу его найти.

Пес уставился на нас умным взглядом, прижал уши и на всякий случай завилял хвостом. Домашний, ухоженный, в ошейнике с медной бляхой.

Этан выдохнул и поинтересовался сдержанно:

– Где вы его нашли, миссис Харрис?

– Этот негодник пробрался ко мне на кухню. – Миссис Харрис цокнула языком и небрежно потрепала пса по холке. – Знает, где вкусненькое, а? Я бы, конечно, его угостила – знаете, я люблю песиков. Хотя мой дорогой мистер Харрис, бедняжка, их терпеть не мог и запрещал мне заводить дома собачку. Но моя мама, упокой, Господи, ее душу, всегда говорила, что...

– Миссис Харрис, – перебил инспектор нетерпеливо, – хотите сказать, что, кхм, пес проник в ваш дом? Без ордера?

И сурово уставился на сенбернара. Тот пристыженно опустил голову.

Миссис Харрис вытаращила глаза.

– Ордера? Да господь с вами, инспектор! Собачка у вас, конечно, умненькая. Но куда ей о таких человеческих штучках знать? Вот мой мистер Харрис, бедняжка...

– Спасибо, миссис Харрис. – Инспектор взял ее под локоть и повел незваную гостью прочь с излучины. – Я... Мы с констеблем Догсли очень вам благодарны.

– Ах, не стоит! – засмушалась она. – Вот мамины пекинесы, проказники...

Когда визгливый голос миссис Харрис удалился, я позволила себе расхохотаться.

Пес улегся на землю и прикрыл голову лапами. Впрочем, это ему не помогло.

– Как вам не стыдно, констебль, – пожурил вернувшийся инспектор. – Повезло, что бедная женщина не поняла, кто вы такой.

Губы его были сурово сжаты, зато в глазах плясали смешинки.

– Гав, – понурился констебль, всем своим видом давая понять, что осознал и раскаялся.

В последнее, впрочем, я не поверила. Инспектор тоже.

– Зачем вам это понадобилось, Догсли? – поинтересовался он, вздохнув.

Констебль завил хвостом – мол, все понимаю, да сказать не могу, – коротко твякнул и убежал в кусты. Интересно, у него там форма припрятана? Или оборотни при смене облика сохраняют костюм? Никогда не задавалась этим вопросом.

Из кустов выбрался помятый и сконфуженный, но все-таки одетый констебль. Даже в шлеме!

– Сэр! – Он вытянулся и отрапортовал ломким от волнения баском: – У меня были основания полагать, что миссис Харрис причастна к анонимным письмам, сэр!

– Основания? – Инспектор почесал бровь. – Это какие же?

– Запах, сэр, – отвечал констебль важно. – Благодаря своему нюху я пришел к выводу, что в пирожках было использовано редкое сочетание специй. Путем опросов я установил...

– Долго репетировали? – перебил инспектор с усмешкой.

И впрямь, констебль говорил как по писаному.

Он залился краской.

– Ну-у-у... Да, сэр.

– Продолжайте, – велел инспектор, сбив с младшего по званию спесь.

Я опустилась на парусиновый стул и взяла удочку, чтобы не смущать полицейских. Рыба – и это весьма благородно с ее стороны – наживку игнорировала, так что я могла слушать в оба.

– Такие специи использует миссис Харрис, сэр! – выпалил констебль.

– И вы не нашли ничего лучшего, как пробраться к ней на кухню? – скептически уточнил инспектор.

– Я хотел убедиться, сэр! – Констебль нервно поправил сползший на нос шлем.

– Убедились?

– Так точно, сэр.

– А вам не приходило в голову, что автор анонимок попросту купил пирожок? – осведомился инспектор устало и покосился на меня.

Свидание летело псу – точнее, оборотню – под хвост.

– Нет, сэр! – заявил констебль уверенно. – Слишком сильный запах. Может, это все-таки она, сэр? Как бы проверить?

– И что вы предлагаете? Очевидно, ничего подозрительного во время своей вылазки вы не обнаружили?

– Нет, сэр. – понурился констебль Догсли.

Я вздохнула. Не хотелось навлекать неприятности на доктора Пэйна, но деваться некуда.

– Констебль, – позвала я, отложив удочку, – понюхайте-ка вот это.

И со всеми предосторожностями извлекла из кармана анонимку.

Глаза Догсли вспыхнули, хвостом он не завилял лишь потому, что в этом облике хвоста у него не было.

Констебль присел на корточки и громко приняхался, забавно шевеля носом.

– Мята... эвкалипт... сосновая живица... гусиный жир... Похоже на лечебную мазь, сэр! Я постараюсь взять след.

Инспектор махнул рукой.

– Ищите, Догсли, ищите. Но чтобы без фанатизма. – Он отвел подчиненного в сторонку и скомандовал грозным шепотом: – И только рискните показаться мне на глаза до полуночи!

Я сделала вид, что оглохла.

Констебль громко утопал прочь, а инспектор подошел ко мне и прочистил горло.

– Простите, Мэри.

– За что же? – обернулась я.

– Боюсь, слухов теперь не избежать.

И он винит себя в этом? Мягкое тепло укутало мою истерзанную душу... Так могли бы написать в каком-нибудь из романов, которые любила моя мать. Отец был одинаково суров и к ней, и к нам, детям. Чистота и безупречность – вот что от нас требовалось. А мы, увы,

безгрешными не были. Мама находила утешение в романах, и кто я такая, чтобы ее осуждать?

Я положила руку инспектору на плечо и попросила мягко:

– Не беспокойтесь, Этан. Моей репутации в Дорсвуде все равно конец, так что переживать не о чем. К тому же я не собираюсь оставаться тут дольше необходимого.

– Не собираетесь? – воскликнул он, взяв мои ладони в свои. – Но куда вы поедете?

– Куда угодно. – Я по-прежнему безмятежно улыбалась, стараясь не показать, как больно кольнуло сердце. – Роуз скоро выйдет замуж... Конечно, она слишком добросердечна, чтобы выгнать на улицу старую тетку, и нашла бы мне место в своем доме, но я не собираюсь этим пользоваться.

– Она любит вас.

– Я тоже люблю Роуз, – пожала плечами я. – Однако не горю желанием становиться приживалкой. Роль престарелой тетушки, которой все помыкают, не по мне.

Этан кашлянул.

– Я думал, вы хотите, чтобы они с доктором поженились. Тогда вы могли бы жить неподалеку.

Я сделала вид, что не поняла намека.

– Леди Присцилла не слишком во мне нуждается и вряд ли станет держать, когда Роуз уйдет.

Он дернул уголком губ.

– Я не о леди Присцилле, и вы прекрасно об этом знаете. Чарльз... – Этан сжал мои пальцы. – Он влюблен в вас, Мэри.

Что там Чарльз говорил о честной игре? Он был прав.

– Возможно, – согласилась я легкомысленно. – И что с того? Такие, как Чарльз, не женятся.

Нашу в высшей степени занимательную беседу прервал странный звук – приглушенный грохот и всплеск.

– Озеро! – побледнел инспектор, выпуская мои руки. – Я слышал, Родерик Хьюз и леди Сибил катаются на лодке!

Что из этого следовало, он мог не объяснять. Это третье покушение, и оно имело все шансы наконец увенчаться успехом.

Этан бросил коротко:

– Мне нужно идти!

И сорвался с места. Этан мчался впереди, но я отставала совсем немного. Господи, благослови брюки!

Заминка возникла лишь на переправе через ручей. Мостика не было, даже какое-нибудь бревно уложить поперек течения никто не удосужился. Вместо него было несколько выступающих из воды камней, облепленных водорослями. Инспектор преодолел ручей двумя рискованными прыжками. Я в запале попыталась повторить и...

Подвели туфли. Подошва скользнула по влажному камню – и я с размаху плюхнулась в воду.

– Мэри! – Этан выдернул меня из ручья, как морковку из грядки. Лицо его было бледным и напряженным. – Как вы? С вами все в порядке?

– Д-да, – отбила зубами я и обняла себя руками.

Воды в ручье было по колено, и мне повезло не удариться о булыжники. Зато в мокрой одежде я моментально продрогла до костей. Ледяная вода и холодный ветер – убийственное сочетание.

Этан стащил свой пиджак и набросил на меня.

– Я должен бежать, – сказал он, обнимая меня за плечи. – Вы уверены, что...

– Да идите уже! – отмахнулась я и проглотила комок в горле.

Он еще мгновение напряженно всматривался в мое лицо, затем нежно коснулся губами моих губ и бросился прочь.

Я коснулась пальцами рта – ну и ну! – поплотнее закуталась в пиджак и улыбнулась.

Откуда-то послышался залиvistый лай. Похоже, констебль не успел далеко уйти и теперь тоже мчался на выручку.

С вершины холма виден был дом Хьюзов, гудящий, как потревоженный улей. Сколь бы банальным ни было это сравнение, оно оказалось удивительно точным. Хлопали двери и окна, тут и там зажигался и гас свет. Раздавались крики. К озеру бежали люди с лампами. Хотя еще не совсем стемнело, а от фонарей в сумерках толку было мало.

Я попрыгала на месте, пытаюсь хоть немного согреться. Туфли отвратительно хлюпали, но это полбеды. Хуже, что брюки плотно облепили ноги.

Хотя какая теперь разница? Я как смогла отряхнулась, сняла с пояса пучок водорослей и тоже припустила к озеру.

Должно быть, в лунном свете озеро смотрелось очень живописно. Теперь же берег ярко освещали фонари. Констебль Догсли кружил вдоль воды, к чему-то сосредоточенно пригнувшись. Парочка дюжих лакеев пыталась вытащить перевернутую лодку. Значит, все-таки Родерик Хьюз! Не стану кривить душой, такого бездельника и пустозвона еще поискать, но его смерть причинит боль Роуз и массу проблем инспектору. С другой стороны, тогда Этан дольше задержится в Дорсвуде...

Я усмехнулась про себя. Ну и бессердечная же вы особа, мисс Мэри Райт!

Инспектор вынырнул из озера, отдышался немного и снова исчез. На берегу небрежной кучкой лежали его джемпер, часы и туфли. Рядом дрожала горничная с охапкой пледов и сурово бдела экономка с полотенцами и термосом. Вот кому в любых обстоятельствах не отказывал здравый смысл!

Лиззи, бывшая личная горничная леди ХХХ, узнала меня и кивнула в знак приветствия. Издалека доносились раскаты баса полковника и знакомое постукивание трости. Лакеи убедились, что под лодкой никого нет, и тоже принялись нырять. Толку, впрочем, это не принесло.

– Если эта парочка утонула, то сразу пошла ко дну, – с досадой заключил инспектор, выбираясь на берег.

Вид у него был мрачный.

Горничная охнула и чуть не выронила свою ношу. Пришлось экономке на нее шикнуть.

– Возьмите плед, сэр, – предложила экономка, поправляя камео на шее. Голос ее скрипел, как плохо смазанные рессоры. – Горячий чай вам тоже не помешает.

Реликт довоенной эпохи. Волосы собраны в такой тугий пучок, что кожа на висках натянулась. Серое платье – по-моему, даже с корсетом! – скрывает тело от горла до лодыжек. В вечно поджатых губах читается неодобрение. Такая сухая и бесцветная, что на нее лишний раз и смотреть не хочется.

– Спасибо, – с чувством ответил инспектор, закутываясь в колючую даже на вид шерстяную ткань, и взял в руки тонкую фарфоровую чашку. Здесь, на берегу, дорогой сервиз выглядел

странно. Но в доме Хьюзов посуда подешевле, очевидно, имелась только в комнатах слуг. – И мисс Райт налейте, пожалуйста.

Меня тоже оделили пледом и чашкой. В наброшенных друг на друга слоях ткани я чувствовала себя капустой, зато сразу стало теплей. Чай, щедро сдобренный сахаром и коньяком, помог окончательно согреться.

Экономка шагнула вперед, вздернула острый подбородок и сказала ровным голосом:

– Должна поставить вас в известность, сэр. Я кое-что видела.

Инспектор поднял брови и подбодрил ее неопределенным:

– Вот как?

В клетчатом пледе он походил на древнего воина, разве что брюки несколько выбивались из образа.

– Да, сэр! – Экономка поджала губы еще сильнее, отчего те стали похожи на белесую нитку. – Дело в том, что я лично приносила на берег все необходимое для пикника молодого хозяина. И случайно заметила, как возле лодки крутилась некая молодая... леди.

Инспектор подобрался.

– Вы ее узнали?

– Боюсь, нет. Я видела ее сильно издали, в тени. Разглядела только светлые волосы.

Я прикусила губу, чтобы не выдать себя ни звуком.

Этан бросил на меня короткий взгляд и уточнил с нажимом:

– Что-нибудь еще?

Прямая, как церковный шпиль, экономка проронила:

– Больше ничего, сэр. Я сочла себя обязанной помочь полиции. Даже если это... скажем так, будет не по вкусу некоторым... личностям.

М-да, Роуз явно не удалось с ней подружиться. Хотя кому это удалось?

Тут прибыло подкрепление. Должно быть, хозяину дома потребовалось некоторое время, чтобы избавиться от гостей и раздать приказы слугам.

Полковник Хьюз проломился сквозь подлесок, как дикий кабан. Выскочил на берег, обвел всех диким взглядом.

– Мой сын! Где мой сын?

Поверх вечернего костюма на нем было старое пальто, должно быть, в нем полковник охотился и рыбачил. Специфический запах не могла вывести никакая чистка.

Следом, постукивая тростью, непринужденно шагала леди Присцилла в дорогом бархатном платье и меховом палантине. Полковник оставил такую просеку, что шагать по ней было немногим трудней, чем по бульвару.

– Боюсь, сэр... – начал инспектор с ноткой вины.

Констебль Догсли, который кружил по берегу, подскочил к нему и горячо зашептал:

– Сэр, разрешите доложить. Тут нет следов мистера Хьюза!

– Что? – нахмурился инспектор. – Ну конечно! Тут лодка потерпела крушение, а садились в нее дальше.

– Нет, сэр! – отчеканил констебль, уже не понижая голоса. – Он сегодня вообще не подходил к воде, я уверен. Озеро не такое большое, я обследовал весь берег.

Мы с Этаном переглянулись. Бесчувственного Родерика могли на лодку попросту внести, но зачем? Раньше убийца пытался подстроить несчастный случай, однако сейчас-то об этом и речи не шло! Проще было ударить по голове и бросить на берегу. И куда, скажите на милость, подевалась леди Сибил? Ведь не растворилась же она в воздухе!

Инспектор будто подслушал мои мысли.

– А что насчет следов леди Сибил? – спросил он отрывисто.

– На причале, сэр! – сообщил констебль с готовностью. – Может, на лодку она и поднималась, но теперь не разобрать.

Он вздохнул и почесал кончик носа.

В человеческой ипостаси нюх у него похуже, но все же с обычным не сравнить. Должна признать, этот несуразный малый оказался удивительно полезным.

– Что же вы стоите, констебль? – не выдержал полковник, багровый и взмокший в своем теплом пальто. Голос его дрожал. – Ищите Родерика! Вот, у меня есть.

И вытащил из кармана грязный носок. Он что же, все время носит вещи сына с собой?..

Впрочем, это я плохо соображаю. Зато полковнику хватило проницательности распознать оборотня и смекнуть, как этим можно

воспользоваться. Не такой он на самом деле дурак, каким временами кажется.

Констебль Догсли дождался кивка инспектора, смущенно пробормотал: «Я сейчас!» и скрылся в кустах. Оттуда выбрался уже сенбернар, который брезгливо обнюхал носок, встряхнулся и трусцой припустил по берегу. Время от времени он останавливался, принюхивался – и снова бежал вперед.

Мы – я, полковник, инспектор – шагали за ним, рискуя переломать ноги в полумраке.

Некоторое время пес бесцельно кружил, потом вдруг взвизгнул и со всех лап кинулся в сторону. Выскочил на полянку, резко остановился и торжествующе гавкнул.

Инспектор поднял фонарь повыше и хмыкнул. В другой ситуации сценка выглядела бы мило. На расстеленном пледе сладко посапывал Родерик Хьюз, подложив руки под щеку. Прямо спящий принц, которого так и тянуло разбудить поцелуем. Или упечь в хрустальный гроб лет на сто.

– Живой! – Полковник облокотился о ближайшее дерево и облегченно прикрыл глаза.

Живой-то живой, похрапывает очень уж выразительно, но почему не просыпается? Мы изрядно шумели, а Родерик даже ухом не повел.

Инспектор опустил перед ним на корточки. Пощупал пульс, поднял веко, принюхался к дыханию и поморщился.

– Его опоили. Жизни, полагаю, это не угрожает. Хотя надо перенести его в дом.

– Я кликну лакеев, – сдавленным голосом пообещал полковник.

Не думала, что он так привязан к сыну.

Инспектор уже собрался похлопать Родерика по щекам, но тот как раз шевельнулся и открыл глаза.

– Инспектор? – удивился он, сонно моргая. – А почему вы? Не подумайте плохого, но я бы предпочел хорошенькую девушку. Или даже двух...

– Как вы себя чувствуете, мистер Хьюз? – серьезно осведомился инспектор.

Родерик попытался сесть, однако схватился за голову.

– Ох. Когда я успел так набраться? Я же не пил! Или пил?..

Он нахмурился.

– Что последнее вы помните? – деловито уточнил инспектор, придержав его за плечо.

– Помню? – проговорил Родерик, морщась, и потер лоб. – Мы с Сибил собирались кататься на лодке. Сначала устроили пикник. Выпили вина... – Он моргнул и сознался: – Дальше я, кажется, уснул. Позорище, верно?

На его ухмылку никто не ответил.

– В котором часу это было? – поинтересовался инспектор, пожевав губами.

– Около семи, – сказал Родерик озадаченно и растер лицо руками. – Черт, спать хочу, сил нет.

– Еще бы. – Инспектор обернулся к констеблю, который успел сменить облик. Ловко у него это получается. – Догсли, выясните у экономки, в котором часу она принесла вино.

– Не нужно, – вмешалась я, ежась. В запале холод почти не чувствовался, зато теперь меня начало потряхивать. – Если бы зелье было в бутылке, то...

– Тут было бы двое спящих, – dokonчил инспектор, щелкнув пальцами. – Верно. Значит, леди Сибил...

– Надо ее найти, – выразил общее мнение полковник и рубанул воздух ребром ладони. – Я ее, мерзавку!..

Он не договорил, потому что констебль вдруг встрепенулся и уставился в темноту. Почти сразу и остальные услышали торопливые шаги. На поляну выскочил лакей.

– Сэр, – почтительно обратился он к полковнику, – леди Сибил нашли.

– Где? – рыкнул тот.

– В особняке, сэр. Горничная заметила ее на третьем этаже.

Кхм, как интересно! Что понадобилось леди Сибил в хозяйских покоях? Причем в отсутствие самих хозяев, поскольку полковник в это время развлекал гостей, а Родерик спал на берегу. Похоже, опоила его леди Сибил.

– Видимо, она что-то искала, – пробормотал Этан себе под нос.

– Так это она?! – проревел полковник, багровея. – Убийца!

– Вряд ли, – подрезал ему крылья инспектор и поднялся на ноги.

– С чего это вы... – начал полковник угрожающе.

Нашел кого пугать.

– Иначе ваш сын не проснулся бы, – сухо заметил инспектор.

Полковнику оставалось лишь хватать воздух ртом.

– Сэр, – кисло обратился лакей к полицейскому, – мне велено передать вам это.

Держался он чуть-чуть любезнее, чем принц крови с нищим.

Инспектор молча протянул руку, и лакей вложил в нее сложенный вдвое листок. Я заглянула Этану через плечо. Там было всего несколько слов, выведенных твердым почерком с сильным нажимом: «Магия. Проверю. П.».

– Вот так так, – пробормотал инспектор, складывая записку. – История становится все интереснее.

Родерика доставили в особняк с почестями, достойными какого-нибудь израненного в бою полководца. Лакеи торжественно несли его на импровизированных носилках, которые смастерили из двух сосенок и пледов. Полковник покрикивал на слуг точь-в-точь как погонщик на верблюдов. Горничная и экономка суетились вокруг, готовые исполнить любой каприз страдальца. Леди Присцилла с тростью во главе колонны добавляла шествию солидности. Констебль – на двух, а не на четырех – вышагивал позади.

Мы с Этаном – мокрые и в пледах – на этом фоне наверняка смотрелись жалко. Так что мы шли поодаль, тайком держась за руки. С семнадцати лет я ни с кем не ходила за ручку. Глупо ведь! Но возражать почему-то не стала...

Лишь когда носилки застопорились в дверях, я спохватилась и дернула инспектора за рукав.

– Я думаю, вам нужно это знать. Прежде чем вы начнете допрашивать леди Сибил.

Он огляделся по сторонам и увлек меня на тисовую аллею, где стояло несколько скамеек.

– Рассказывайте, – велел Этан, усадив меня на ближайшую, и сам устроился рядом.

Наши колени соприкасались, но я постаралась не обращать на это внимания. Я говорила, что давно разучилась краснеть? Оказалось, не разучилась.

Я покрепче стянула узел пледа на груди и сообщила быстро:

– Горничная Хьюзов рассказала, что леди Сибил просила у нее мед, якобы для косметической маски.

Этан разом подобрался, из серых глаз исчезла мечтательная дымка.

– С чем была маска?

– Мед, сметана и яйцо.

Напряженные морщинки у глаз инспектора разгладились, он покачал головой.

– Не подходит. Наш эксперт говорит, что в составе был только мед и кое-какие травы. Неопасные, в этом док уверен. Подорожник, ромашка, алоэ и что-то еще.

Состав показался мне смутно знакомым. Но откуда?..

– Нам надо идти. – Этан вдруг улыбнулся и взял меня за руку. – Иначе все решат, что мы тут обнимаемся.

– Нехорошо обманывать чужие ожидания, инспектор! – заметила я насмешливо.

И он не обманул...

В гостиной Хьюзов тем временем назревал конфликт, как это называется в полицейских протоколах. Хотя по сути своей происходящее балансировало между комедией и драмой.

Родерик Хьюз полулежал на диване с видом томным и усталым. Он прикрыл глаза одной рукой, а во второй держал стакан виски и время от времени основательно к нему прикладывался. Не иначе восстанавливал иссякшие силы. Зато полковник Хьюз в дополнительном топливе не нуждался. Он и так мчался вперед на всех парах, эдакая помесь тарана с паровозом.

– Вы! – грохотал он, скалой нависая над леди Сибил. – Вы чуть не угробили моего сына! Вам это с рук не сойдет!

– Спокойно, полковник, – ответствовала ему леди Сибил, едва шевеля губами. – Иначе вас, чего доброго, удар хватит.

Это было сказано таким мечтательным тоном, словно сердечный приступ бедолаги-полковника был самым заветным ее желанием.

– Да я вас собственными руками!.. – взревел полковник, недвусмысленно протягивая лапищи к ее тонкой шее.

Я дернулась. Не то чтобы мне так уж дорога была леди Сибил, добрыми знакомыми нас не назовешь даже с натяжкой, но ведь

поубивают друг друга! А Этану потом объяснять начальству, почему не пресек.

Он, впрочем, вмешиваться не торопился. Стоял на пороге и с интересом глазел на представление. Только когда в тонкой руке леди Сибил сверкнул вороненый ствол, инспектор насмешливо поднял брови.

– Руки уберите, – скомандовала леди Сибил, не повышая голоса.

– Да я!

– Руки, – повторила она так же равнодушно, и дуло почти нежно прижалось к мощной полковничьей груди.

– Вы не выстрелите! – прохрипел он, опасно побагровев.

– Проверим? – пропела она.

Разноцветные глаза сверкнули под тяжелыми томными веками, как будто леди Сибил от души наслаждалась этим противостоянием. И, к ярости полковника, пока она выигрывала по всем фронтам.

Я даже залюбовалась. Ты можешь быть сколь угодно большим и сильным, но для пули это ничего не значит. Можно сказать, гимн прогрессу и равноправию.

Жаль, леди Присциллы не было... Или не жаль? Потому что в ее присутствии полковник буяннить не посмел бы.

– Кхе-кхе, – осуждающе кашлянул инспектор Баррет, хотя в душе, могу поклясться, он забавлялся. – Что здесь происходит?

– Ничего особенного, – с ленцой ответила леди Сибил. – Дружеская беседа.

Револьвер исчез словно по волшебству. Любопытно, где она его прячет? Хотя тут и гадать нечего: в декольте.

Полковник Хьюз бросил на нее затравленный взгляд, прочистил горло и хрипло подтвердил:

– Беседа, да. – Соврать насчет дружеской у него язык не повернулся. – Присаживайтесь. Что будете пить?

Какой молодец! И долг хозяина выполнил, и ретировался с достоинством. Сразу виден немалый опыт.

– Благодарю, при исполнении не пью, – отказался инспектор, твердо обозначив, что сейчас он не гость, а полицейский.

Как у него получается выглядеть официально даже в нелепом клетчатом пледе?

Полковник, уже было вернувший нормальный цвет лица, вновь побагровел. Может, ему травки попить? Могу даже составить успокоительный сбор, хотя вряд ли полковник рискнет его принимать.

– А вы, мисс Райт? – проскрипел хозяин дома.

– Кофе, – попросила я, кутаясь в плед.

Согреться не помешает. Но в голове и без того сладкий туман, не хватало только усугубить его алкоголем.

Полковник успел овладеть собой. Вызвав лакея и распорядившись насчет напитков, он остановился у камина и скрестил руки на груди.

– Инспектор, – сквозь зубы выговорил он. – Арестуйте эту женщину!

И зло мотнул головой в сторону невозмутимой леди Сибил.

– За что? – поразился Этан и склонил голову к плечу.

– Как это – за что?! – пророкотал полковник, налившись дурной кровью. – Из-за нее чуть не погиб мой сын!

– Из-за меня? – переспросила она, подняв тонкие брови. – Помилуйте, дорогой полковник, я-то тут при чем?

– Вы заманили его... – загромыхал полковник Хьюз.

Инспектор отвернулся, пряча улыбку, а младший Хьюз страдальчески пробормотал:

– Отец, перестань.

– А с тобой мы позже поговорим! – пообещал полковник угрожающе.

Родерик фыркнул и одним глотком допил свой виски.

– Впервые слышу, – мурлыкнула леди Сибил, и уголок ее капризного рта дрогнул, – что заманивать мужчин – преступление.

Полковник рыкнул, словно лев, у которого пытается утащить кусок шакал.

– Вы заманили его не для того! – Он мотнул головой и поправился: – То есть не в том смысле.

Полковник был старых правил, так что откровенно сказать «затащила в постель» ему не позволяло воспитание. Никакое воспитание, впрочем, не помешало самому полковнику совратить сестру викария.

– Тогда не понимаю, какое вам дело. – Леди Сибил определенно издевалась. – Или вы подразумеваете брачные сети?

Она сделала глоток шерри и слизнула с губ каплю.

Родерик поперхнулся новой порцией виски, а полковник дико вытаращил глаза.

– Ни за что! – проревел он. – Мой сын женится на вас только через мой труп! Ты слышишь, Родерик?

Родди Хьюз, который явно ни о чем таком не помышлял, насупился. Теперь выходило, что он отступил, спасовав перед угрозами.

– Хочу жениться – и женюсь! – брякнул он. – Я совершеннолетний.

– Ты не приведешь эту женщину в мой дом! – Полковник гремел, напрочь позабыв о приличиях.

– Да пожалуйста, – пожал плечами Родди и поднялся. – Куплю новый. И поместье деда скоро будет моим, хотя вряд ли мы захотим там жить.

Полковник хватал воздух ртом. Он рывком ослабил узел галстука и что-то прохрипел, но его никто не слушал.

Родерик присел на подлокотник кресла Сибил и взял ее тонкую руку.

– Дорогая, ты выйдешь за меня?

Леди Сибил слегка расширила глаза и потрепала его по локтю.

– Эта шутка зашла слишком далеко, милый.

– Я серьезен как никогда. – Он мотнул головой, убирая мешающую челку. – Что скажешь?

Я далека от христианского милосердия, но это уже слишком. Леди Сибил его прожует и выплюнет.

– Родди, одумайся, – влез полковник. – Она же вдвое тебя старше!

– Вот именно. – Сибил вытащила сигареты. – Милый Родди, перестань дурачиться. Тебе нужно жениться на подходящей девушке...

– От этого словосочетания у меня зубы сводит, – перебил он зло. – Это значит «нет»?

– Милый... – она нежно погладила его по щеке, – ты ведь ничего обо мне не знаешь.

Родерик перехватил ее руку, не обращая внимания на отца, который вот-вот получит сердечный приступ.

– Чем ты собираешься меня напугать? Учти, это будет не так-то просто.

Она только головой покачала и изогнула губы в насмешливой улыбке.

– Не делай глупостей. Я трижды была замужем...

Причем ходили упорные слухи, что всех своих мужей она извела лично. Расследование ничего не дало, но когда это мешало злым языкам?

– Плевать!

– Я гожусь тебе в матери.

– И вдобавок – ведьма. – Ровный голос леди Присциллы заставил всех дружно вздрогнуть.

Старая дама стояла в дверях, опираясь на неизменную трость.

Полковник издал странный горловой звук, а Родерик словно примерз к месту.

Глаза леди Сибил на мгновение расширились, затем она мелодично рассмеялась.

– Конечно, я польщена, – выговорила она, отсмеявшись, и плавно повела рукой. – С вашей точки зрения, это высокая честь. Увы, у меня нет ни крупицы дара.

– Кто сказал? – хмыкнула леди Присцилла и, намеренно громко стуча тростью, вошла в гостиную.

Каждый стук заставлял леди Сибил чуть заметно морщиться, а Родерика вздрагивать.

Из-за ее спины прошмыгнул лакей с подносом и принялся разносить напитки. Кофе был как нельзя кстати, и я с удовольствием отпила из своей чашки.

Дождавшись, пока слуга уберется восвояси, леди Сибил сделала еще глоток шерри и усмехнулась.

– Меня проверяли, знаете ли. Как и всех девочек в тринадцать лет.

«Чертова дюжина лет» – тот самый возраст, когда просыпается дар. Одно из суеверий, из-за которых к ведьмам раньше относились столь предвзято.

Мы, хвала богу, живем в более просвещенные времена. Теперь корона считает ведьмовство не происками дьявола, а ценным ресурсом.

Леди Присцилла тяжело опустилась в кресло и обеими руками оперлась о трость.

– Милая моя, не старайтесь казаться глупее, чем вы есть. Каким из способов подавить дар вы воспользовались? Обряд? Зелье?

Инспектор наблюдал с интересом, однако вмешиваться не пытался. Не зря же говорят: «Ведьмы ругаются – под руку не лезь». Даже полковник молчал, хотя его явно раздирало желание схватить потенциальную невестку за грудки и хорошенько встряхнуть.

Леди Сибил перестала улыбаться. Она щелкнула зажигалкой и сама прикурила, поскольку Родди еще не вышел из своего ступора, а ждать от других мужчин такой услуги было бы глупо.

– Не знаю, что вам наговорили, – начала она, выпустив дым изо рта, – но это неправда.

– Наговорили? – Старая ведьма подалась вперед. – Так-так-так... Помнится, вы ведь с Хелен вместе учились?

Родерик сглотнул, осознав, что «в матери гожусь» было сказано не для красного словца.

Леди Сибил скривила губы, поняв, что проболталась. Темные волосы, не нуждающийся в помаде алый рот, разноцветные кошачьи глаза – немудрено, что мужчины теряли из-за нее голову! Было в ней что-то зовущее и донельзя соблазнительное.

Я поймала себя на том, что кошусь в сторону Этана – как он на нее реагирует? – и мысленно отхлестала себя по щекам. Это что за новости?

Инспектор, не подозревая о моих ревнивых мыслях, наконец счел нужным вмешаться.

– Хотите сказать, – он обращался исключительно к леди Присцилле, – что покойная шантажировала свою, так сказать, подругу?

Старая ведьма царственно кивнула, а леди Сибил процедила:

– Какая чушь!

– Хелен требовала у нее денег? – недоверчиво уточнил полковник и отрезал: – Глупости!

Разумеется. Денег у леди ХХХ и так было с лихвой. Только не всегда шантажистам нужны именно они. Власть сладка.

– Милая... – Леди Присцилла подалась вперед, снисходительно потрепала леди Сибил по руке и посоветовала: – Выдохните. Я почувствовала ваши чары на лодке.

М-да, тут непросто придумать хоть сколько-нибудь складную отговорку.

Леди Сибил глубоко затагнулась и дернула плечом.

– Вы что-то напутали.

Слабый аргумент, но что еще ей оставалось?

– А что вы искали в апартаментах хозяев? – поинтересовался инспектор, постукивая пальцами по колену. – Не отрицайте, вас там видели.

Причем искала столь настойчиво, что усыпила Родерика, чтобы пошарить на третьем этаже без помех. Умно придумано. Даже попадись она слугам, что с того? Все уже знают о ее романе с младшим Хьюзом.

– Кстати, совращать ради этого Родди было не очень-то красиво, – вставила леди Присцилла, которой никакое воспитание не мешало называть вещи своими именами.

Ее внучатый племянник наконец отмер и схватил Сибил за плечи, так что она едва не выронила сигарету.

– Это правда? Ты только ради этого?..

Она запрокинула голову, чтобы посмотреть ему в лицо, и кончиками пальцев коснулась его щеки.

– Я совместила приятное с полезным.

Родерик дернулся и покраснел.

– Так, значит...

– Я же говорил, мой мальчик, что она тебе не пара! – возрадовался полковник, потрясая кулаком.

Ой дурак...

Инспектор обернулся и украдкой мне подмигнул.

– Сибил... – Родерик поднял ее лицо за подбородок. – Ты не ответила. Ты выйдешь за меня?

Забывая сигарета тлела на подлокотнике.

Полковник булькнул горлом и прохрипел, судорожно дернув галстук:

– Это же она отравила Хелен и пыталась убить тебя!

– Глупости, – отмахнулся Родди. – Сибил сама попала в первую ловушку и чуть не погибла.

Надо же, он даже соображать умеет? Не ожидала.

– Для отвода глаз! – рявкнул полковник. – Начни наконец соображать!

Инспектор кашлянул.

– В этом есть рациональное зерно, – признал он ровно. – Поскольку два эпизода – на лестнице и на озере – совершены с помощью магии.

– Пфф! – хмыкнула леди Присцилла, опираясь подбородком на сложенные на трости морщинистые руки. – Это разве магия? Мелкие проказы, не больше.

– Зачем мне убивать Родерика? – парировала леди Сибил своим хрипловатым грудным контральто. – Он очень мил.

– Спасибо, дорогая. – Младший Хьюз поцеловал ее ладонь и заглянул в сверкнувшие колдовской зеленью глаза. – Так ты выйдешь за меня?

Он умеет быть настойчивым.

– Я ведьма, – напомнила она мягко.

– У меня тоже уйма недостатков.

– Родерик! – Заботливый отец схватил сына за плечо и попытался оттащить, словно пса от дурно пахнущей кучки, в которой тот вознамерился вывалиться.

Это решило дело.

– Да! – громко и четко сказала леди Сибил. – Да, я выйду за тебя.

– Я получу специальное разрешение, – пообещал Родерик с шальной улыбкой. – Мы поженимся на следующей неделе.

Теперь уже полковник не стал церемониться. Попросту схватил сына за шкуру и выволок в коридор, бросив что-то вроде: «Нам срочно нужно поговорить!» Это если излагать цензурно.

– Очень романтично, – заметила леди Присцилла, пристально разглядывая будущую родственницу, будто снимая метки на саван.

Ну, или прикидывая, каким симпатичным проклятием ее наградить.

– Думаете? – равнодушно переспросила леди Сибил, вынимая очередную сигарету, и обстучала ее со всех сторон.

Тонкий запах табака и ванили, казалось, заполнил гостиную до краев.

– Зачем вы согласились?

Сибил прикурила и протянула с ленцой:

– У меня было три мужа, все намного старше меня. Почему бы не попробовать наоборот? Для разнообразия.

Леди Присцилла неодобрительно кашлянула и пообещала тихо:

– Обидите его – волосы вылезут. Он, конечно, тот еще... жук. Но все же родня. А вы, инспектор, ничего не слышали!

Этан усмехнулся и поднял руки, сверкнув часами на запястье.

– Я из уголовной полиции. Мелкие пакости не по моей части.

– Как сказать, – протянула старая ведьма нехорошим тоном. – Даже мелочь может убить. Если подойти с воображением.

– Вы что-то обнаружили? – заинтересовался он.

Я прислушалась к отзвукам ожесточенного спора – никак не хотел полковник сдаваться без боя! – и почти пропустила мимо ушей спокойную реплику леди Присциллы.

– Простейшее заклятие, почти невинная шутка. Шутихи-водовороты.

Ничего себе шуточки! Окажись Сибил с Родериком в лодке, у них было бы немного шансов выплыть. В одежде, оглушенные взрывом – да они бы камнем пошли ко дну!

Инспектор прищелкнул пальцами.

– Точно! Мы в детстве... – Скулы его чуть заметно покраснели. – Кхм. Тогда это может быть несчастный случай. Скажем, дети увлеклись игрой.

Леди Присцилла сочувственно покивала.

– Конечно. И со «спотыкачом» тоже. Очень, знаете ли, проказливые детки.

– Многовато совпадений, – признал инспектор, потирая переносицу. – Что-то еще?

Леди Присцилла прищурилась.

– Например, что шутихи сработали не сами по себе. Я почти уверена, что на лодке был маячок.

– Точно! – Инспектор хлопнул ладонью по дивану. – Свидетели видели на причале блондинку.

Он чуть виновато покосился на меня. Можно подумать, Роуз – единственная светловолосая девица на много миль окрест!

– Вот и ищите свою блондинку, – отмахнулась старая леди и взглянула на часы. – Нам с Мэри пора домой. А завтра, милая моя, – острый взгляд на насторожившуюся леди Сибил, – приезжайте, поговорим.

– О чем? – Она смотрела как кошка, готовая в любой момент сигануть под диван.

– О своем, о ведьминском, – усмехнулась леди Присцилла и тяжело поднялась. – Будете моей ученицей.

Вопросом это не было.

– Зачем вам это? – спросила леди Сибил, помолчав.

Старая ведьма пожала плечами.

– Как-никак почти родня. Так как вы сумели спрятать дар?

– Зелье, – сдалась леди Сибил. – Я купила его у... одной знакомой.

– Подозрительные у вас знакомые, – не утерпел инспектор. – Такие зелья строго запрещены.

Веки леди Сибил опустились еще ниже.

– Это было так давно, – мурлыкнула она, поглаживая пальцем бархат обивки, – что за давностью лет не считается.

– Не считается, – согласился Этан и уколол в ответ: – Чем вас держала леди Хэлкетт-Хьюз?

Леди Сибил дернулась и зло раздавила окурок. Надо же, и ее можно пронять!

– У нее был мой флакон из-под зелья. И признание, которое я по глупости подписала.

– Кстати, зачем вам понадобилась эта авантюра? Могли бы просто стать ведьмой. Благо их – вас – давно не жгут на кострах.

Леди Сибил очень по-кошачьи фыркнула.

– И потратить на это всю молодость? Пять лет учебы, десять лет работы на благо короны... Ищите дурочку!

– Вместо этого вы трижды выходили замуж, – усмехнулся инспектор. – И быстро становились богатой вдовой.

В разноцветных глазах леди Сибил вдруг отразилась смертельная усталость.

– Я не убивала своих мужей, инспектор. Только кто поверит ведьме?

Из коридора донесся вопль полковника:

– То есть как это – увольняйтесь?

Леди Присцилла распахнула дверь, так что сдержанный ответ экономки мы расслышали без труда.

– Простите, сэр. Но я не хочу больше оставаться в доме, где происходят то убийства, то покушения, то анонимные письма. Надеюсь, вы не откажетесь дать мне рекомендации.

– Черт с вами, – проворчал полковник. – Но вы должны отработать, пока я не найду вам замену.

– Прошу прощения, сэр, – ответила она тихо, но твердо, – однако меня уже ждут на новом месте.

Леди Присцилла взяла меня под руку.

– Пойдемте, милая моя. Иначе мы рискуем заночевать в этом бедламе.

Положим, час еще не настолько поздний, только начало десятого. Однако день выдался напряженный, так что спорить я не стала. Махнула инспектору на прощанье и пошла следом за старой леди.

К счастью, мне не пришлось садиться за руль. Сюда леди Присциллу доставил водитель на «крайслере» полковника, он же отвез обратно.

Когда автомобиль выехал на дорогу от поместья Хьюзов, я не выдержала.

– Леди Присцилла, почему вы позволили им обручиться? Только не говорите, что не могли это пресечь, все равно не поверю.

Достаточно было сдать леди Сибил в ковен, там бы с ней разобрались по-свойски. Тогда ни о какой свадьбе и речи бы не шло.

Изрезанное морщинами лицо леди Присциллы выглядело усталым, но улыбка была лукавой и довольной.

Она хмыкнула, созналась:

– Я же обещала, что Родерик поплатится за нашу малышку Роуз.

И подмигнула.

На подъездную аллею к «Ивам», чуть опередив нас, вырулил открытый алый автомобиль. Профессор Фаулер, оторвав одну руку от руля, приветливо нам помахал, а Роуз оглянулась и послала мне воздушный поцелуй. Точь-в-точь молодожены, возвратившиеся из свадебного путешествия.

– Милая моя, сделайте лицо попроще, – посоветовала леди Присцилла негромко. – И быстренько скажите, что нового вы выяснили об этом... профессоре?

– Почему он вам не нравится? – спросила я, бросив на нее взгляд в зеркало заднего вида.

Я пристрастна, а старая ведьма может оценить со стороны.

Леди Присцилла поджала губы и по привычке стукнула тростью, на что машина отозвалась недовольным гулом.

– Не одобряю тех, кто тревожит могилы, – ответила она сухо, – тем более ради денег и славы. Милая, говорите быстрее, мы почти приехали.

Я притормозила.

– Он вроде бы проклят. Невесты не доживают до свадьбы.

Возможно, проклятие мистера Фаулера как раз из холмов? Поговаривают, там этого добра предостаточно. Своих мертвецов фэйри не забрали, оставили на страже прохода в другой мир. И горе тому, кто потревожит их покой!

– Посмотрю, – пообещала старая леди как-то так, что на мгновение мне даже стало жаль объект ее интереса.

Профессор помог Роуз выйти и теперь нежно целовал ее руки. Колец на них не было, так что еще не все потеряно.

– Профессор Фаулер, – проскрипела леди Присцилла тоном Очень Страшной Ведьмы.

У такой в саду должна быть закопана пара-тройка скелетов. Не зря же у леди Присциллы такие чудесные розы! Говорят, им это очень полезно.

– Леди Присцилла! Мисс Райт. – Поклон красавца-профессора был преисполнен уважения. – Приветствую.

– Добрый вечер, – пропела Леона Фаулер, небрежно махнув нам рукой.

– Добрый, добрый, – согласилась леди Присцилла покладисто. – Проходите. Выпьем чаю... Нет-нет, я настаиваю! Должны же мы поближе познакомиться с друзьями нашей милой Роуз.

Уклониться от такого приглашения было трудно. Брат с сестрой переглянулись, и он сказал с приятной улыбкой:

– С радостью принимаем ваше приглашение.

Мы шли следом за необыкновенно благодушной леди Присциллой, которая фамильярно подцепила профессора под локоток и о чем-то расспрашивала.

Леона Фаулер в открытом алом платье была почти вызывающе хороша. Ее платиновые волосы рассыпались по плечам, а грации походки могли бы позавидовать профессиональные манекенщицы.

Тут каблук ее туфли угодил в щель между брусчаткой, и Леона тихо выругалась. Где, интересно, она набралась таких слов? Кажется, путешествия с братом на пользу ее лексикону не пошли. Роуз заметно покраснела. Тоненькая, хрупкая, в простом белом платье, она казалась дивным видением.

Сисси открыла дверь и умчалась накрывать чай, а я украдкой разглядывала профессора. Поговаривали, что золотые кудри и голубые глаза ученого весьма способствовали его популярности среди леди. А их мужья щедро жертвовали на экспедиции, только бы этот ловелас оказался подальше от их прекрасных половинок. Пусть лучше ищет усыпальницу Рогатого бога, чем украшает рогами их собственные головы.

Неудивительно, что Роуз поддалась его обаянию. Она настолько витала в облаках, что даже не заметила, в каком я виде. Зато Леона, взглянув на меня, удивленно приподняла брови. Купание в ручье ни моему костюму, ни прическе на пользу не пошло.

– Милая, вам нужно переодеться. – заботливо обратилась ко мне леди Присцилла, на мгновение отвлекаясь от занимательной беседы с профессором.

– Благодарю за заботу, не стоит, – отозвалась я вежливо.

Наконец и Роуз заметила неладное.

– Тетя, что с тобой?!

– Ничего страшного. Поскользнулась.

Вдаваться в подробности я не стала. Не хватало только волновать Роуз новостями об очередном покушении и заодно – о помолвке ее бывшего возлюбленного.

– Я прикажу горничной зажечь камин в вашей спальне, – нашла компромисс леди Присцилла.

С этим я спорить не стала, лишь благодарно склонила голову. Меня и впрямь слегка познабливало, хотя сложно сказать, от переохлаждения или от усталости.

Роуз оттащила меня в сторону. Пока леди Присцилла с гостями обменивались любезностями, племянница на правах медсестры пощупала мне лоб.

– Жара нет, – заключила она с облегчением. – Но лучше выпить на ночь горячего молока с медом.

– Слушаюсь, мэм! – усмехнулась я. – А как ты, дорогая?

Она залилась краской.

– Тетя, ты ведь не обидишься, если я уеду? Если хочешь, я попробую уговорить Арнольда взять тебя с собой, но...

Роуз прикусила губу.

– Он не горит желанием брать в экспедицию груз столь сомнительной ценности, как я? – негромко заключила я, изнывая от желания хорошенько приложить профессора чем-нибудь тяжелым.

Моя неприязнь к нему росла с каждой минутой. Мог бы пощадить чувства будущей невесты, не заставляя ее выбирать между теткой и женихом.

– Тетя!.. – запротестовала Роуз, но голос ее дрогнул, а взгляд вильнул в сторону.

– Дорогая, я желаю тебе счастья. Если ты действительно уверена...

– Уверена.

Уверенности ее тону как раз недоставало.

Леона Фаулер подошла почти неслышно. Как у нее это получается в туфлях на таких высоких каблуках?

– Можно мне вымыть руки?

– Конечно. – Я заставила себя улыбнуться. – Я покажу дорогу.

– Не стоит, – отмахнулась она, едва не уронив висящую на плече крошечную сумочку. – Просто объясните, куда идти.

Это было несложно, так что я описала путь до ближайшей ванной и принялась помогать леди Присцилле разливать чай. С Роуз поговорю после...

Гости убрались восвояси только через час. Леди Присцилла отослала Роуз за шалью и наконец удобно вытянула ноги.

– Что? – спросила я, едва за племянницей закрылась дверь.

– Ни следа венца безбрачия, – сообщила старая ведьма не очень-то радостно. – Зато темной энергии с лихвой.

– Холмы фэйри сказались? – предположила я, немного подумав.

– Возможно. Могильники никому на пользу не идут, – согласилась она хмуро и тяжело поднялась. – А теперь идите-ка спать. Хватит на сегодня!

До своей комнаты я добралась совсем без сил. И почему Чарльз считает, что в Дорсвуде скучно? Ни дня без приключений! То

убийства, то покушения, то анонимные письма...

Меня хватило только на то, чтобы наскоро ополоснуться и переодеться в ночную сорочку. Голова болела все сильнее, глаза слипались. В камине весело горел огонь, за окном тихо и мерно накрапывал дождь. Я сама не заметила, как провалилась в сон...

И пришла в себя от того, что меня трясли. Голова моталась, как груша на ветке.

– Мэри! – звал знакомый голос. – Мэри, вы слышите меня? Да очнитесь же!

Резкая боль обожгла щеку, на лицо что-то капнуло. Еще раз. Слезы?!

Я удивилась настолько, что открыла глаза. И чуть не застонала от резанувшего по ним света.

– Уберите! – простонала я, отворачиваясь.

Из-за резкого движения виски прострелило болью.

– Мэри! – Голос инспектора был полон облегчения. – Слава богу! Как вы?

Его лицо смутно белело в полумраке. Фонарик он выключил.

Прямо скажем, бывало и лучше. Голова раскалывалась, в ушах шумело, меня сильно мутило. Я смотрела, как медленно и словно неохотно накрапывает дождь – надо же было принять его за слезы! – и с трудом ворочала тяжелыми, как булыжники, мыслями.

– Хорошо, – просипела я, сама себе не веря. – Что? Где?..

На более связанные вопросы меня не хватило. Что я делаю на улице? Ночью. Под дождем.

Шерстяное одеяло на плечах неприятно кололо тело, едва прикрытое тонкой сорочкой, ноги мои были босы.

Этан длинно выдохнул.

– Вы отравились угарным газом. Похоже, забыли открыть заслонку в дымоходе. Нужно было вытащить вас на воздух, пришлось действовать быстро.

Так вот в чем дело!

– Как вы узнали? – спросила я, поморгав. В глаза будто песка сыпанули.

Как он вообще здесь оказался? Вряд ли полицейский инспектор, как романтически настроенный юнец, караулил под моим окном. Даже если так, похищать-то зачем? Я бы сама... Кхм!

Этан поправил одеяло на моих плечах, одной рукой удерживая меня за талию. Его крепкие объятия обещали покой и безопасность. И, видит бог, я в них нуждалась.

– Я... – Он откашлялся и сознался хрипло: – Мы с констеблем дежурили возле дома.

– Зачем? – не поняла я. Ладно бы он сам... охранял мой покой, но констебль в нашем тет-а-тет явно лишний! – Погодите, вы думаете, что я свидетель? Это покушение?

Он на мгновение прикрыл глаза и ответил – устало и тускло:

– Нет, Мэри. Попробуйте выслушать меня спокойно, хорошо?

Вступление ничего хорошего не сулило.

– Хорошо, – пообещала я настороженно.

Даже голова стала болеть чуть меньше. Или это целительное действие кислорода?

Этан немного отстранился.

– Мы стережем не вас, а мисс Карпентер. Утром суперинтендант Оггилви привезет ордер на ее арест.

Глава 6

– Вы же говорили!.. – выпалила я зло, слабо стукнув его кулаком в грудь.

Он попросту зажал мне рот ладонью, не дав договорить.

– Поймите же, я обязан был доложить начальству о покушениях на Родерика Хьюза. А все указывает на мисс Карпентер: у нее был веский мотив и доступ к медикаментам. Кроме того, заколка с закланием принадлежит ей, а свидетели видели на пристани блондинку. Даже стремление уехать из Альбиона может быть продиктовано ее желанием скрыться.

– Вот именно! – перебила я, сбросив его руку. – Слишком очевидно.

– Согласен, – ответил он неожиданно и устало потер лицо. – Только это, как говорится, к делу не пришьешь. А улики против нее.

– Но что будет с Роуз, если ее арестуют?!

Публикации в газетах сотрут ее в порошок. Даже если вскорости настоящего убийцу привлекут к ответу, репутации Роуз все равно конец. А если преступник не будет найден? Тень подозрения испортит ей жизнь!

– Мэри, послушайте. – Он сжал мои плечи. – Ареста не избежать, но я сделаю все, чтобы ее вскоре освободили. Я не должен вам об этом говорить, но...

Теперь мы были по разные стороны баррикад, но почему-то мне хотелось прижаться к нему еще крепче. Глупо, правда?

– Но – что?

Этан посмотрел мне в глаза.

– Леди Хэлкетт-Хьюз давно знала о романе сына с медсестрой. У них произошел скандал.

Я молчала, и он продолжил со вздохом:

– Давайте реально смотреть на вещи. Двадцать шестого февраля леди Хэлкетт-Хьюз пришла к мисс Карпентер домой и потребовала оставить ее мальчика в покое. Это цитата – квартирная хозяйка подслушивала. Мисс Карпентер ответила, что любит Родерика и никому не позволит встать у них на пути.

– Тогда она еще работала в госпитале?

– Да.

Значит, главный аргумент защиты – что у Роуз не было мотива запастись ядом – отпадает? Все один к одному!

Я не знала, что возразить, и сделала ход конем – задала неудобный вопрос:

– Кстати, зачем вы пробрались ко мне в спальню?

Этан покраснел и сознался:

– Вообще-то я хотел поговорить. Бросал камушки в окно, но вы не отзывались. Вот и пришлось... Кхм.

Мог бы подождать до утра. Хотя, отложи Этан разговор, я была бы мертва. Так что не мне его упрекать.

– Спасибо, что спасли меня, – сказала я, запрокинув голову.

Вместо ответа он меня поцеловал.

– Простите, сэр! – Почтительный голос констебля Догсли разрушил хрупкое очарование момента. – Вы приказали срочно доложить.

– Да, конечно, – с досадой пробормотал Этан, отстраняясь. – Слушаю вас, Догсли.

Констебль старательно смотрел в сторону.

– Остальные каминные в доме потушены, сэр.

– А заслонки?

– Все перекрыты. Наверное, служанка забыла. Несчастный случай, сэр.

– Несчастный случай, – повторил Этан задумчиво. – Похоже на то. Летом редко топят камин, было бы странно на это рассчитывать.

Я передернулась – от близости смерти было не по себе – и добавила:

– Да и кому я могла помешать?

Если у Этана и были какие-то соображения на этот счет, то высказать их он не успел.

– Кхе-кхе! – громко обозначила свое присутствие вышедшая на крыльцо леди Присцилла.

Поверх халата на ней была пуховая шаль, волосы накручены на папильотки, а в руке – внушительных размеров револьвер.

Из-за плеча хозяйки робко выглядывала Сисси с кочергой наперевес.

– Что здесь происходит? – осведомилась хозяйка дома, убедившись, что все внимание приковано к ней. – Если побег, то не буду мешать.

– Увы, нет! – вырвалось у Этана.

Глаза леди Присциллы весело заблестели.

– Несчастный случай, мэм! – отрапортовал констебль Догсли, не дожидаясь реакции начальства.

На то он и оборотень, чтобы знать, кто в стае вожак.

– Каминную заслонку открыть забыли, – добавил инспектор, прижав меня к себе. – Мисс Райт едва не угорела.

Звонкое «бздынь» было нам ответом. Это Сисси выронила кочергу.

– Я все открыла! Клянусь!

– Милая, тебя никто не винит, – вздохнула леди Присцилла, обменявшись взглядом с инспектором. – Все обошлось, и слава богу. Надо наконец купить электрические обогреватели.

Она убрала револьвер, и я вздохнула с облегчением.

– Кто был сегодня в доме, кроме домочадцев и слуг? – осведомился инспектор, очевидно, для очистки совести.

– Мистер Гилмор и доктор Пэйн утром, а вечером – профессор Фаулер с сестрой, – всхлипнув, доложила дрожащая Сисси.

– Кстати, чья была идея затопить камин?

– Моя, – созналась леди Присцилла. – Потому что Мэри вымокла и продрогла. Но вы, конечно, вольны искать в этом коварный умысел.

Инспектор хмыкнул.

– Пожелай вы убить мисс Райт, могли бы обставить все с большим изяществом. К тому же какой у вас мотив? Я бы скорее поверил в проделки Джоунса.

– Для Джоунса это слишком хитроумно, – заметила я. – Он бы просто тюкнул меня лопатой по затылку.

– Или подсыпал в чай цианида, – кивнула леди Присцилла. – Прошлым летом травили ос, в банке еще много осталось. Кстати, а почему мы мокнем на улице?

Мы с Этаном переглянулись. И впрямь. Романтика, будь она неладна!

Предоставив ему объясняться с леди Присциллой, я сбежала переодеваться. Благо констебль заверил, что в комнате уже можно

находиться без опаски.

Я не без внутренней дрожи поднялась по лестнице. Пол охлаждал босые ноги. Голова еще немного кружилась, так что пришлось держаться за перила.

В комнате гулял сквозняк. Окна и двери нараспашку. Камин давно потух, решетка щедро усыпана золой. Я шагнула вперед, старательно отводя глаза от его темного зева, и обо что-то споткнулась. Выругалась, с трудом удержав равновесие, и потерла ушибленную щиколотку. Раньше чемодан стоял у подоконника, должно быть, инспектор сдвинул. Потертый, кожа местами потрескалась, кривоватые инициалы «М. Р.» совсем поблекли и перекошились.

Я похлопала его по боку, как верного коня. Скоро опять в дорогу.

Будить Роуз мы не стали, как и обсуждать грядущий арест. Этан дал понять, что отступить он не вправе, хотя долг его тяготит. Приказ суперинтенданта, ничего не попишешь. Что оставалось делать? Устроить Роуз побег? Это было бы признанием вины.

Так что мы пили кофе и болтали о всякой ерунде. Этан рассказывал истории из своей практики, выбирая забавные и с хорошим концом. А когда они иссякли, принялся травить байки о своей домовладелице, женщине почтенной, но крайне любопытной и мнительной.

– Счастье еще, – хмыкнул он, допивая третью чашку кофе, – что я работаю в отделе по расследованию убийств. Соседские дразги не по моей части.

– Зависит от того, насколько серьезные дразги, – рассмеялась я.

– Это да, всякое бывает.

– Ладно, милые мои. – Леди Присцилла грузно поднялась. – Пойду-ка я спать.

– Еще кофе? – предложила я, когда Этан украдкой потер глаза.

– Не надо, иначе я не засну до воскресенья.

Он покосился на открытую дверь, за которой виднелась лестница. Никто не проскользнул бы незамеченным.

Часы как раз пробили девять, и Роуз спустилась вниз, сонная и очаровательная в домашнем платье. Она удивленно покосилась на инспектора и прикрыла зевок рукой.

– Доброе утро. А почему окно открыто? Сыро ведь.

Свежий воздух был для меня лучшим лекарством, но уюта это не добавляло.

– Доброе, дорогая. – Я поднялась ей навстречу. – Хорошо спала?

– Да, спасибо. А ты как?

– Простите, не буду вам мешать. – Этан поднялся и тактично удалился.

– Зачем он приходил? – удивленно спросила Роуз, когда за ним закрылась дверь, и хлопнула себя по лбу. – Какая я дурочка! Он звал тебя на свидание?

Она лукаво улыбнулась, но я не поддержала легкий тон.

– Сначала поешь, потом расскажу.

По милому личику Роуз пробежала тень, однако спорить она не стала. Послушно съела два ломтика ветчины и несколько тостов с мармеладом.

– Он пришел меня арестовать, правда? – Голос ее был тих, а в расширившихся зрачках плескался ужас.

Хотелось обнять ее и утешить. Вместо этого я спросила резко:

– Почему ты мне не сказала о ссоре с леди Хэлкетт-Хьюз?

Ее недоверие злило.

– Что бы это изменило? – Голос Роуз дрогнул. – Спасибо, что не спрашиваешь, я ли...

– Я в тебе не сомневалась.

Она слабо улыбнулась.

– Спасибо, тетя Мэри. Я...

Договорить она не успела. В дверь настойчиво заколотили. Роуз сильно побледнела, однако нашла в себе силы распрямить плечи.

– Кажется, это за мной.

В коридоре загрохотали шаги, дверь распахнулась без стука.

– Мисс Роуз Карпентер? – спросил крепкий рыжеволосый мужчина.

Щеку его пересекал шрам, а выступающие зубы делали его похожим на кролика. За спиной у него возвышались дюжие констебли.

Роуз, храбрясь, поднялась им навстречу.

– Это я.

– Суперинтендант Оггилви. Вы арестованы по подозрению в убийстве леди Хэлкетт-Хьюз. У меня есть ордер на ваш арест.

Стальные браслеты на тонких запястьях Роуз смотрелись почти украшением. Узор из полудрагоценных камней был даже красив – если не знать, что он запирает магию.

Роуз увели, а я сидела, оцепенев. Чувствовать себя беспомощной было донельзя противно и унижительно. Хотелось зарыдать, хотелось бежать вслед, хотелось...

Лучше бы арестовали меня!

Сомнительное зелье, выданное мне сердобольной кухаркой, оказалось на удивление действенным. Я проспала всего два часа, зато без сновидений, и проснулась отдохнувшей. Панические мысли отступили, я больше не чувствовала себя угодившим в капкан зверем. Нельзя расклеиваться. Каждый час, пока не нашли настоящего убийцу, – это час Роуз в застенках. Так что хватит заламывать руки, пора действовать.

И первым делом – нанять адвоката. Загляну к Чарльзу Гилмору, надеюсь, он подскажет, к кому обратиться.

Я привела себя в порядок и переоделась в новое платье. Хорошенькой женщине охотней пойдут навстречу, чем унылой старой деве. Легкомысленный шифон смотрелся несколько неуместно, но темно-синие перчатки и шаль поправили дело. Осталось поправить перед зеркалом шляпку, и можно идти.

Констебль, тихо дремавший на крыльце, при виде меня встрепенулся и вскочил на ноги.

– Куда вы, мисс?

Я могла бы ответить, что у нас свободная страна, но не стала. Он не виноват, что все так сложилось.

– Немного пройдуся.

– Я с вами! – с готовностью объявил он и веско кивнул, отчего шлем сполз ему на нос.

Констебль с досадой его поправил.

– Разве вы не на посту? – усомнилась я.

– Инспектор приказал охранять вас! – отрапортовал Догсли, браво тараща глаза. – Вдруг это все-таки было покушение?

Понятно. Этан нашел повод за мной присматривать.

– Что же, – вздохнула я. – Тогда пойдете, констебль.

Будь я в здравом уме, никогда не пошла бы пешком. Можно ведь было одолжить у леди Присциллы авто!

Каждый встречный глазел на меня так, что сразу было ясно: слухи разлетелись быстрее чумы.

Я стоически переносила любопытные взгляды и старалась не ускорять шаг.

– Мисс Райт! – окликнул констебль и поравнялся со мной.

Надо думать, его присутствие интриговало деревенских жителей еще больше. Им оставалось гадать, кто я: подозреваемая, свидетель или возможная жертва.

– Да, констебль?

Я с трудом скрыла досаду. Нашел место! Мы как раз проходили мимо почты. Вся компания – миссис Шилдс, миссис Брэнт и мисс Смит – как назло, в сборе.

Констебль покосился на любопытствующих леди, передернул плечами и потер кончик носа.

– Последняя анонимка пахнет, как та леди, похожая на мышь.

Не мог найти цель попроще?

Хотя трудно представить более подходящего человека на роль автора анонимных писем.

– Нужно доложить инспектору, – сказала я наконец.

Мысль об Этане отозвалась тягучей болью за грудиной.

Констебль мотнул головой, отчего с нее едва не свалился шлем.

– Сначала я должен убедиться.

– Не бойтесь? – хмыкнула я.

В клетку льва я бы вошла с большей охотой.

– Это мой долг! – тяжело вздохнул констебль, расправил плечи и шагнул внутрь.

Я осталась наблюдать снаружи, благо окна были открыты настежь.

– Доброе утро, леди, – вежливо обратился к дамам констебль.

Они вразнобой поприветствовали его в ответ.

– Вы что-то хотели, констебль? – Миссис Шилдс на правах хозяйки взяла разговор в свои руки.

– Да, мэм, – ответил он с неожиданной робостью. Принюхался, переступил с ноги на ногу и выпалил: – Анонимные письма пахнут вашей мазью от радикулита! Как вы это объясните?

Он не мог как-то... поизящнее? Сейчас его будут бить, невзирая на форму и звание. Может, позвать на помощь деревенского констебля? Лицо миссис Шилдс пошло пятнами.

– Как вы могли подумать?! – вознегодовала почтенная хозяйка почты, чуть не топя ногами от злости. – Заподозрить меня в таком!..

В руке у нее были старинные тяжелые счеты, так что никто не обвинил бы констебля в трусости, когда он попятился.

– Мэм, – дрогнувшим голосом выговорил он, – успокойтесь. Полиция обязана расследовать...

– Полиция не имеет права совать нос в мои личные дела! – взвизгнула миссис Шилдс, замахиваясь.

Тут и шлем не спасет!

Кажется, лишь честь мундира не давала констеблю броситься наутек.

– Мэм, я ведь только...

– Я ничем таким не болею. Слышите меня? Не болею!

– Простите, мэм, – капитулировал констебль и почти кубарем вывалился на крыльцо, придерживая шлем.

Поле боя осталось за миссис Шилдс.

Позорное поражение заставило констебля замкнуться в себе. Дальше мы шли молча.

Возле полуразрушенной церкви уже кипела работа, хотя стоило бы дожждаться утверждения завещания. Строители возводили леса, выгружали кирпичи и выносили ценности. Вокруг суетился счастливый викарий Миллер.

– Осторожнее, осторожнее! – причитал он, то и дело поправляя очки. – Не разбейте чашу, она очень старинная... О, мисс Райт. Вы с племянницей придете на службу в воскресенье? Боюсь, ее опять придется проводить в молельне дома Хьюзов.

– Надеюсь, получится прийти, – отозвалась я неопределенно.

Очевидно, викарий еще был не в курсе изменившихся обстоятельств.

– Как видите, мы уже начали реставрацию. – В голосе викария звучала неприкрытая гордость. – Благодаря леди Хэлкетт-Хьюз, упокой, Господи, ее душу.

По круглому жизнерадостному лицу викария скользнула тень.

– Так странно, – заметила я, – что леди Хэлкетт-Хьюз оставила вам деньги. Говорят, она была ярой противницей реставрации церкви.

Викарий замахал руками.

– Что вы, что вы! Бедная леди просто считала, что у прихода есть более неотложные нужды. Деревенская школа, например. Или помощь старикам.

– Вот как?

– Да-да! А теперь простите, мне нужно идти. Иначе эти чада божьи...

Не договорив, он засеменял прочь.

Я пожала плечами и продолжила путь. Впрочем, ушла я недалеко – возле дома собраний нос к носу столкнулась с Рут Миллер.

Она искренне мне обрадовалась.

– Мисс Райт! Как хорошо, что я вас встретила.

Пришлось остановиться.

– Доброе утро, мисс Миллер.

– Надеюсь, вы обдумали мое предложение?

Ее квадратное и чуточку грубоватое лицо было серьезным, но глаза слегка покраснели, а волосы уложены небрежно.

– Вы уверены? – переспросила я. – Роуз...

– Глупости! – заявила она решительно и расправила плечи. – Это недоразумение скоро разрешится.

Чувствовалось, что она говорит искренне, так что на душе у меня потеплело.

– Боюсь, – сказала я со вздохом, – что теперь мы точно не останемся в Дорсвуде.

– Вот и прекрасно! – заявила мисс Миллер вдруг. – Я тоже собираюсь уехать. Полковник... – Она взглянула на констебля, стоящего в нескольких шагах, однако мужественно договорила: – Он останется здесь, а нам будет непросто уживаться рядом.

Я подняла брови. Неужели она собирается оставить брата? Уверена, он будет в гневе.

– Зачем вы с ним связались? – вырвалось у меня. – Ох, простите. Конечно, это не мое дело.

Она пожала плечами.

– Я не собираюсь замуж. Но мне тоже хотелось почувствовать себя любимой... – Рут Миллер осеклась и несколько принужденно

улыбнулась. – Поэтому я уверена, что мы с вами поладим. Две старые девы всегда найдут общий язык, не так ли?

Чернокожий слуга Чарльза при виде меня широко улыбнулся, сверкнув акульими зубами.

– Хозяин приказал впускать вас в любое время, мисс! – объявил он, кланяясь. – Я только сообщу хозяину.

Должно быть, он очень быстро бегал, поскольку вернулся всего через минуту.

– Масса Чарльз вас ожидает, – доложил он. – Сэр, прошу вас. Мне приказано напоить вас чаем.

Он увел констебля, который противиться не стал. Очевидно, не считал компанию мистера Гилмора опасной для меня... А зря.

Чарльз встал мне навстречу. Одет он был по-домашнему, в свободный льняной костюм и шлепанцы.

– Мэри, – улыбнулся он, целуя мне руку, и помог устроиться на низких подушках. Сам он сел по-турецки, скрестив ноги. – Счастлив видеть вас в своей холостяцкой берлоге.

– Чарльз, боюсь, это не светский визит.

– Мое сердце разбито! – Он картинно прижал ладонь к груди, но тут же посерьезнел. – Догадываюсь, что вас ко мне привело. Я уже договорился с адвокатом. И не тревожьтесь, его услуги уже оплачены. Нет-нет, я не желаю слушать возражений.

– Я очень вам благодарна, Чарльз.

Он усмехнулся и хлопнул себя по коленям.

– Я бы предпочел, чтобы вы испытывали ко мне совсем другие чувства. Только не сочтите это за намек, просто мысли вслух. Кстати, вы помните, что задолжали мне свидание?

Я поневоле рассмеялась, но покачала головой.

– Простите, сейчас мне не до этого. Как только Роуз будет на свободе...

– Ловлю вас на слове, – перебил он. – Кстати, о Роуз. Вы уже выяснили пункт назначения экспедиции?

Я молча покачала головой. Чарльз посерьезнел, меж черных густых бровей пролегла складка.

– Нимруд.

У меня словно пол ушел из-под ног.

Древний город, который тревожил воображение многих археологов. Могильник, где фэйри хоронили своих мертвецов тысячу лет назад. Смертельно опасное место, из которого немногим удавалось выбраться. Понятно теперь, почему профессор не хотел говорить!

Воспользовавшись случаем, Чарльз обнял меня.

– Кажется, – я выдавила смешок, – Роуз будет безопаснее в тюрьме.

– Не тревожьтесь, – шепнул он мне на ухо. – Я все решу. Хотите поехать со мной в Лозборо? Мы могли бы вместе сходить на ленч.

Я опустила ресницы.

– Чарльз, я...

Он приложил палец к моим губам. В черных глазах тлела подавленная страсть.

– Просто ленч, ничего больше. Ну же, Мэри. Вы ведь не похожи на сушеных селедок, которые живут в этой стране.

– Сомнительный комплимент, – хмыкнула я и вложила ладонь в его руку. – Хорошо. И спасибо, Чарльз.

Лишь когда лимузин Чарльза сорвался с места, я вспомнила о констебле. Не возвращаться же теперь? Надеюсь, бедняга не получит нагоняй от инспектора.

– Не беспокойтесь, – сказал Чарльз, скосив на меня черные глаза. – Джинто угостил констебля хорошей дозой снотворного. Судя по виду бедняги, ему не мешает выспаться.

– Вы читаете мысли?

– Нет. – Тонкие губы Чарльза раздвинулись в улыбке. – Просто у вас очень выразительное лицо. Кстати, я слышал, он интересовался анонимными письмами?

Хорошенькое «кстати». Видимо, слухи о выходке констебля на почте уже разнеслись по всей деревне. Интересно, кто доложил Чарльзу?

– Интересовался, – подтвердила я коротко.

– Тогда держите. – Чарльз вытащил из кармана скомканный конверт. – Надеюсь, констебля это утешит.

Очередная анонимка! Автор осмелел и почувствовал себя безнаказанным.

Читать я не стала. Сдержанно поблагодарила и убрала конверт в сумочку.

До Лозборо мы домчались за каких-то полчаса. Чарльз остановил авто возле салона красоты и повернулся ко мне.

– Думаю, вам не помешает обновить прическу или что-то в этом роде. Заеду за вами через два часа, договорились?

Намек не прошел мимо, но в этот раз я восприняла его куда спокойнее.

Я улыбнулась Чарльзу.

– Конечно.

Два часа спустя я чувствовала себя так, будто сбросила груз забот и десяток лет заодно. Потерянного времени было не жаль, и совесть меня не мучила. Даже ляг я на пороге тюрьмы – что бы это изменило? Лучше подвигнуть на помощь Чарльза Гилмора. Я готова пообещать ему десяток свиданий, лишь бы Роуз освободили.

Я выпорхнула из парикмахерской, беспечно не глядя по сторонам, и чуть не сбила с ног спешащего куда-то инспектора.

– Осторожнее. – Он придержал меня твердой рукой, присмотрелся и воскликнул: – Мэри?

– Снова здравствуйте, Этан. – Я пригладила слегка растрепавшиеся от рывка каштановые локоны.

– Что вы здесь... – начал он, бросил взгляд на вывеску и уточнил с сомнением: – Ходили в парикмахерскую?

– Именно.

Я делала вид, будто ничего странного в этом нет. Обычное ведь дело – после ареста близкой родственницы отправиться чистить перышки, как говаривала моя няня.

– Кхм, – откашлялся он. Впрочем, указывать мне на неприличность такого поведения не стал. – Пройдемся?

– Только недалеко, – попросила я, сверившись с часиками на запястье. Чарльз будет через четверть часа. – Что вы делаете в Лозборо, если не секрет?

– Никакого секрета, – хмыкнул инспектор, принаравливаясь к моему шагу. – Я привез арестованную, миссис Уайльд.

– Что?! – Я неосмотрительно повысила голос, и на нас начали оглядываться. – Пойдите, экономка ведь даже не входила в комнату.

Она никак не могла убить леди ХХХ.

– Я и не говорю, что она убийца, – пожал плечами Этан. – Она арестована как наводчица банды грабителей. Она устраивалась на работу в приличный дом, через некоторое время увольнялась, а после хозяева становились жертвой ограбления. Полиция давно разыскивала эту миссис Уайльд, она же мисс Войзи, она же миссис Грей и еще десяток имен.

От таких новостей у меня на минуту отнялся язык, а Этан добавил негромко:

– Это подорвет к ней доверие как к свидетелю. Полагаю, адвокат сумеет это использовать.

Точно! Ведь она указала на Роуз, которую якобы видела рядом со злополучной лодкой.

– Спасибо, Этан! – сказала я с чувством.

– Пожалуйста, Мэри. – Он нежно улыбнулся и тут же спрятался за напускной суровостью. – К сожалению, остальные новости не настолько обнадеживающие. Я проверил списки Королевского географического общества. Среди официальных участников экспедиций профессора Фаулера никакие «невесты» не значатся. Зато по данным паспортного контроля вместе с профессором за последние десять лет выехало шестнадцать девушек. И ни одна из них не вернулась обратно.

– Неужели никто этим не заинтересовался?

Он пожал плечами.

– Девушки были небогаты, не имели друзей и влиятельной родни. Кто бы поднял шум? Уезжали-то они добровольно.

Как и Роуз. Должно быть, меня – ничтожную компаньонку старой леди – профессор тоже не принимал в расчет.

– Как думаете, что с ними случилось? – спросила я, помолчав.

– Ничего хорошего, – ответил он мрачно. – Есть у меня кое-какие подозрения...

Договорить он не успел.

– Мэри! – окликнул Чарльз. С ним был доктор Пэйн, которому явно было неловко в строгом костюме и парадной шляпе. – А вот и мы. Доктор приехал в Лозборо, чтобы узнать, можно ли что-то сделать для мисс Карпентер. К счастью, его помощь не потребовалась.

Пока доктор с инспектором пожимали друг другу руки, Чарльз приобнял меня за талию и шепнул:

– Все решено. Ее отпустят сегодня к вечеру, как только уладят кое-какие формальности.

От облегчения я чуть не воспарила, как дирижабль.

– Спасибо, Чарльз!

И лишь помрачневший Этан несколько поумерил мой восторг.

– Теперь нам ничего не мешает пообедать вместе, – напомнил мне Чарльз с мефистофельской улыбкой, которая так шла к его смуглой внешности.

– Конечно, долги нужно платить, – ответила я иронично.

– Как вы жестоки! – усмехнулся Чарльз.

Зато лицо Этана прояснилось, чего я и добивалась.

– Кстати, инспектор, – вспомнила я. – У меня для вас новая анонимка. Пахнет садовым варом. Летом деревья редко обрезают так сильно, чтобы он понадобился. Надеюсь, это поможет.

– Благодарю вас, – сказал Этан, под ироничным взглядом Чарльза пряча улику в карман. – Останется только выяснить, кто из садоводов печет пироги и страдает от радикулита. Кстати, в последнем очень рассчитываю на вашу помощь, доктор.

Доктор Пэйн заколебался.

– Речь о врачебной тайне, инспектор.

– Бросьте, доктор, – посоветовал ему Чарльз насмешливо. – Наоборот. У того малого, который сочиняет эти писульки, явно не все в порядке с головой. Надо его найти и... полечить.

Кажется, на уме у Чарльза было куда более суровое наказание для нашего деревенского «правдолюбца». Однако доктор Пэйн сделал вид, что этого не понял.

– Думаю, вы правы, – ответил он, пряча улыбку. – Инспектор, можете на меня рассчитывать.

– Вот и славно. – Чарльз повернулся ко мне. – Мэри, прогуляемся к морю? Погода располагает.

Отказать я не смогла.

В будний день у моря было немногочисленно. Недавняя буря вынесла на берег немало водорослей, которые на солнце резко пахли.

Ступать приходилось осторожно, чтобы не угодить туфлей в мусор или, хуже того, дохлую медузу.

Зачем только Чарльз меня сюда привел? Я думала, ему по душе более фешенебельные места.

Впрочем, не все были так привередливы. Нам встречались парочки в обнимку и даже семьи с детьми, которые безмятежно возились в песке или обстреливали друг друга из водяных пистолетов. Купаться никто не рисковал, вода была ледяная.

– Вам не нравится море? – спросил Чарльз.

Он выглядел расслабленным. Руки в карманах, на губах блуждала мечтательная улыбка.

– Нравится, – не стала кривить душой я. – Чистое и теплое.

– Я отвезу вас на Лазурный берег, – пообещал Чарльз легко.

На мгновение я испытала соблазн. Уехать, окунуться в бурную жизнь без печали и сожалений, пьянящую и легкую, как шампанское. Жаль, что рано или поздно наступит похмелье.

– Простите, Чарльз, – ответила я, заставив себя улыбнуться. – Но я не поеду.

Он остановился и взял меня за плечи.

– Почему?

За моей спиной нависала скала, волна разбивалась о берег почти у самых наших ног.

Я промолчала.

Чарльз относился к тому типу мужчин, которые так нравились мне в юности. Мужчина-праздник, страстный и непредсказуемый, способный превратить жизнь девушки в фейерверк... И растаять в небе без остатка.

– О чем вы думаете? – спросил он с интересом, проведя ладонью по моей спине.

– О том, что, будь я лет на пятнадцать моложе, – страшно подумать, сколько мне уже, – я была бы от вас без ума.

– Что же мешает вам влюбиться в меня сейчас? – Чарльз притянул меня к себе, и в его низком голосе звучал сам соблазн. – Нам будет хорошо вместе, обещаю.

И поцеловал, демонстрируя, что слова у него не расходятся с делом.

– Чарльз. – Я попыталась мягко его отстранить.

Он нехотя отклонился и приложил палец к моим губам.

– Не отказывайте мне сейчас. Подумайте. Я дам вам все и никогда не попрекну прошлым.

Надолго ли?..

Что-то грохнуло, и на брюки Чарльза плеснуло водой. Он с проклятием отскочил и обернулся. По берегу, весело хохоча, неся мальчишка лет десяти, размахивая какой-то коробкой. За ним гнался мужчина, на ходу вытаскивая ремень. Ребенок хихикнул, швырнул ему что-то под ноги, и мужчина с воплем покатился по песку.

Достанется шутнику на орехи! Но сейчас он мчался вдоль кромки прибоа, счастливый и торжествующий, прижимая к груди ту самую коробку. Подозрительно знакомую коробку!

– Чарльз, – выдохнула я, хватая его за руку. – Мне срочно нужен Этан!

– Не находите, – криво улыбнулся Чарльз, – что думать сейчас о другом... невежливо?

– При чем тут?.. – растерялась я, встряхнула волосами и сказала с досадой: – Перестаньте! Он нужен мне по делу.

– Позже, – ответил Чарльз, взглянув на часы. – Вы ведь не хотите бросить Роуз на произвол судьбы и газетчиков?

Нам с Чарльзом пришлось ждать в авто, чтобы не привлекать лишнего внимания. Адвокат вывел Роуз через заднюю дверь, подальше от вездесущих журналистов, и передал поджидающему доктору. Благо его в лицо писаки не знали.

Доктор Пэйн вел ее за руку, как маленькую, и она доверчиво жалась к нему. Роуз сильно осунулась, глаза у нее запали, а губы обветрились, как в лихорадке.

– Как ты, дорогая? – ласково спросила я.

– Тетя. – Она вцепилась в мою ладонь и попросила севшим голосом, как у ребенка, который долго плакал и обессилел от слез: – Увези меня отсюда!

– Конечно, дорогая. Как скажешь.

Чарльзу хватило ума не настаивать на вечернем свидании. К тому же штанины у него все еще были мокрые.

– Я вас оставлю, – сказал он, кивая адвокату. – У меня еще дела. Доктор, отвезете леди домой?

– Конечно, – кивнул доктор и улыбнулся Роуз.

Она просияла в ответ.

Инспектору я позвонила только утром.

– Мы можем встретиться? – спросила я без обиняков.

– Разумеется, – сдержанно откликнулся Этан. – Возле дуба?

Он держался как-то сухо, чопорно. Быть может, боялся, что разговор подслушивают?..

Когда я, слегка запыхавшись, поднялась на холм, Этан меня уже поджидал.

Он погасил сигарету и вежливо встал мне навстречу. Обнять, впрочем, не пытался.

– Здравствуйте.

И вновь эта холодность. Из-за ревности? Сомнительно, я ведь дала понять, что вовсе не предпочитаю Чарльза.

– Мне нужно кое-что вам рассказать, – сказала я, кутаясь в пальто.

Погода совсем испортилась, с утра моросил дождь и поднялся ветер.

– Рассказывайте, – согласился инспектор.

На меня он не смотрел.

– Вчера на берегу я видела ребенка, – начала я, старательно подбирая слова. Хотелось сесть, но ствол поваленного дерева был такой мокрый и грязный, что я не рискнула. – У него были и «шутиха-водоворот», и «спотыкач». Оказывается, это часть набора «Юный маг»! Их недавно начали продавать в столице.

– Любопытно, – признал Этан, в мыслях пребывая где-то далеко. – Мы спрашиваем, конечно. Хотя вряд ли в столичных магазинах удастся что-то выяснить. Вы же знаете, какие там толпы.

– Это не потребуется, – вздохнула я. – Потому что я сама видела, как такой набор покупала Леона Фаулер.

– Мисс Фаулер? Вы уверены?

Особого удивления, впрочем, он не выказал.

– Я видела несколько фильмов, в которых она играла, так что сразу ее узнала. И пока я не забыла! Вы знаете, что в полевых условиях медом часто обрабатывают раны?

– Точно! – прищелкнул пальцами инспектор, несколько оживившись. – И травы подходящие – подорожник, ромашка и календула.

– Наверняка у профессора Фаулера есть баночка. Кстати, помните о блондинке, которую видели рядом с лодкой? У Леоны Фаулер ведь тоже светлые волосы. Другого оттенка, правда, но в сумерках немудрено перепутать.

– Возможно, – согласился он странным тоном.

– Роуз вчера сказала Леоне, что я видела ее в столичном универмаге, – продолжила я.

Племяннице ведь даже в голову не пришло, что это может быть важно!

– Случаем, мисс Фаулер не присутствовала, когда леди Присцилла упомянула про камин?

– Они зашли на чай. И после она выходила мыть руки.

– Выглядит складно.

Он как будто мне не поверил. Почему?

– Только какой мотив? Зачем Леоне Фаулер убивать леди Хэлкетт-Хьюз?

– С мотивом все в порядке, – заверил инспектор мрачно. – Я навел справки. Полное имя профессора Фаулера – Арнольд Бэйн-Фаулер. Его отец – Оскар Бэйн. Вам это о чем-нибудь говорит?

В голове всплыла фраза Чарльза: «Троюродный кузен, кажется, Оскар Бэйн... Я не слышал, чтобы у него были дети».

– Разве наследник не Чарльз? – вырвалось у меня.

Этан сунул руки в карманы.

– А мне вы о Чарльзе ничего не сказали... Впрочем, я все выяснил сам. Семейный поверенный считает, что в случае смерти прямого потомка леди Хэлкетт-Хьюз титул и поместья получит Арнольд Бэйн-Фаулер. Очевидно, профессор с сестрой сильно нуждаются в деньгах и решили поторопить события.

– Не понимаю, – сказала я растерянно. – Как профессор или мисс Фаулер могли отравить леди Хэлкетт-Хьюз? Их там даже не было!

Этан пожал плечами.

– Ордер на обыск я получил. Если найдется что-нибудь интересное, мы сможем предъявить обвинение.

По-моему, он что-то недоговаривал, однако допытываться я не стала.

– Можно мне с вами? – попросила я. – Нужно ведь будет опознать ту коробку?

Он как-то криво улыбнулся.

– Вы правы, нужно. Только как мне записать ваши показания... Люси?

Сердце заколотилось в горле.

– Люси? – словно со стороны услышала я свой голос. – При чем тут моя сестра?

– Перестаньте. – Он рубанул воздух ребром ладони. – Говорят, три года назад, после экспедиции в джунгли, Мэри Райт сильно переменялась.

– Еще бы! Я ведь едва не погибла.

Инспектор меня словно не слышал.

– Мэри порвала с людьми, некогда бывшими ее ближайшими друзьями. Много реже стала посещать церковь. Вдруг обеспокоилась судьбой осиротевшей племянницы...

– Разве это не естественно?

– Не сказал бы. Раньше Мэри так мало интересовалась родственниками, что весь свой небольшой капитал отписала церкви. Три года назад она уехала туда, где ее никто не знал, и устроилась работать в аптеку. Почти в то же время исчезла со сцены младшая сестра, Люси, артистка ревю. Любопытное совпадение, не находите?

Я молчала, и он продолжил, зло дернув щекой:

– Вы умны, привлекательны и не слишком похожи на тихую и скромную старую деву, которой изо всех сил пытались казаться.

– О да. Это страшное преступление! Так что навело вас на мысль?

Он пожал плечами.

– Детали множились. Сначала был чемодан с инициалами, на котором «Л» неловко исправлено на «М»...

– Знала же, что надо его выбросить, – пробормотала я. – Вы продолжайте, продолжайте.

– Когда я заметил, что корни волос у вас очень светлые, то счел, что вы рано поседели. Но так вышло, что я заглянул в парикмахерскую после вас. Мастер видел нас вместе и заметил – без задней мысли, – что не понимает, зачем вы красите такие чудесные светлые волосы. Тут передо мной забрезжил свет. Мисс Мэри Райт была шатенкой. Зато у нее имелась младшая сестра, Люси. И вот она, как свидетельствуют паспортные архивы, как раз-таки была очень светлой блондинкой. Думаю, старые знакомые подтвердят, что у Мэри не было

способностей фэйри... Она ведь умерла в той экспедиции, верно? А вы присвоили ее деньги?

– Да, – сказала я просто. – Моя старшая сестра с мужем погибли в автокатастрофе. Оказалось, что дела их очень запущены. Роуз тогда было всего шестнадцать, она осталась без крыши над головой и без единого пенни. Я надеялась, что Мэри не оставит сироту. При всех своих чудачествах она не была злой... И тут пришло известие о ее смерти. Той экспедицией руководил Лайон, мой давний и хороший друг. Он и предложил мне выход. А я... я согласилась. Что еще мне оставалось делать?

– Вы могли бы... – начал Этан и умолк.

Я пнула подвернувшийся под ногу булыжник и проследила, как он катится по склону холма.

– Ни черта я не могла, инспектор. Сбережений у меня почти не было, к тому же кто отдаст ребенка певичке из ревю? Роуз ждали приют и нищета, потому что эта святоша Мэри оставила все свои деньги церкви! – Я выдохнула и сказала устало: – Но ведь благие цели не оправдание, так? Вы нашли преступницу. Теперь вас похвалят, может, даже повысят. Сначала воровка, потом мошенница, а дальше, глядишь, и до убийцы дело дойдет...

Я умолкла и сглотнула горькую слюну. Надо же! Не думала, что разочарование Этана так меня заденет. Зря я позволила себе увлечься. Знала ведь, что будущего у нас нет.

– Перестаньте! – потребовал он, морщась. – Думаю, вы отлично понимаете, что никакого суда не будет. Церковь не станет ввязываться в такое грязное дело ради пятисот фунтов.

– Вы правда думаете, что меня страшит суд?

– Что же еще?

Я покачала головой и обняла себя руками. Меня трясло.

– С вашей профессией полагалось бы лучше разбираться в людях, инспектор. Для меня важно лишь мнение близких.

– Роуз... – протянул он понимающе, затем шагнул вперед и вдруг резко, почти грубо схватил меня за плечи. – Она ваша внебрачная дочь, да?

Как говаривала моя няня, поджарив яичницу, по цыплятам не плачут.

И я сказала:

– Да.

Он опустил руки. Помолчал.

– Это вы убили леди Хэлкетт-Хьюз?

А теперь пытаюсь переложить вину на Леону и Арнольда Фаулеров? Неплохая мысль. Жаль, что ошибочная.

– Ведомая слепой материнской любовью, очевидно? Бросьте, инспектор.

– Почему же? – спросил он тихо. – Леди Хэлкетт-Хьюз была знакома с вашей семьей, и ей наверняка было многое известно о том давнем скандале. Об остальном она могла догадаться, а скандал бросил бы тень на Роуз. Кроме того, леди Хэлкетт-Хьюз мешала ее свадьбе со своим сыном.

– Потому что я не такая дурочка, какой вы меня считаете! – заявила я досадливо. – Мало приятного иметь мать-певичку. Но мать-убийца куда хуже, согласитесь?

С минуту он смотрел на меня, потом резко выдохнул и разжал стиснутые кулаки.

– Я вам верю. Да, кстати... Спасибо за помощь с анонимками. Знаете, кто это был? Миссис Меллинг.

Та самая почтенная старая леди, мать большого семейства? Перед глазами встала старушка, закутанная в несколько шалей.

– Не может быть!

– Может, – хмыкнул инспектор. – Специи, мазь, садовый вар – все сошлось. Констебль ее унюхал, и мы уже изъяли газеты, из которых были вырезаны буквы и слова для писем. Кстати, деревенские об этом знали. Лет пять назад старушка уже баловалась анонимками, тогда поднялся большой шум. Дело замяли, а миссис Меллинг прописали лечение. Но, видимо, все эти события окончательно заставили ее...

Он покрутил пальцем у виска.

Встретили нас не слишком приветливо. Старый дворецкий побледнел и едва не попятился. Очевидно, он не ждал от полиции хороших новостей.

– Сэр? – вымолвил он дрогнувшим голосом. – Что вам угодно?

За спиной инспектора Баррета сопел деревенский констебль, а констебль Догсли активно подметал крыльцо хвостом и радостно повизгивал. Вот кто души не чает в своей работе!

– Проводите нас в комнаты профессора Фаулера и мисс Фаулер, – повелительным голосом велел инспектор. – У меня есть ордер на обыск.

– Мать честная! – ахнул дворецкий и тут же сконфуженно кашлянул. – Простите, сэр. Профессора нет, но мисс Фаулер в своей комнате.

– Ничего, Уильямс. Я понимаю.

Убийство хозяйки, покушения, анонимные письма, арест экономки, а теперь обыск в покоях гостей... Хорошо, что дворецкий давно сед, иначе поседел бы скоропостижно.

– Прошу следовать за мной, сэр! – чопорно сказал Уильямс и пошаркал на второй этаж.

Мы гуськом: инспектор, констебли – двуногий и четвероногий – и я проследовали за ним.

Дворецкий постучал в одну из спален.

– Мисс Фаулер, можно войти?

– Что опять? Хотя ладно, входите.

Уильямс приотворил дверь и отступил в сторону. Далеко, впрочем, не ушел.

Леона красила ногти, от усердия высунув кончик языка. С правой ногой она уже закончила и теперь старательно водила алой кисточкой по ногтям левой.

Завидев столь странных гостей, она дурашливо приподняла брови и округлила глаза.

– Какие люди! Инспектор, что заставило вас врывать к девушке в такой интимный момент?

– Интересы дела, разумеется, – отвечал инспектор с каменным лицом.

– Разумеется! – фыркнула она, завинчивая колпачок лака.

– Ордер на обыск. Ознакомьтесь.

Этан положил официального вида бумагу на журнальный столик.

Леона небрежно подняла ее, вчиталась и сказала со смехом:

– Что за чушь! Ни я, ни брат не убивали старушку, вам это прекрасно известно.

«Старушку»? Леди Хэлкетт-Хьюз не исполнилось и пятидесяти!

– Приступайте, – вполголоса скомандовал инспектор, адресуясь главным образом к констеблю Догсли, и сухо поправил: – Речь не о

леди Хэлкетт-Хьюз. Думаю, ее убил кто-то другой. И это натолкнуло вас на гениальную мысль. Все дело в том, что мистер Родерик Хьюз не женат.

Мгновение она смотрела на него, потом, запрокинув голову, расхохоталась.

– Только не говорите, – выдавила она сквозь смех, – что вы решили, будто он отказался на мне жениться, а я настолько потеряла голову, чтобы за это мстить!

– Вовсе нет. Пока мистер Хьюз не женат, он не имеет законных наследников. От всего рода Хэлкеттов остался один Родерик, и в случае его смерти наследство перейдет дальним родственникам. Угадайте, кто это?

Она поправила полы шелкового халата и сказала лениво:

– Ума не приложу.

Деревенский констебль, красный как рак, рылся на полках с нижним бельем. Он касался кружевных комбинаций и шелковых чулок с таким видом, словно в них прятались скорпионы.

– Зато я знаю. – Инспектор сохранял хладнокровие. – Ваш единокровный брат, Арнольд Бэйн-Фаулер, получит все. И вот леди Хэлкетт-Хьюз умирает. Между вашим братом и богатством теперь стоит только Родерик Хьюз. Притом никто не может заподозрить вас обоих в причастности к первому убийству, что дает вам великолепное алиби.

Я прикусила губу, сдерживая восклицание. Точно! Никто бы не подумал, что убийц было двое.

– Что за чушь! – сказала она презрительно. – Почему я должна слушать весь этот бред?

– Потерпите, осталось совсем немного. Итак, вы не планировали убийство, так что пришлось импровизировать. Под рукой у вас оказался набор «Юный маг», который вы очень изобретательно использовали. Не пытайтесь отрицать – мисс Райт видела вас и опознала.

– Знала же, что...

Она с ненавистью посмотрела на меня из-под густо накрашенных ресниц.

– Вам ужасно не везло, – посочувствовал инспектор, только глаза его были холодны, как Северное море. – То покушения на Родерика

Хьюза срывались одно за одним, а теперь и мисс Райт умудрилась выжить.

– Сэр! – выдохнул констебль Греггсон. – Взгляните-ка!

Меж ночных сорочек и еще более интимных штучек виднелась картонная коробка со знакомой надписью: «Юный маг».

– Как видите, – повернулся к Леоне инспектор, – у нас есть доказательства.

– Ерунда, – отмахнулась она, прикуривая, и удобно вытянула ноги на диване. – Набор я купила в подарок крестнику, это не преступление. Насчет камина вы ничего не докажете, обычная нерадивость прислуги. А насчет остального... Не думаю, что милашка Родди станет на нас заявлять. Семейке Хьюз ни к чему новый скандал, им и так досталось. В конце концов ничего ведь не случилось!

И тут звонко залаял Догсли, обнюхивавший спинку дивана.

– Так-так, что там у нас? – Инспектор попытался заглянуть за спину мисс Фаулер.

Она явственно занервничала.

– Ничего там нет!

– Встаньте, пожалуйста. Мисс Райт, помогите.

В четыре руки мы кое-как оторвали сопротивляющуюся кинозвезду от дивана и передали багровому от смущения деревенскому констеблю. Леона брыкалась и пыталась царапаться.

Догсли взвизгнул и поддел носом подушку.

– Гав! – веско заявил он.

– Осторожнее. – Инспектор перехватил мою руку.

Я вздрогнула и пробормотала:

– Простите, я не хотела мешать.

– Это может быть опасно, – смягчился он. – Ну-ка, что тут у нас? Так-так!

Он откинул подушку и кончиком авторучки коснулся черного лезвия спрятанного под ней кинжала. По рукоятке словно пробежала рябь.

– Ритуальный, – поднял на меня глаза Этан. – Им недавно убивали.

– Кого? – пробормотала я, совсем растерявшись.

– А вы не догадались? – На скулах Этана играли желваки.

Я шевельнула вдруг онемевшими губами, но сказать ничего не успела.

В коридоре раздались торопливые шаги, в комнату ворвался слегка растрепанный профессор.

– Что тут происходит, черт побери? – накинулся он на растерявшегося констебля. – Немедленно отпустите мою сестру!

– Мистер Фаулер, – шагнул вперед инспектор, принимая огонь на себя. – Вы арестованы по обвинению в убийстве Джулии Мэйсмит, Виктории Дадли, Элизабет Коттрейн и Элен Доггерти. Это лишь те эпизоды, которые мы в данный момент готовы доказать. Мисс Фаулер пойдет соучастницей.

– Что за ерунда?

– Вы отрицаете, – прищурился инспектор, – что знакомы с ними?

Профессор сразу понял, что отрицать бессмысленно, и скорчил презрительную мину.

– Не отрицаю, конечно. Я знал этих девушек, но зачем мне их убивать? Надеюсь, вы не считаете, что я маньяк? Это пошло, в конце концов!

– Нет! – Голос инспектора щелкнул, словно кнут. – Вы в здравом рассудке. Если так можно сказать о человеке, который приносил человеческие жертвы, чтобы войти в холмы фэйри. Девушки были потомками дивного народа, ведь так? Только крови фэйри в них было слишком мало, чтобы подчинить ловушки. Приходилось сцезивать ее всю до капли и проводить ритуал.

Меня замутило. Не глядя, я нащупала кресло и опустилась в него. Так вот зачем профессору нужна была Роуз! Ворота к легендарному Нимруду, будь он проклят.

Арестованных увезли.

Я прогулялась по саду Хьюзов, чтобы немного успокоиться. Поболтала о том о сем с садовником Гроувером, полюбовалась на быстро отрастающий душистый горошек и наконец, побрела домой. Из-за туч выглянуло солнце, хотя ветер был по-прежнему холодным. Щеки у меня горели, зато в голове прояснилось.

– Мисс, – выглянула из дома Сисси, – вас джентльмен в беседке ждет.

На меня она не смотрела. Дулась.

– Спасибо, Сисси, – сказала я мягко. – Кстати, могу тебя обрадовать. Ты не забыла открыть заслонку, это меня пытались убить.

Горничная вытаращила глаза и прикрыла рот рукой.

– О мисс!..

Сняв камень с шеи Сисси, я тоже почувствовала облегчение. Даже не спросила, кто пришел. Помахала горничной и побежала в сад.

Заглянула в беседку, с порога сказала бодро:

– Здравствуйте!

И осеклась.

Уильям Лесситер?!

Глава 7

Движение я заметила краем глаза.

– Боюсь, я не могу... – начала я, машинально поворачивая голову.

Что-то свистнуло, и мистер Лесситер без звука повалился на пол. Рядом с ним валялся увесистый булыжник.

Я вскрикнула, наклонилась к нему, протянула руку, чтобы коснуться плеча...

– Мэри, отойдите! – напряженно скомандовал знакомый голос.

Меня оттащили в сторону и прижали к твердой груди.

– Этан, что вы тут... То есть простите, инспектор.

Он сильнее сжал мои плечи.

– Это же Уильям Лесситер, знаменитый бандит. Я узнал его по фото в полицейском досье. Говорят, он давно за вами гоняется!

Его сердце под моей щекой колотилось так, что я сказала:

– Знаете, я могу приготовить вам отличную валериановую настойку.

Инспектор фыркнул.

– Если вы намекаете, что мне надо подлечить нервы, то зря. Хотя... Мэри, вы хоть понимаете, что я чуть не поседел? Зачем вы с ним встретились?

Я недоверчиво подняла голову. Серьезно?

– Хотите сказать, что испугались за меня?

Его взгляд был полон нежности.

– Я люблю вас, – сказал он просто.

– Ш-ш-ш... – Я приложила палец к его губам. – Не говорите того, о чем после будете жалеть.

Он перехватил мою руку и поцеловал ладонь.

– Не буду. Я прошу вас стать моей женой.

– Меня? – горько улыбнулась я. Только бы не расплакаться! – Певичку, мошенницу и авантюристку?

Этан мотнул головой.

– Мне все равно. Когда я думал, что вас вот-вот убьют... – Он судорожно вздохнул. – Оставайтесь со мной.

Я покачала головой и отстранилась.

– Я не такая эгоистка, какой вы меня, очевидно, считаете. Отпустите, Этан. Мне лучше уехать.

... и поскорей. Пока я совсем не потеряла голову.

Серые глаза Этана потемнели, он нехотя разжал руки.

– Значит, вы примете предложение Чарльза?

– Для женщины в моем положении это неплохой выход, не так ли? – ответила я уклончиво.

– Перестаньте, – сказал он с досадой, ероша волосы на затылке. – Послушайте, на самом деле все просто. Вы или любите Чарльза, или нет.

– Что, если нет? – спросила я после паузы.

Я знала, что не стоит этого говорить. Знала, черт возьми! И не могла удержаться...

Он шагнул вперед и молча меня обнял.

– Мой дорогой, – сказала я нежно, проводя ладонью по его щеке, – я не гожусь в жены полицейскому. Вы будете меня стыдиться.

– Это позвольте решать мне.

Я покачала головой.

– Представьте, что будут говорить. «Выступала в ревю! Как вам это нравится?» Вы можете стать суперинтендантом или даже начальником полиции. Вам ни к чему жена, которая будет вас компрометировать.

– Когда я думал, что могу вас потерять... – Он прикрыл глаза. – Хуже нет ничего. Мне плевать, как вас зовут на самом деле: Мэри, Люси или какая-нибудь Эванджелина. Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

У меня закружилась голова. Он что же, всерьез?

– Я не могу венчаться с вами под чужим именем! Есть что-то святое и для меня.

Лицо Этана посветлело. Он даже улыбнулся.

– Ну разумеется. Я все обдумал. Мы скажем, что бедная Мэри умерла. Сущая правда, согласны? Вы смоете краску с волос и вновь станете Люси, после чего мы поженимся.

Я глядела на него во все глаза. Ну и ну!

– Как все просто... Вы, должно быть, шутите?

Инспектор пожал плечами.

– Почему? Мы ведь не собираемся жить в округе Лозборо. А в столице никто не знает ни Мэри, ни Люси Райт.

– Нет, Этан. Рано или поздно все это всплывет, и что тогда? Вы лишитесь работы, а я окажусь в суде.

– Да послушайте же! – Он легонько меня встряхнул. – Я договорился с Чарльзом, он увезет вас на своей яхте. Как только вы окажетесь вне юрисдикции альбионского правосудия, я выложу всю эту историю своему начальнику. Не думаю, что в такой ситуации он станет возбуждать дело, так что после вы сможете вернуться.

Мне вдруг стало трудно дышать. «Ко мне», – хотел сказать он.

– Что, если вы ошибаетесь? Если ваш начальник прикажет меня арестовать?

Он вдруг улыбнулся и ответил просто:

– Тогда я приеду к вам. Свет не сошелся клином на Альбионе. Хороший полицейский везде пригодится.

Я провела ладонью по его щеке и сказала нежно:

– Из вас выйдет чудесный шериф, Этан!

Он поцеловал меня в уголок губ и уточнил:

– Это значит «да»?

И я сказала:

– Да!

– Вообще-то я уже мог убить вас раза три, – проворчали с пола.

– Что же не убили? – хмыкнул инспектор, на всякий случай задвигая меня себе за спину.

Хотя ясно было, что, если бы, хотел – предупредить бы не стал. Мы ведь напрочь о нем забыли!

Уильям Лесситер со стоном сел, коснулся разбитой головы и пожаловался:

– Башка трещит. Вы бы хоть спросили для начала, зачем я приехал.

– Мистер Лесситер пришел поговорить, – вмешалась я, коснувшись напряженного плеча Этана. – Оказывается, он разыскивал меня вовсе не ради мести.

– Что я, дурак? Три года гоняться за строптивой дамочкой? – Он осторожно повел головой и поморщился. – Хороший удар.

– Я неплохо играю в гольф, – заметил инспектор со значением.

Я закатила глаза. Мужчины!

– Мистер Лесситер разыскивал меня как свидетельницу по одному щекотливому делу.

Этан нахмурился.

– Зачем тогда нужно было сочинять небылицы?

Уильям Лесситер пощупал шишку и зашипел сквозь зубы.

– Потому что если бы кое-кто узнал, что она видела, ее бы прихлопнули.

– Веская причина, – признал Этан нехотя. – Надеюсь, вы уже все выяснили?

– Почти. – Бандит кое-как поднялся и тут же повалился на скамейку. – Черт! Ладно, к делу.

– Вам придется говорить при мне, – предупредил Этан жестко.

– Я же не дурак, – хохотнул Билли Лесситер, осторожно поводя плечами. – Понимаю, что избавиться от вас сейчас можно только... – Он выразительно чиркнул пальцем по шее. – Расслабьтесь. Мне ни к чему делать глупости, тем более в чужой стране.

Билли Лесситер ушел через полчаса, оставив нас в беседке вдвоем.

– Мне ужасно хочется вас поцеловать, – пожаловался Этан, улыбаясь.

Я засмеялась и села рядом.

– За чем же дело стало?

– Боюсь, тогда я совсем не смогу думать, – вздохнул он. – А подумать есть о чем. Кто же все-таки убил леди Хэлкетт-Хьюз?

– А какие остались варианты? – Я пальцем разгладила напряженную морщинку меж его бровей. Как же давно мне хотелось это сделать!

Он повернул голову и нежно потерся щекой о мою руку. Что, впрочем, не мешало ему рассуждать вслух:

– Профессор Фаулер и мисс Фаулер отпадают, вы с Роуз тоже. Чарльз, конечно, считал себя наследником, однако на мотив это не тянет. Он и без того сказочно богат. К тому же его дед, хиндустанский принц, вот-вот умрет, а наследником он назвал именно Чарльза. Так что вряд ли ему интересен баронский титул. Сибил Бредфорд не стала бы убивать, рискуя, что полиция при расследовании обнаружит

пресловутые улики. Кстати, они нашлись в банковском сейфе леди Хэлкетт-Хьюз. Кто у нас остается?

– Полковник и Родди Хьюз. И, конечно, Рут Миллер. Вы же не думаете?..

Этан покачал головой.

– Их мы уже проверили и отбросили.

Думать вместе было восхитительно. Пожалуй, даже приятнее, чем целоваться. Хотя одно другому не мешает, ведь так?

Он взял мою руку и переплел наши пальцы.

– Что вы думаете о викарии, Мэри? Говорят, у него были стычки с леди Хэлкетт-Хьюз. Что-то по поводу расходования приходских денег и помощи от епископа.

– К тому же викарий – страстный цветовод, – заметила я многозначительно.

Этан повернул голову и спросил недоверчиво:

– Вы серьезно? Разве это мотив?

– Приз, – напомнила я. – Даже если умолчать о профессиональной ревности, то первое место в конкурсе цветоводов позволило бы викарию отреставрировать церковь.

Он усмехнулся и покачал головой.

– Должно быть, для него было страшным потрясением, когда огласили завещание!

– Зато подсыпать яд ему было легче легкого. Прямо у всех на глазах! Помните, он перекрестил тарелки?

Мы помолчали, и Этан сказал со вздохом:

– У нас нет улик. Даже самых крошечных.

– Зато у меня есть идея. Думаю, Рут Миллер что-то знает.

Инспектор не стал откладывать дело в долгий ящик, только прихватил с собой констебля с блокнотом.

Рут Миллер открыла дверь не сразу. На ней были грубый фартук и перчатки, волосы спрятаны под косынкой.

– Инспектор? Мисс Райт? – удивилась она. – Что вы хотели?

– Можно нам войти?

Мгновение она колебалась, затем отступила.

– Конечно. Проходите на кухню, пожалуйста. – Она указала дорогу, извиняясь на ходу: – Простите, что я в таком виде. Как раз

паковала... кое-что.

– Лабораторию трудно перевозить, – посочувствовала я, кашлянув.

В ее быстром взгляде не было прежнего дружелюбия. Она кое-как стащила перчатки и развязала завязки фартука.

– Хотите чаю?

– Нет, спасибо. – Инспектор вежливо придвинул ей стул. – Присаживайтесь, мисс Миллер. У нас к вам важный разговор.

– У нас? – повторила она со странной интонацией.

Он кивнул.

– Мисс Райт хочет задать вам несколько вопросов.

Констебль в углу старательно записывал. Очевидно было, что, если она откажется отвечать, эти же вопросы повторит инспектор, уже от лица полиции.

Узковатые губы мисс Миллер дрогнули, твердый подбородок поднялся выше.

– Пожалуйста, спрашивайте.

Она повела рукой – грубоватой, с бляшками мозолей.

– Мисс Миллер, – я села напротив нее, – почему вы решили уехать?

– Я же сказала вам, полковник... – начала она заученно.

– Это не согласуется с вашим характером, – перебила я. – Сентиментальность вам чужда. Вы сказали то, что я, по вашему мнению, ожидала услышать. Так почему вы долго плакали, а потом решили уехать из места, где спокойно прожили всю жизнь?

– Вам ведь известно, – вступил инспектор, не отрывая от нее внимательного взгляда, – что леди Хэлкетт-Хьюз убил ваш брат?

Ее лицо дрогнуло.

– Откуда бы...

Лгать она не умела. Покраснела до корней волос и неловко отвела глаза.

Инспектор наклонился к ней.

– Мисс Миллер, рано или поздно все выплывет наружу. Вы хотите стать соучастницей?

– Я не знаю ничего такого! – воскликнула она в отчаянии.

Инспектор был деликатен, но строг.

– Позвольте об этом судить мне.

Она с минуту молчала, глядя на грязные чашки в мойке, потом глубоко вздохнула и сказала мертвым голосом:

– Я и впрямь ничего не знаю. Просто однажды, недавно, я видела у Джеймса книгу. Библиотечный справочник ядов и декоктов, хотя раньше Джеймс ничем таким... – Ее голос ослаб, и она прикрыла глаза. – А еще месяц назад брат исповедовал умирающего, мистера Марча. Я дружу с его женой. Однажды она сказала, что...

– Что у него пропало немного лекарства, – довершил инспектор, блеснув глазами. – «Пыльцы фэйри», очевидно.

Она молча кивнула.

Инспектор поднялся.

– Вы позволите нам осмотреть дом? Я не думаю, что... Но мы должны проверить.

– Пожалуйста. – Она слабо махнула рукой. – Ищите.

Констебль Догсли обнюхал дом сверху донизу, но не обнаружил ничего подозрительного. Он отправился исследовать церковь и кладбище, а инспектор повез меня домой.

– У нас по-прежнему нет улик, – вздохнул он, помогая мне выйти из авто, и обнял. – Мэри... Пока я буду называть вас так, договорились?

Я пожала плечами. Почему нет, если ему так проще?

– Как хотите.

Он заглянул мне в глаза.

– Думаю, нужно обо всем рассказать Роуз. Она вправе знать.

Хотелось, конечно, ее от этого оградить. Но как я буду с ней разговаривать, когда – если – вернусь в Альбион? Она ведь знает меня как «тетю Мэри».

– Пожалуй, – нехотя согласилась я. – А теперь поцелуйте меня наконец!

Он не заставил долго себя упрашивать.

Мы так увлеклись, что не слышали шагов: звонкого стука каблучков Роуз и неторопливой поступи доктора Пэйна.

– Тетя Мэри? – Глаза Роуз были широко распахнуты, щеки залила краска.

Она выглядела заплаканной и потрясенной. Должно быть, уже дошли новости об аресте профессора. Хотя лучше несколько

неприятных дней, чем смерть на алтаре.

К тому же мне было чем ее отвлечь. Я улыбнулась ей.

– Здравствуйте, мисс Карпентер. – Этан приподнял шляпу. – Доктор Пэйн.

Доктор кивнул ему и сунул руки в карманы.

Этан обнял меня за талию и сказал:

– Надеюсь, вы порадуетесь за нас. Мы с мисс Райт решили пожениться.

Роуз взвизгнула и бросилась мне на шею.

– Тетя! Какая чудесная новость!

– Спасибо, дорогая. – Я расцеловала ее в обе щеки и отодвинула от себя. – Нам с тобой нужно поговорить.

– А мне пора ехать, – вздохнул Этан, захлопывая пассажирскую дверцу.

– Постойте! – вдруг заговорил доктор. – Мне тоже нужно кое-что сказать.

Инспектор поднял брови.

– Надеюсь, вы не собираетесь признаться в убийстве?

Веснушчатое лицо доктора было серьезным и решительным.

– Признаться, – кивнул он. – Но не в убийстве. Дело в том, что я уезжаю из Дорсвуда.

– Как? – воскликнула Роуз, побледнев. – Вы тоже меня бросаете?

Поняв, что выдала себя, она прикусила губу. А я покачала головой. Какой же она еще все-таки ребенок! Добрый, чистосердечный, но эгоистичный ребенок.

Доктор Пэйн повернулся к ней.

– Вовсе нет. Мне предложили место в Плимутском королевском госпитале. Я отправлял им кое-какие свои работы и... Словом, они меня приглашают.

Роуз прикусила розовую губку.

– Это чудесно.

Я отвернулась, пряча улыбку. Что-то не слышно восторга. Роуз так привыкла, что преданный обожатель всегда под рукой, что теперь растерялась.

Он взял ее руки в свои.

– Они готовы принять со мной на работу и медсестру. Если вы захотите, Роуз.

Я кашлянула и заметила тоном строгого опекуна:

– Надеюсь, вы не думаете, что я отпущу Роуз с вами без венчания?

Глаза доктора расширились.

– Конечно нет! Об этом не может быть и речи. Роуз, я люблю вас.

Вы выйдете за меня?

Место было выбрано из рук вон плохо. Предложение руки и сердца на подъездной аллее – куда это годится?

Зато как он на нее смотрел!.. Это искупало все.

Роуз молчала, и он отвел глаза. Сказал, сглотнув:

– Понимаю, вам нужно подумать. Я вас не тороплю. Приступить к работе только через месяц.

– Не нужно, – возразила она и привстала на цыпочки. – Да! Да, я выйду за вас.

Я деликатно отвернулась и потянула Этана за рукав.

– Поезжайте. Встретимся завтра?

– Вы забыли, что сегодня обед у Чарльза? – В глазах Этана сияли лукавые огоньки, когда он украдкой погладил мою ладонь. – Кстати, давайте наконец перейдем на «ты».

– Забыла, – призналась я со смешком. – Столько всего произошло... До вечера, дорогой!..

– С какой стати на моем крыльце все целуются? – осведомилась леди Присцилла ворчливо. – Может, это эпидемия? Пора искать лекарство?

– Лекарство уже есть, – сообщил доктор, неохотно отрываясь от губ раскрасневшейся невесты. – Называется «старость».

– Ах вы, негодник! – шутливо замахнулась тростью старая леди, но глаза ее смеялись. – Инспектор, я слышала, у вас есть новости? Заходите наконец!

– Боюсь, я тороплюсь, – извинился он.

– Отговорки не принимаются! – заявила леди Присцилла, сверкнув глазами, и ловко ухватила его тростью за локоть. – Вы должны все мне рассказать.

Этан в фальшивом отчаянии посмотрел на меня. Я ответила улыбкой.

– Идите, идите! – Все равно от ведьмы не сбежишь. – А мы пока с Роуз поболтаем.

– Тетя? – удивилась она.

Я взяла ее под руку и повела вдоль по аллее. Вокруг ни души. В отдалении негромко жужжала газонокосилка. Вот и прекрасно, значит, Джоунсу не до меня. То, что я собиралась рассказать, не предназначалось для чужих ушей.

– Роуз. – Я остановилась, глубоко вздохнула и выпалила: – Я не твоя тетя Мэри.

– Что? – опешила она. – Тетя Мэри, ты шутишь?

Отчаянно хотелось выкрикнуть: «Это шутка! А ты поверила? Ха-ха!» Но отступить было некуда, и я покачала головой.

– Помнишь, тебя пугали рассказами о непутевой младшей дочери, Люси Райт? Это я.

Я старалась на нее не смотреть. Слишком больно было бы прочитать в ее глазах презрение.

– Но зачем? – совсем растерялась Роуз. – Тетя... Ты ведь все равно мне тетя, так?

Говорить – так уж до конца.

– Не совсем. Мне было семнадцать, а ему двадцать один. Сын соседа, богатого и влиятельного. Я влюбилась и... позволила ему лишнее. Он клялся жениться на мне, но быстро передумал, когда его отец пригрозил лишением наследства. Его отослали в круиз, а я осталась – незамужняя и в положении. Отец выгнал меня из дома.

– Как? – ахнула добросердечная Роуз.

Я пожала плечами.

– Отец был своеобразным человеком. – Той еще двуличной сволочью на самом деле, но вслух я сказала лишь: – Христианская кротость сочеталась в нем с редкой нетерпимостью. Мои бабка с дедом разошлись из-за того, что она изменила ему с фэйри-полукровкой. Но дед не оспаривал свое отцовство, так что мой отец не считался незаконнорожденным. Однако всегда об этом помнил и лез из шкуры вон, доказывая свою праведность. И когда я оступилась... Он заявил, что больше не хочет обо мне слышать. – Я сглотнула пересохшим горлом и продолжила: – Я не могла оставить ребенка. У меня не было ни денег, ни жилья, ни работы. К счастью, от меня отвернулись не все. Брак Маргарет был бездетным, они с мужем с радостью удочерили девочку. С условием, что я не буду с ней видеться.

– Но... – нахмурилась она. – У мамы с папой не было других детей. Постой, ты хочешь сказать?..

Отчаянно хотелось курить, хотя я бросила три года назад.

– Да, Роуз.

– Но зачем? – Она схватила меня за руки и сильно сжала. – Зачем нужен был весь этот... маскарад?

Я повторила то, что уже говорила инспектору:

– Мэри погибла вскоре после смерти твоих родителей. Она оставила все деньги церкви, а мне – певичке из ревю – никто бы тебя не отдал. Вот и все. Надеюсь, ты меня простишь.

Я осторожно высвободила руки и, не глядя на нее, побрела прочь.

– Тетя! – окликнула она, подбежав ко мне. – То есть... Как мне тебя называть?

– Думаю, «Мэри» пока будет достаточно, – отозвалась я, не оборачиваясь. – Я привыкла откликаться на это имя.

– Хорошо. – Она глубоко вздохнула. – Я... Я тебя не виню. Ты сделала для меня все, что могла. И ты самый близкий для меня человек. Не уходи, пожалуйста.

– Ох, Роуз. – Я не выдержала, обняла ее. – Знала бы ты, как мне было тяжело...

– Теперь все позади, – пообещала она, крепко обнимая меня в ответ. – Все будет хорошо!

Если бы...

Обед у Чарльза казался злой калькой злополучного приема у леди Хэлкетт-Хьюз. Собрались те же гости, но ряды наши изрядно поредели. Не было, разумеется, леди Хэлкетт-Хьюз, а также профессора Фаулера и Леоны Фаулер. Доктор отклонил приглашение, сославшись на большую занятость.

– Надеюсь, вы не сочтете дурной приметой, – разглагольствовал Чарльз, пока слуга с подносом обносил всех закусками, – что я решил пригласить вас всех и хорошо провести время, хотя вся эта история еще не закончена. Через неделю я уезжаю по делам.

– Очень жаль, – ответствовала леди Присцилла, покачивая тяжелыми серьгами. – Может, хотя бы на конкурс цветов останетесь? Обещаю, будет интересно. Я тоже решила принять участие, раз бедная Хелен, кхм, выбыла.

Интересное определение убийства.

– Неужели? – Темные глаза Чарльза блестели. – Увы, я не могу остаться. Мой дед умер, я должен занять его место. А вы наверняка выиграете первый приз.

Я не удержалась и покосилась на викария. Он машинально жевал, разглядывая салфетку у себя на коленях. Смешно шевелились красные щеки и оттопыренные уши.

– Приложу все усилия, – царственно склонила голову леди Присцилла.

– Выпьем же за это! – провозгласил тост хозяин дома, поднимая бокал...

Обед шел своим чередом, разве что леди Присцилла ближе к десерту как-то побледнела и скуksилась. Она украдкой потирала живот.

– Леди Присцилла, – наклонилась к ней Роуз, – вам нехорошо?

– Немного, – ответила она слабым голосом. – Слишком жирная пища, в моем возрасте это бывает опасно.

– Я вызову доктора, – поднялся Чарльз. – Мисс Райт, будьте добры, проводите леди Присциллу в гостиную. Ей нужно прилечь.

Я кивнула и помогла старой леди встать. Роуз поддержала ее с другой стороны. Мы устроили больную со всеми удобствами, принесли ей воды и все, что могло понадобиться.

– Не зажигайте свет, – попросила леди Присцилла, закрывая глаза. – Я хочу подремать.

– Доктор будет через час-полтора, – сообщил Чарльз, заглянув в гостиную.

– Развлекайтесь, – махнула рукой леди Присцилла. – Не надо со мной сидеть, я не ребенок.

По-моему, с капризностью она перебарщивала, ну да ладно.

– Конечно. – Я задернула шторы, и комната погрузилась во мрак.

– С леди Присциллой все будет в порядке, – пообещала гостям Роуз, выходя в коридор. – Ей просто нужно немного побыть одной.

Хмурые лица – слишком это все походило на недавние мрачные события – прояснились.

– Слава богу, – прошептала Рут Миллер.

Чарльз громко хлопнул в ладоши.

– Предлагаю прогуляться по саду, а потом можем потанцевать под радио или выбрать что-то из пластинок.

– В саду уже темно, – заметила Роуз, ежась.

Еще немного, и она станет зажигать перед сном ночник.

– Вот и прекрасно, – тонко улыбнулся Чарльз. – Отличное время для игры в убийство.

– Вы с ума сошли! – рыкнул полковник Хьюз.

Наконец-то! А я уже решила, что он приболел. За весь вечер и голоса не подал.

– Почему же? – пожал плечами Чарльз. – Сейчас это модно. Хотя можем поискать клад. Ну-ну, не ворчите! Будет весело. Джинто, покажи все гостям, я скоро буду. Мисс Райт, можно вас на минутку?

Гости, тихо переговариваясь, нехотя отправились в сад. Меня Чарльз увлек в библиотеку.

– Этан просил меня вас увезти, – сообщил он без обиняков. – Я хочу знать, что вы сами об этом думаете?

Я прошла вдоль полок, касаясь переплетов кончиками пальцев. Повернулась к нему.

– Думаю, это плохая идея. Вы ведь меня потом не отпустите, правда?

Лицо Чарльза, при тусклом свете торшера походившее на деревянную маску, дрогнуло.

– Правда. Я, конечно, уважаю честную игру – ее принято уважать. Но не уверен, что сам на нее способен. Я хочу, чтобы вы уехали со мной. Но не как невеста Этана, а как женщина, которую я люблю.

Я сказала то, что принято говорить в таких случаях:

– Спасибо, Чарльз. Вы мой очень дорогой друг, но...

Он в два шага преодолел расстояние между нами.

– Не надо, Мэри. Я был бы последним идиотом, если бы стал умолять, но я чертовски к этому близок. Я не хочу быть вашим другом. Мне нужно все – или ничего.

Какая яростная, какая пылкая натура! Жаль.

Я покачала головой.

– Вы увлеклись мной, это скоро пройдет. У вас будет титул, богатство, власть... сотни прекрасных одалисок.

Он криво улыбнулся.

– Думаете, меня это утешит?

– Со временем – да.

Чарльз помолчал, глядя в окно.

– Только не присылайте мне приглашения на свадьбу. Я не настолько великодушен.

– Чарльз...

– Что, моя дорогая? Вам было бы легче, если бы все это оказалось игрой? Тогда можете считать именно так. А я не намерен притворяться.

– Перестаньте, – поморщилась я. – Вас ведь подослал инспектор, я сразу догадалась. Он хотел, чтобы вы за мной присматривали.

Глаза Чарльза были темны, словно кожа его камердинера-нубийца. Он закурил, и комнату заволокли клубы табачного дыма.

– Старина Этан. Да, поначалу это была его идея, а потом мы оба в вас влюбились. Смешно. Никогда не думал, что мы станем соперниками. Знаете, ему никогда не везло с девушками. Зато если уж повезло, так по-крупному!

Темноту гостиной совсем чуть-чуть разбавляли фонари за окном. На низкой оттоманке в углу виднелась фигура, укрытая пледом.

Дверь тихонько скрипнула, и человек в коридоре замер. Услышит? Поднимет шум? Но леди Присцилла на диване не пошевелилась. Крадучись, на цыпочках, он вошел. Приблизился к дивану, замирая после каждого шага. Больная по-прежнему крепко спала.

Огляделся. Со стен скалились дикарские маски, предметы культа, в тусклом свете поблескивали топорики и ножи. Человек покачал головой и... На голову спящей опустился тяжелый цветочный горшок. Ни крика, ни стона. Что-то не так!..

Зато внезапно загорелся свет, заставив убийцу судорожно вздохнуть и близоруко заморгать. На диване перед ним лежала грубо скрученная из одеял и шарфов кукла, усыпанная землей из горшка. Фикус валялся на полу.

– Мистер Миллер, вы арестованы! – громко заявил инспектор, выступая из ниши. – За убийство...

Договорить он не успел.

Викарий подпрыгнул, взвизгнул, как поросенок, и слепо бросился к окну. Выскочившего ему наперерез констебля Догсли он просто снес. Такой прыти тот не ожидал.

В саду слышались торопливые шаги, а после – тихий скрип велосипеда.

Констебль Догсли поднялся с пола – кажется, невредим – и выглянул из окна.

– Ушел! – с досадой констатировал он, увидев яростно крутящую педали круглую фигуру. – Простите, сэр.

– Ничего. – Инспектор похлопал его по плечу. – Ему некуда бежать. Думаю, мы найдем его в церкви.

Но он ошибся.

Викария нашли на кухне пасторского дома. В руке у него был пузырек из-под «пыльцы фэйри», в мертвых глазах застыла боль. На столе – записка.

– Он прятал «пыльцу» в велосипеде, сэр! – доложил констебль, шмыгнув носом.

Инспектор рассеянно кивнул и развернул записку. Пробежал глазами, хмыкнул и прочитал снова, теперь вслух и с выражением:

– «В ослеплении, в гордыне своей я осмелился тяжело согрешить. Я уподобился Каину и преступил первую заповедь. Теперь моя душа вечно будет гореть в аду, я содрогаюсь и плачу при мысли об этом. Господь свидетель, нет мне прощения ни по законам божеским, ни по законам человеческим. Я лишь хочу, чтобы тень подозрения больше не пятнала невинных. Простите. P.S. Похороните меня в саду, под душистым горошком».

Эпилог

Лайнер стоял в порту. Неделю назад мы пересекли экватор, и некоторые пассажиры до сих пор это праздновали. Другие же отправились на берег – размять ноги и развеяться.

Я избегала общего веселья. Стояла у борта на прогулочной палубе и смотрела на темную воду. Визгливо кричали чайки, запах мокрой древесины, кожи и водорослей шибал в нос.

– Мисс Люси Райт? – окликнул меня помощник капитана. – Вам телеграмма.

Она состояла всего из трех слов: «Возвращайся. Люблю. Э.».

Я засмеялась, глядя в ярко-голубое небо. В руке трепетал листок телеграммы. Хотелось кричать и плакать, хотелось прыгнуть за борт и помчаться по волнам. Остатки здравого смысла побудили меня спросить:

– Не подскажете, как мне купить обратный билет?

Помощник капитана не выразил ни малейшего удивления. Должно быть, ему не привыкать к сумасбродным дамочкам.

– В Альбион?

Я лишь кивнула.

Обратно. К Этану, Роуз, леди Присцилле – ко всем, кто меня любит и ждет.

А также к вечному дождю, пятичасовому чаю, душистому горошку...

И даже – черт с ней! – пусть будет овсянка.

Запорожье

Июнь – сентябрь 2021 г.